

"Невеста-чужестранка"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кэтрин КОУЛТЕР

НЕВЕСТА-ЧУЖЕСТРАНКА

Посвящается сумасброду Антону К. К.

Глава 1

Нортклифф-Холл, 15 августа 1815 года

Стоя у широкого окна, Тайсон Шербрук задумчиво озирает восточный газон Нортклиффа.

— Собственно говоря, Дуглас, — сказал он, — я знал, что могу претендовать на титул, но, поскольку стоял едва ли не в конце списка законных наследников, никак не предполагал оказаться первым. Да что там, я уже лет десять об этом не вспоминал. А что, последний внук, Йен.., он действительно погиб?

— Да, всего за полгода до кончины старика. Кажется, свалился с обрыва в Северное море. Поверенный, похоже, считает, что именно смерть Йена свела старого Тайронна в могилу. Правда, ему было уже восемьдесят семь — много ли нужно, чтобы прикончить беднягу? Это означает, что отныне ты барон Бартуик. Очень древний титул, восходящий к началу пятнадцатого века, когда всех знатных людей именовали баронами. Графы появились куда позже — все в основном безродные выскочки.

— Я, разумеется, помню Килдрамми, — кивнул Тайсон. — Расположен прямо на побережье, чуть ниже Стонхейвена, развернут фасадом к Северному морю. Места там прекрасные, Дуглас, а замок — сказочный. Настоящее средневековье — невероятно высокий, без окон, одни амбразуры, хотя выстроен, кажется, только в конце семнадцатого века. Мне рассказывали, что первый замок был уничтожен в результате бесконечных клановых распрей. В теперешнем, правда, имеются фронтоны и не меньше дюжины дымовых труб, а по углам красуются четыре круглые башенки. Огромный внутренний двор, окруженный каменной стеной.

Тайсон немного помолчал, словно воскрешая в памяти давние юношеские воспоминания. Глаза его затуманились. Кажется, это было только вчера...

— А какие там пейзажи! Дикая, неукротенная природа! Слово сам Господь глянул вниз, решил, что наши современные постройки и широкие дороги там ни к чему, и оставил все в первозданном виде. Сплошные скалы, седые утесы, едва протоптанные, заросшие травой тропинки и единственная узкая, извилистая дорога, которая ведет в замок. Чтобы попасть на берег, приходится спускаться по крутому, усеянному камнями холму. А цветы! Буйная россыпь полевых цветов!

Что за небывалый поток красноречия? Столь поэтические описания из уст степенного, уравновешенного, вечно серьезного брата? Должно быть, замок и в самом деле произвел на него неизгладимое впечатление. Дуглас в душе порадовался тому, что Тайсон не только помнит поместье, но и безгранично им восхищен — Да, ведь вы с отцом туда ездили, — сказал он. — Сколько тогда тебе было.., лет десять?

— Верно. Один из самых счастливых периодов в моей жизни.

Дуглас ничуть не удивился такому заявлению. Им всем редко доводилось бывать наедине с

отцом. И если самому Дугласу удалось хоть ненадолго завладеть его вниманием, мальчик был на седьмом небе. Ему по-прежнему недоставало отца, благородного, великодушного человека, любившего детей и умудрявшегося терпеть сумасродные выходки взбалмошной жены. Обычно граф, не вступая в перебранку, отделялся улыбкой и безразличным пожатием плеч. Поистине ангельское терпение. Дуглас вздохнул. Как много перемен!

— Поскольку ты отныне обладатель древнего титула, пожалуй, разрешу тебе за обедом сидеть во главе стола, — пошутил он.

Но Тайсон не рассмеялся, хотя, кажется, уголки его рта чуть приподнялись. Он вообще редко смеялся с тех пор, как в семнадцать лет решил стать служителем Господа. Их брат Райдер часто говорил Тайсону, что из всех людей, существующих на этой благословенной земле, именно викарий должен обладать наибольшим чувством юмора, поскольку у Бога оно наверняка имеется: стоит лишь припомнить все нелепости, которые нас окружают. Неужели Тайсон никогда не видел брачного ритуала павлинов, например? А фат, именуемый принцем-регентом, такой жирный, что требуется помощь лакеев, — чтобы, впихнуть его, в ванну, а потом вытащить оттуда!

Но на Тайсона эти тирады не действовали. Он продолжал читать суровые проповеди, угрожая грешникам карами небесными и предупреждая, что Спаситель вовсе не склонен прощать людские промахи.

Совсем недавно ему исполнился тридцать один год. Как и все Шербруки, он был высок, хорошо сложен, с глазами цвета летнего неба. В каштановых волосах мелькали белокурые пряди. Только Дуглас, с его темными глазами и смоляными волосами, не походил на родственников. Но в отличие от братьев и сестер в Тайсоне не было жизнелюбия, врожденного безграничного оптимизма, веры в, то" что этот мир поистине прекрасен.

— Сидеть во главе стола... Вот уж не думал, что когда-нибудь это будет относиться ко мне, — пробормотал он. — Пожалуй, мне следует отправиться в Шотландию и посмотреть, что к чему. Правда, здесь всегда дел невпроворот, но старый Тайронн — все же наш двоюродный дед и заслуживает достойного наследника, хотя бы затем, чтобы присмотреть за хозяйством. Но, по чести говоря, управляющий из меня никудышный, да и опыта никакого нет.

— Можешь рассчитывать на мою помощь, братец. Я мигом откликнусь, только позови. Хочешь, поедем вместе?

— Нет, Дуглас, — покачал головой Тайсон. — Но все равно спасибо. Это моя обязанность и мой долг. Я оставляю за себя помощника, вполне способного на время меня заменить. Надеюсь, ты помнишь Сэмюела Притчерта?

Еще бы! Разве можно забыть этого надутого ханжу?

Дуглас молча кивнул.

— Так что я отправлюсь один, — продолжал Тайсон. — Подумай, Дуглас, все наследники мертвы! Сколько же их было?.. Бедные мальчики! Неужели это правда?

— Да, какое несчастье! Болезни, несчастный случай, дуэли.., уж очень они были вспыльчивы, эти Бартуики! А последний, Иен, как я уже сказал, утонул, упав с обрыва. Поверенный не объяснил, как именно все это случилось.

— А ведь до меня было еще шестеро наследников... Именно поэтому старик Тайронн и внес

меня в список. Очевидно, он решил подшутить, сделав англичанина последним в очереди на старый шотландский титул. Никак не предполагал, к чему это приведет.

— Как видишь, привело. Теперь ты барон. Шуточка оказалась обоюдоострой! Не рой другому яму... А теперь замок, богатые пастбища, бесчисленные отары овец — все перешло к англичанину. Кроме того, многие фермеры и арендаторы еще и рыбачат, а это означает, что даже в тяжелые времена там никто не голодает. Поместье небогатое, но приносит хороший доход. Кажется, наш двоюродный дед никогда не применял огораживание.

— И правильно, — одобрил Тайсон. — Мерзкий обычай! Выгонять людей с земли, которую они обрабатывали сотни лет! — Помолчав немного, он добавил:

— Думаю назначить наследником моего сына, Макса. Интересно, что он на это скажет.

Вероятно, процитирует очередное латинское изречение, подумал Дуглас. Племянник рос умным, начитанным и очень серьезным. Он был куда серьезнее, чем отец в его возрасте. Его называли в честь деда, единственного ученого мужа во всем роду Шербруков.

— Перед отъездом, Тайсон, привези детей сюда, и мы с Алекс приглядим за ними. Твоя Мегги может держать в узде не только своих братьев, но и кузенов. Эти двое настоящие дикари, и никто, кроме нее, с ними не совладает.

Только сейчас Тайсон улыбнулся. Лучезарная улыбка осветила его лицо.

— Поразительное создание, не правда ли, Дуглас?

— Да, совсем как Синджен в ее годы. Не успеешь оглянуться, как она будет править твоим хозяйством железной рукой.

— И ничуть она не похожа на Синджен! — возмутился брат. — Разве что только внешне, но уж никак не такой сорванец. Вот уж нет! Синджен могла кого угодно вывести из себя своими выходками — Мегги же куда сдержаннее. Настоящая маленькая леди, не то что Синджен.

Дуглас громко фыркнул.

— Помнишь, как отец воздел руки к небу, когда Синджен пнула Томми Мейтленда прямо в зад и он свалился со скалы? Слава Богу, хоть шею не сломал!

— А как она зашила брючины всех твоих штанов? — поддержал Тайсон. — До сих пор в ушах звучат твои вопли! Нет, Мегги очень послушна. Никогда не доставляла мне ни малейшего беспокойства. — Внезапно он озабоченно сдвинул брови. — Ну.., может, ты и прав и наши слуги пляшут под ее дудку. Да и мальчики слушаются без всяких возражений. А кухарка.., кухарка готовит блюда специально для Мегги. Но поверь, только ее безграничная доброта и терпение заслужили любовь всех прихожан, не говоря уже о домашних. Как ни трудно было Дугласу, он все же постарался сохранить самообладание. Бесплезно разубеждать брата! То ли он попросту слеп, то ли Мегги ловко обводит отца вокруг пальца.

— А сколько раз я драл Синджен уши! — воскликнул он.

— Даже я как-то вышел из себя, — признался Тайсон. — Мне тогда было тринадцать, а ей — девять, и она повязала хвост моего любимого воздушного змея на шею Чернышу. Помнишь Черныша, Дуглас? Что за пес Лучшего, у пас никогда не было! Короче говоря, Синджен швырнула палку, Черныш бросился за ней — и поверишь ли, змей оторвался от земли, а потом

упал, запутался в маминых розах и окончательно порвался. Я хотел отвесить ей оплеуху, но она успела убежать и спрятаться... — Тайсон снова расплылся в улыбке. — Совсем забыл: нужно повидаться с Синджен и Колином. Мне их так не хватает, — объявил он, поднимаясь. — Как говорится, не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Сэмюел Притчерт позаботится о прихожанах. Спасибо за то, что предложил взять детей, Дуглас. Я, скорее всего, выеду в среду. Путь так далек, что успею сочинить не меньше дюжины проповедей.

Услышав шаги отца, Мегги поспешно отскочила от двери кабинета дяди Дугласа, помчалась по коридору и, конечно, налетела на тетю Алекс.

— Господи, Мегги, что это с тобой? — сочувственно осведомилась та, схватив племянницу за руки и пристально ее разглядывая, — Опять подслушивала? О, дорогая, не смущайся, я тоже так делала в детстве. А твоя тетя Синджен до сих пор не избавилась от дурной привычки. Ну и что тебе удалось узнать, Мегги?

— Отец в среду отправляется в Шотландию, а мальчиков привезет сюда.

Алекс подняла брови.

— Ах да, новый титул. Что поделаешь, придется ему ехать. А как насчет тебя?

— О, я поеду с ним! — заверила Мегги. — Разве он сможет без меня обойтись?

— Думаешь, он согласится?

— Еще бы! Кстати, чем вам помочь, тетя Алекс?

Алекс Шербрук молча взирала на племянницу, теребя прядь ее чудесных волос и думая о том, что у Тайсона нет ни единого шанса устоять перед девочкой.

Покачав головой, она отправила Мегги в комнату для занятий, пообедать вместе с мальчиками. Последние, похоже, устроили бег с препятствиями, используя в качестве препятствий столы и стулья. По крайней мере так утверждал гувернер мистер Мерфи, вытирая пот со лба. Только Мегги способна привести их в чувство и восстановить порядок!

Алекс все еще улыбалась, когда из комнаты вышли Тайсон и Дуглас.

— Холлис сказал, что обед уже подан, — сообщила она.

— Совершенно верно, милорд, — подтвердил Холлис и, обращаясь к Тайсону, заметил:

— Титул и звание вам к лицу, милорд.

— Спасибо, Холлис.

— Ну как, готов новый достопочтенный барон Бартуик попробовать тонко нарезанный окорок нашей кухарки? — полу торжественно — полушутливо осведомилась Алекс.

— — Как странно это звучит, — заметил Тайсон и с нарочитой серьезностью добавил:

— Не забудь, Алекс, отныне я сижу во главе стола, поскольку стал важной персоной.

Супруги расхохотались, но Тайсон и бровью не повел. Только легкая усмешка говорила о том, что он тоже способен шутить.

— Мои племянники здоровы? — спросил он.

— Совершенно, — ответил Дуглас. — Мало того, чертовски хороши собой. Именно это и не дает мне покоя. Помяни мое слово, женщины будут осаждать и Джеймса, и Джейсона. Да что там «будут»! Мальчишкам всего десять, а местные девицы уже нас осаждают. Тащат целые снопы цветов, перевязанные розовыми ленточками, якобы для Алекс, самодельные шлепанцы для меня, даже тарелки с пирожными, вроде бы собственноручно испеченными. Короче говоря, делается все, чтобы привлечь внимание близнецов, причем ни одна не в силах их различить, так что можешь представить, как мальчишки над ними измываются. Слава Богу, что пока они не придают этому значения, но страшно подумать, что будет, когда они вырастут!

— По-моему, они очень похожи на твою сестру, Алекс, — заметил Тайсон, усаживаясь за небольшой обеденный стол. — Говоря по правде, она одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо встречал. Ну, разве не странно, что близнецы пошли в нее, а не в тебя или Дугласа?

— Тони, черт бы его побрал, хохочет всякий раз, когда я об этом упоминаю, — пробурчал Дуглас, протягивая Тайсону блюдо со знаменитым окороком, сбрызнутым соусом, секрет которого кухарка ревностно охраняла. Известно было только, что туда входят хорошо размятые листья базилика. — Зато дети Тони и Мелисанды скорее могли быть нашими, судя по внешности. А теперь, Тайсон, я расскажу, о чем еще написал поверенный дедушки Тайронна.

Глава 2

Иден-Хилл-Хаус, дом, викария.

Гленклоуз-он-Роуэн, 16 августа 1815 года

— Нет, Мегги, я больше слушать ничего не желаю! Но разумеется, на этом дело не кончилось. Тайсон внезапно осознал, что смотрит на дочь глазами Дугласа. Еще одна Синджен?! В детстве Синджен доводила его до умопомешательства, но он просто игнорировал сестру, потому что и тогда серьезно относился к жизни, а девчонка всегда издевалась над ним. Называла педантом и ханжой, что, возможно, было чистой правдой, Тайсон со вздохом взглянул на дочь, ожидая новой атаки. Долго ждать не пришлось.

— Пожалуйста, папа, это просто необходимо! Ах это напряженное личико, этот просящий голос... Чувствуя, как слабеет его решимость, Тайсон мысленно одернул себя.

— Я тебе нужна. Ты ведь знаешь, каким хорошим помощником я могу быть! Да ты и не почувствуешь, что я рядом. Сделаю что смогу и тут же исчезну.

Достопочтенный Тайсон Шербрук, благочестивый служитель Божий, человек, любящий детей и редко повышавший голос даже в тех случаях, когда кто-то из его паствы сбивался с пути праведного, терпеливо повторил;

— Пожалуйста, Мегги, ни слова больше. Со мной ты не поедешь, а вместо этого вместе с братьями отправишься в Нортклифф-Холл. Неужели непонятно? Я еду в Шотландию и не знаю, что меня ждет. Я гостил там много лет назад, и все, что осталось в памяти, — это извилистые тропинки, отары овец и бесплодные земли, простирающиеся насколько хватает взгляда. Возможно, ничего не изменилось и дороги по-прежнему кишат разбойниками, если там вообще есть дороги. Я лично ничего такого не помню и понятия не имею, что найду. Поэтому хотя бы утешусь мыслью, что ты в безопасности, с дядей и теткой.

Мегги, рассудительная и спокойная, как католическая монахиня, хладнокровно возразила:

— Тетя Синджен живет в Шотландии, поэтому не может там быть никаких дикарей, папа. И дороги наверняка имеются. Тетя Синджен уж точно позаботилась бы об этом. Да и к чему нам дороги, если можно ехать верхом? Поверь, все будет замечательно!

Тайсон молча взирал на дитя чресл своих, на это поразительное создание, так живо будившее воспоминания о Синджен и о том, сколько раз ему хотелось удавить сестричку, особенно когда та испортила его лучшего змея. Он вдруг понял, что в разговоре с Дугласом несколько преувеличил смирение и покорность своей дочери.

Неужели он действительно восхищался ее послушанием и мягкостью? Да он, должно быть, рехнулся! Заботливый родитель, не подозревающий, что делается у него под носом! Верно, она способна быть милой и скромной.., когда ей это выгодно. В остальное время превращается в такую же негодницу, какой в свое время была Синджен.

Однако он не хотел, чтобы дочь походила на свою мать, Мелинду Беатрис.

Эта крамольная мысль заставила Тайсона в ужасе зажмуриться. Нет, Мелинда Беатрис была поистине святой, хотя временами ее благочестие немного отдавало лицемерием. Неудивительно, что у прихожанина каменело лицо после очередного ее добросердечного совета.

Тайсон покачал головой, посмотрел в голубые глаза Мегги и коснулся ее мягких светлых волос. И глаза, и волосы она унаследовала от Шербруков.

— Мегги, а почему ты считаешь, что нужна мне? Девочка ответила прямым спокойным взглядом.

— Ты чересчур добрый, папа. И хороший. Никогда не видишь зла в людях, а временами вообще не видишь людей. У тебя слишком возвышенные мысли, утонченные и чаще всего далекие от нашего грешного мира. Я сумею уберечь тебя от плохих людей. И от женщин, которые попытаются заставить тебя полюбить их и жениться. Я...

Тайсон прижал палец к губам дочери. Это он не видит зла? Его мысли слишком возвышенны и утонченны? Неужели она действительно в это верит? А ведь Тайсон, задавая вопрос, искренне считал, что Мегги откажется от своих намерений или по крайней мере найдет другие аргументы для продолжения спора. Но она...

Он ошеломление потрянул головой. Это он не умеет распознать зла? Чересчур добрый? Спаситель милосердный, это он легкая добыча для женщин, пытающихся завлечь его в ловушку брака?

— Я ценю столь высокое мнение обо мне, Мегги, — с легкой иронией бросил Тайсон, — хотя не знаю, почему выгляжу в твоих глазах слабым ничтожеством. Что касается, дам.., обещаю держаться настороже.

— Но мисс Стрепторп едва не поймала тебя. Я слышала, как она говорила об этом со своей подругой. Убеждала ее, что почти преуспела. «Всего один поцелуй, — твердила она, — и он посчитает себя обязанным жениться на мне». А когда она застала тебя одного в ризнице?

— Но я не поцеловал мисс Стрепторп и сумел сбежать из ризницы, не расстегнув воротничка.

— Ты подшутил над ней, папа?

— Разумеется, нет, Мегги.

— Я так и думала. Ты не станешь тратить время на что-либо, по твоему мнению, легкомысленное. Я, конечно, знаю, что ты не целовал мисс Стрепторп, иначе к этому времени она уже была бы моей мачехой, а от нее даже Макса стошнило бы. Что касается Лео, бьюсь об заклад, он попросту сбежал бы из дома.

— Довольно о мисс Стрепторп! Я взрослый человек, Мегги, и могу сам позаботиться о себе. Обещаю не привозить сюда мачеху.

— Но...

Отец снова коснулся губ девочки.

— Итак, милая, в последний раз повторяю: ты останешься в Нортклиффе. Клянусь, что буду остерегаться плохих людей и женщин, которым позарез необходимо выйти замуж. И хватит об этом. Не испытывай моего терпения. Не пристало служителю Божию повышать голос на дитя свое. Страшно подумать, какой скандал поднимется, если кто вдруг услышит.

Мегги схватила отца за руку:

— Папа, возьми меня с собой! Шотландия так и кишит злобными грешниками. Один человек просто не в силах распознать каждого! Дамы особенно любят подкрадываться незаметно. Я...

Отец подивился такой решимости. Похоже, она никогда не сдастся.

Маленькая ручка отчаянно тянула его за рукав. Изящная, тонкая, с длинными пальчиками. Рука Синджен, не Мелинды Беатрис.

— Я три года не видела тетю Синджен и дядю Колина, с тех самых пор, как они приезжали в Лондон и мы у них гостили. Хочу еще раз встретиться с Филиппом и Далин. Джослин и Флетчер меня не слишком интересуют — они совсем еще малютки.

Тайсон тяжело вздохнул, призывая на помощь все свое терпение, и, шагнув к выходу, твердо объявил:

— Миссис Придди поможет сложить вещи тебе и мальчикам. Завтра на рассвете я уезжаю. Советую, Мегги, послушаться меня.

За спиной послышалось недовольное ворчание, но слов он не разобрал. Мегги всего десять лет, а кажется, что целых тридцать. Да нет, по взглядам она куда старше. Ему тридцать один, а для нее, похоже, столь зрелый возраст остался позади. И его братец Дуглас прав. Мегги — точная копия Синджен, одновременно беззаботная и впечатлительная, всегда улыбающаяся, вечно командующая братьями, стремящаяся помочь всем и каждому. И упрямая.., самая упрямая, что никакие доводы, никакие мольбы не в силах ее убедить. Кроме того, она может быть требовательной и безрассудной, и если так будет продолжаться, ему, вероятно, придется наказать ее, а этого Тайсон вовсе не хотел. Однажды он все-таки отшлепал Мегги и вряд ли забудет эту сцену. Миссис Придди пришла к нему с жалобой. По ее словам, за такие выходки девчонку следовало бы на целый год посадить на хлеб и воду. Тайсон поначалу боялся спросить, в чем дело, но миссис Придди все объяснила сама:

— Верите ли, преподобный Шербрук, она привязала веревку церковного колокола к ошейнику козы Молли, а потом разложила вокруг проклятой козы старые башмаки и налила в каждый

овсянки. Поганая животиная, конечно, принялась за еду, а колокол звенел, пока овсянка не кончилась. Как ни странно, он даже вызванивал какую-то мелодию, так что пономаря Питерса едва удар не хватил. — На этом месте миссис Придди понизила голос:

— Я слышала своими ушами, преподобный, как он сыпал такими грязными ругательствами, что страшно становилось. Вы должны поговорить с ним. Пономарю не подобает так выражаться.

Но по мнению Тайсона, ярость пономаря достигла таких высот, когда проклятия вырываются изо рта бессознательно и без всяких дурных намерений. Именно поэтому Тайсон обратил гнев на дочь, но та и слезинки не проронила. Ему же угрызения совести еще долго не давали покоя. Несколько недель перед его мысленным взором стояли голубые глаза, наполненные слезами. Он уже готов был на коленях молить ее о прощении, но, к счастью, выбрался из комнаты до того, как совершил эту непростительную глупость. Ну, об этом лучше не вспоминать... Пора собираться.

Тайсон поднялся к себе и стал аккуратно складывать вещи в саквояж. Его камердинер Трокмортон умер прошлой зимой от старости. Умирал он с улыбкой на бескровных губах, потому что молодая и хорошенькая служанка Мэриголд гладила его морщинистую руку. Тайсон пока не нанял себе нового лакея. В конце концов, он священник, а священнику вряд ли прилично иметь камердинера. Миссис Придди вполне сносно ухаживает за его одеждой. Тайсон был богатым священником, хотя обычно не обращал внимания на это обстоятельство. Всеми его делами управлял Дуглас, знавший, что брату пет дела до подобных вещей. А теперь Тайсон в дополнение к богатству обрел еще и титул. Он барон Бартуик. Ну, как тут не подивиться промыслу Господню. Он поужинал один в маленькой утренней столовой, поговорил с пономарем, тем самым, что время от времени богохульствовал, и провел больше времени, чем ожидал, с младшим викарием, Сэмюелом Притчертом, человеком, наделенным длинным тонким носом и мрачным характером. Сэмюел мог разговорить даже немного. Поразительно, как люди выкладывали всю подноготную после трехминутной беседы. Он, несомненно, был на своем месте, его проповеди, вернее, различные вариации на тему наказания за грехи, имели большой успех, так что паства не собьется с пути истинного в отсутствие главного пастыря. Закрыв саквояж, Тайсон зашагал. К спальне сыновей. Из-под двери пробивался свет. Легонько стукнув, он нажал ручку. Восемилетний Макс, по обыкновению, читал: длинные ноги вытянуты, руки едва удерживают огромный фолиант, за левым плечом горит свеча. С гордостью, взирая на сына, Тайсон подумал, что в его возрасте был куда легкомысленнее. Макс говорил, читал и даже ругался на латинском, когда злился на младшего брата, что случалось довольно часто, особенно когда он думал, что отец не слышит. Тайсон не понимал и половины, что, возможно, было к лучшему.

Лео, названный в честь Леопольда Фоксуорта Шербрука, третьего графа Нортклиффа, джентльмена, который превыше всего ценил честь, стоял на голове, упершись ногами в стену. Глаза его были закрыты, словно их обладатель мирно дремал. Вероятно, мечтает о лошадях дяди Дугласа, который гостеприимно распахнул перед племянником двери конюшни, подумал Тайсон и деликатно кашлянул.

— Мальчики, я пришел попрощаться с вами. Завтра уезжаю с первыми лучами солнца.

Макс бережно положил книгу на ковер. Тайсон, мельком скользнув взглядом по странице, заметил латинские фразы. Опять!

Лео же попросту оттолкнулся от стены, сделал кульбит через голову и грациозно поднялся.

— Я хочу скакать на Гарте, папа. До чего же он злобный.

Слава Богу, что Дуглас ни за что не позволит племяннику сесть на коварного жеребца.

— Мы знаем, что придется погостить у дяди Дугласа, — вмешался Макс. — Скажи, папа, у нас отныне тоже есть титул, как у тебя? Вот Джеймс — лорд Хаммерсмит, а Джейсон — просто «достопочтенный». Может, как старший сын, я теперь тоже лорд Как-там-его?

— Прости, Макс, но для вас ничего не изменилось. Правда, вы можете именовать себя достопочтенными сыновьями барона Бартуика. — Мы и так «достопочтенные», папа, — возразил Макс. — Дядя Райдер постоянно твердит, что мужчина должен прежде всего заботиться о чести, если больше не о чем заботиться. То есть это он говорит, а не я.

— Да, — кивнул Тайсон, — ничего нового ты не сказал, сынок.

— Кроме того, — добавил Макс, пожав плечами, — кому нужно быть Хаммерсмитом? Дурацкое, ничего не значащее имя! Хотя Джеймсу нравится.

— А вот и нет! — неожиданно вспыхнул Лео, подтягивая штаны и носки. — Кстати, пап, ты знаешь, кто я? Подлый маленький крысеныш и мерзкий идиот!

— Господи Боже! — ахнул Тайсон. — Где ты это слышал, Лео? Крысеныш... Какое гнусное оскорбление! Советую немедленно выбросить его из головы! А заодно и мерзкого идиота.

— Это очень трудно сделать, папа, поскольку Мегги так разозлилась, что была вне себя. Дело было вчера и...

Тайсон закрыл глаза.

— Твоя сестра назвала тебя крысенышем и идиотом?

— Да, — вздохнул Лео, опуская голову. — Возможно, я это заслужил. Мегги раскраснелась, как помидор. Она прямо-таки заикалась, не зная, что сказать, а потом слова так и вылетели у нее изо рта. Она даже погрозила мне кулаком. Хорошо еще, что не стукнула по голове и не толкнула, как обычно, в кусты.

— Могу я осведомиться, чем была вызвана такая реакция? Иначе говоря, что ты сделал сестре?

— Лео подкрался сзади и вырезал широкий лоскут из юбок Мегги, так что все панталоны были видны.., и сам знаешь, что еще. Хорошо, что Мэриголд заметила и с воплем бросилась за ней, пока она не успела отойти далеко от дома, Тайсон подумал, что Мегги была права, назвав брата крысенышем, но, естественно, не высказал своих мыслей вслух. Вместо этого он тихо произнес:

— Я глубоко огорчен, Лео. Одному Богу известно, что сказала бы на это твоя добрая матушка, — Мать наверняка завизжала бы, стала колотить в стену кулаками и закатила бы истерику часа на два, — деловито объявил Макс. — Лео предпочитает заработать оплеуху от Мегги. Всего два дня назад она так стиснула ему шею, что едва его не задушила. Кстати, насчет матери и истерик — так это миссис Придди говорила. Сам я не помню.

Тайсон тоже не помнил никаких кулаков, что же касается истерик.., да, такое бывало, и не раз.

— Меня не будет здесь, чтобы присмотреть за тобой, но вот мое решение: ты шесть дней не будешь стоять на голове. Не будешь кувыркаться в коридорах Нортклифф-Холла. Не возьмешь в руки ножниц. И будешь обращаться со своей сестрой как с принцессой. Тебе ясно?

Лео покаянно шмыгнул носом.

— Да, папа.

Макс растерялся, но уже через мгновение его лицо вновь стало бесстрастным, и Тайсон даже подумал, уж не привиделось ли ему все это.

— Мальчики, слушайте дядю и тетю, — строго велел он. — Чтобы никакого озорства! И не смейте принимать подарки от юных дам, которые являются в Нортклифф-Холл, чтобы осыпать ими ваших кузенов, тетю и дядю.

Он обнял сыновей и даже погладил Лео по голове. Закрыл за собой дверь и уже хотел отойти, как до его слуха донесся голос младшего сына:

— Папа ничего не сказал насчет ночей. Запретил стоять на голове шесть дней, а про ночь не говорил!

— Лео! — возмутился Макс. — Ты попадешь в ад!

— Нет, папа этого не допустит, — фыркнул Лео. — Ну почему он не мог унаследовать титул, который сделал бы нас хотя бы лордами? Наверняка где-то существует герцогство без герцога! А может, у дяди Дугласа имеется парочка титулов, упомянутых в старинных книгах, о которых он давно забыл?

— Дядя Дуглас, — начал Макс тем наставительным тоном, от которого его брат и сестра лезли на стену, — имеет только один лишний титул, который он отдал своему сыну. Ты сам это знаешь. Джеймс у нас виконт, лорд Хаммерсмит, потому что дядя Дуглас граф и не нуждается в титуле виконта. Постой..., кажется, он еще и барон чего-то-там. Не помню точно.

— Бедняга Джейсон, — пожалел Лео. — Он совсем никто. Ему приходится так же худо, как нам.

Тайсон невольно улыбнулся, хотя по правилам так называемой морали должен был сурово нахмуриться.

Эту ночь он почти не спал. Перед тем как лечь, он заглянул в спальню Мегги, но свечи были потушены, и девочка, очевидно, спала. Как ни неприятно было огорчать ее, но она еще слишком мала для такого долгого путешествия. Кроме того, одному Господу известно, что ждет его в Шотландии. Скорее бы увидеться с Синджен, Колином и детьми.

Тайсон выехал рано утром. На козлах сидел кучер Руфус. На запятках примостился ливрейный грум, которому вменялось в обязанность платить дорожные пошлины. И кучер, и грум были взяты по рекомендации Дугласа и служили в его имении. К задку экипажа под зорким взглядом грума был привязан Черный Великан, жеребец Тайсона.

Только спустя несколько дней, уже прибыв в Эдинбург, Тайсон узнал, что грум вовсе не был одним из людей Дугласа.

Глава 3

Taitrum per comua prehende [1].

22 августа 1815 года

Путешествие и впрямь оказалось долгим. Наконец Тайсон въехал в Эдинбург верхом на Черном Великане. Он успел сочинить девять проповедей за те пятьте половиной дней, что они провели в дороге, но был вынужден признать, что объективно ни одна из них не годится для ушей Божьих. Все они, думал он, глядя на величественный замок, выстроенный на исхлестанном суровыми ветрами базальтовом гребне и вздымавшийся над городом как символ когда-то незыблемой королевской власти, довольно.., нет, он не выговорит этого слова.., ну ладно, так и быть.., довольно скучные. Слушая их, хочется носом клевать. Правда, упоминание об адском пламени неизменно привлекало живейшее внимание паствы, но его самого ничуть не трогало, поэтому он редко угрожал прихожанам сковородами и серой. Но эти девять проповедей.., уж слишком они прямолинейны, да и нет в них цельности. Так, рассуждения на разные темы, без единой идеи, некоего внутреннего стержня. Только одна, посвященная женской кротости и покорности, создана с явным знанием предмета. Вспомнив о Мегги, Тайсон покачал головой. В голову немедленно полезли мысли о Мелинде Беатрис, а вместе с ними нечто вроде сознания своей вины. Они оба были очень молоды, отчаянно влюблены и представляли жизнь чем-то вроде узенькой тропинки, вернее, тесного мирка, где царят лишь доброта, надежда и страстное желание служить Господу. Он по крайней мере хотел именно этого. Тайсон вздохнул и, услышав мальчишеский свист, помахал сорванцу. Он впервые видел Эдинбург глазами взрослого человека. Замок. Знаменитый Эдинбургский замок... О, как искренне восхищалась бы им Мегги! Нет, он правильно поступил, что не взял дочь с собой. Господи, да ведь дождь лил целых четыре дня! Хорошо еще, что сегодня с утра прекратился. Вышло солнышко, и теперь он сможет увидеть размытые очертания гор, синеющих на горизонте за долиной Лотиан и заливом Ферт-оф-Форт, так ясно, словно стоит на стене замка. Он тронул коня, осторожно объехал группу людей, выглядевших крайне неприветливо, и знаком приказал кучеру следовать за ним в Новый Город, расположенный к северу от замка. Выросший на смрадном болоте, Новый Город был истинным шедевром, изобилующим великолепными площадями и садами вокруг прекрасных зданий в георгианском стиле. Трудно сказать, живет ли сейчас Синджен в своем городском особняке, но если и нет, старый Энгус позволит ему остановиться на ночлег. Кинросс-Хаус располагался напротив маленького, утопавшего в зелени парка. Высокий узкий дом был старше соседних, но содержался в безупречном порядке: повсюду цветы, краска недавно обновлялась, ни одна из ставен не покосилась. Если он не ошибается, крыша из сланцевого шифера тоже совсем новая. Квадратный газон недавно подстрижен, аллежки выметены. Несмотря на усталость, Тайсон невольно улыбнулся при виде столь идеального хозяйства. Ему вспомнились слова Мегги, что если тете Синджен понадобится, она и дороги велит замостить. Из Кинросс-Хауса она точно сотворила произведение искусства. Правда, здесь все строения хороши, но у ее особняка есть стиль — пусть и старомодный, но зато уникальный.

Тайсон надеялся, что старый Энгус еще не выжил из ума, признает брата хозяйки и не выпалит в него из своей старинной пищали с раструбом. Синджен как-то со смехом уверяла, что это весьма ценное и грозное оружие. Из окна донесся пронзительный вопль, и Тайсон взглянул вверх. Синджен, высунув голову, радостно вопила:

вернуться

1

Возьми быка за рога (лат.).

— Тайсон! Это в самом деле ты? Ад и проклятие, мы сами только вчера приехали! Колин в замке, о чем-то толкует с лордом Столлипгсом. Далин и Филипп с ними — наверняка шатаются

по бесконечным коридорам, в которых так и свистят сквозняки, и изводят вопросами несчастных стражников. О, как я рада тебя видеть! Заходи же скорее!

На крыльцо, шаркая ногами, приковылял старый Энгус, казавшийся куда старше самого замка: домотканые штаны пузырятся на коленях, белоснежные волосы взъерошил ветер, морщинистое лицо светится приветливой улыбкой. — Ох, да это мастер Тайсон, брат ее светлости!

— Точно, — подтвердил тот, наслаждаясь певучим шотландским выговором.

— Что ж, велите вашему человеку идти за мной, и мы приглядим за добрыми лошадками, которых вы привели. А кто этот цыпленок на запятках?

— Мой грум.

— Да ну?

В этот момент с крыльца сбежала Синджен и бросилась брату на шею, сдавив изо всех сил. Расцеловав ее в обе щеки, Тайсон чуть отстранился и вгляделся в пышущее здоровьем лицо.

— Ты прекрасно выглядишь, Синджен. Слава Богу, хоть дождь перестал.

— А ты, Тайсон, такой же красивый, как был. О Боже, я понятия не имела, что ты вздумаешь приехать! Как ты на такое решился? Клянусь, это, самый неожиданный поступок за всю твою жизнь... Но почему она тащится за твоим экипажем? Бедняжка вот-вот упадет от усталости. А, догадываюсь: она надоела тебе своими просьбами, и ты сдался. Слишком уж ты балуешь ее, Тайсон.

Тайсон недоуменно захлопал глазами, прежде чем смысл загадочных слов сестры дошел до него. Предчувствуя недоброе, он обернулся и уставился на своего грума.

— Ну же, Мегги, — продолжала Синджен, — спускайся и дай мне обнять тебя. Уверена, что смогу понять, с чего это ты вдруг стала грумом своего отца. На пари? Нет, не может быть, твой папочка никогда не бьется об заклад. То ли потому, что считает это грехом, то ли, лишенный удачливости Шербруков, не желает лишиться состояния.

Тайсон посмотрел на дочь. Мегги неловко стянула донельзя истрепанную шерстяную шапку. Ее чудесные волосы спутались и висели грязными клоچьями.

Он вздохнул и, не говоря ни слова, направился в дом. Парадная дверь была широко распахнута. На пороге стояла Агнес, жена старого Энгуса, в широченном переднике на расплывшейся талии. — И кто вы будете? — спросила она, скрестив массивные руки на пышной груди.

— Служитель Божий, который пытается взять себя в руки, — честно ответил Тайсон.

— Верно. Вы тот самый преподобный, — кивнула Агнес, показывая в улыбке все три оставшихся зуба.

Дело обошлось без криков, проклятий и тем более физического насилия. Тайсон окинул укоризненным взглядом свою непокорную дочурку, жавшуюся к тете Синджен, и холодно обронил:

— Я очень огорчен твоим поведением, Мегги. — Обернувшись к сестре, он начал объяснять:

— Я унаследовал от двоюродного дедушки Тайронна баронство Бартуик и теперь именуюсь бароном Бартуик из замка Килдрамин. Мои новые владения лежат примерно в семи милях от Стонхейвена, поэтому я и прибыл в Шотландию, чтобы осмотреть все своими глазами, решить, что делать, а заодно навестить тебя и Колина. Насколько мне известно, поверенный Бартуика, мистер Макрей, сейчас в Эдинбурге. Мне нужно с ним поговорить.

— Да, Доналд Макрей здесь. Пользуется большой популярностью, особенно у дам, — усмехнулась Синджен и опустила на колени перед Мегги. — У тебя ужасный вид, сердечко мое. Почему бы тебе не пойти со мной наверх? Выкупаешься, переоденешься... Ты не забыла захватить одежду? Забыла? Ничего страшного, Далин в свои четырнадцать лет — настоящая юная леди, но, думаю, все еще хранит старые вещи в комод.

Мегги виновато оглянулась на отца, который так и не сдвинулся с места и ответил ей бесстрастным взглядом. Плечи девочки бессильно поникли..

— Прости, папа, — едва слышно прошептала она, — мне очень жаль. Честное слово. Но я должна была поехать, чтобы уберечь тебя.., позаботиться...

— Иди с тетей, Мегги, — приказал Тайсон, шагнув к высокому арочному окну гостиной.

Негромкий всхлип, шум шагов — и все стихло, он закрыл глаза, до глубины души возмущенный проделкой дочери. Почти неделю десятилетняя девочка провела на запятках кареты! Где она ночевала? Вне всякого сомнения, в конюшне. Его затрясло при мысли о том, что могло случиться. Он вознес молитву Господу, благодаря за то, что сохранил его дочь целой и невредимой, если уж он, отец, не удосужился за ней приглядеть. А этот проклятый дождь.., что, если она заболит? Умрет вдали от дома, потому, что он поленился бросить на неизвестно откуда взявшегося грума лишний взгляд? Синджен мгновенно узнала ее, только родной отец оказался жалким слепцом! Невыносимо! Тайсон был бледнее простыни, когда в гостиную вернулась Синджен, У нее язык чесался отчитать брата за холодное обращение с дочерью, хотя, по правде говоря, безобразная выходка Мегги и ее заставила поволноваться. Но при виде искаженного лица Тайсона все упреки вылетели у нее из головы. Она кинулась к нему, обняла, и гладила по голове, пока его щеки не порозовели.

— Все хорошо, Тайсон, — повторяла она. — Все хорошо. Мегги здорова. С ней Мэри, помогает ей мыться. Твоя дочка даже не простудилась. Не волнуйся.

Тайсон, тяжело вздохнул и осторожно, высвободился из ее рук. — Поверишь, Синджен, все это время я почти ее не замечал. Ты сразу поняла, кто это, и старый Энгус тоже. А родной отец... Ад и проклятие, что же я за человек такой?

Он сказал «ад и проклятие» Любимое ругательство Шербруков!

Синджен не верила своим ушам.

— — Родители видят только то, что хотят видеть, — сказала она с ослепительной улыбкой. — Перестань терзаться угрызениями совести. Тебе это совсем не идет. Ну вот, уже лучше. Румянец появился, И что ты теперь собираешься делать?

.. — Меня так и подмывает задать дочери хорошую, трепку за безобразное поведение, но не думаю, что отважусь на это. В прошлом году я отшлепал ее, а потом терзался целую неделю. А ты что предлагаешь, Синджен?

— Трудно сказать, — протянула она, закусив губу. — Давай спросим Колина, хорошо? Он с

детьми обещал вернуться к обеду.

Тайсон кивнул.

— Мы можем погостить у тебя пару дней? А потом отправимся в Килдрамми, посмотрим, как там и что.

— Прекрасная идея! — с энтузиазмом воскликнула Синджен. — Могу попросить старого Энгуса поехать в Кинросс и привезти Флетчера и Джослин. Хочешь с ними повидаться?

При упоминании о младших племяннике и племяннице Тайсон кивнул.

— Мегги говорит, что они еще совсем маленькие и с ними неинтересно, но я с ней не согласен. Буду очень рад, Синджен.

— — Что же, Джослин и вправду еще крошка, недавно годик исполнился. Зато Флетчеру три, и поверишь — он рта не закрывает. Представляешь, он разговаривает с лошадьми, и готова поклясться — они друг друга понимают. Даже изменил клички некоторых, считая, что те, которые дали им мы, несчастливые, Тайсон раздвинул губы в улыбке, показав ровный ряд белоснежных зубов.

— Хотелось бы познакомить Флетчера с моим конем. Интересно, одобрит ли он его кличку.

Синджен рассмеялась и взяла брата за руку.

— Пойдем, расскажешь, как ты получил наследство. Я помню дедушку Тайронна, но разве в очереди перед тобой не стояла добрая дюжина юнцов?

— Ты права. Как ни грустно, все они мертвы. Йен, младший внук старика Тайронна, свалился с обрыва в Северное море. Такого удара дед просто не выдержал. Хотя, как верно говорит Дуглас, ему было уже семьдесят семь. Так что остался один претендент, да и тот англичанин, — а именно я. Вряд ли тамошние обитатели очень этому рады.

— Ты о ком?

Тайсон пожал плечами.

— Понятия не имею, кто именно живет в Килдрамми, и остались ли в живых какие-нибудь родственники. Завтра повидаюсь с Доналдом Макреем. Он сообщит мне все необходимые сведения. А теперь, Синджен, прежде чем снова встретиться с дочерью, мне необходимо подкрепить силы чашечкой чая.

Глава 4

24 августа 1815 года

Трехлетний Флетчер Кинросс торжественно объявил дяде, что Черному Великану не нравится его кличка.

Тайсон уставился на бойкого малыша, примостившегося на руках у отца, и осведомился:

— А какую кличку он предпочитает?

Флетчер сунул палец в рот и подался к Черному Великану, не сводившему с него пристального

взгляда. Именно пристального, Тайсон был в этом уверен.

— Папа, спусти меня на пол, — попросил мальчик. Встав на ножки, он подобрался к жеребцу, и, к удивлению Тайсона, поскольку на остальных это не произвело ни малейшего впечатления, тот наклонил голову, прихватил губами руку Флетчера, шумно выдохнул и несколько раз топнул передним левым копытом.

— Не волнуйся, — успокоила брата Синджен. — Ни одно животное не причинит ему зла. Ну не поразительно ли, как они ладят?

Флетчер похлопал коня по холке и, обернувшись к дяде, пропищал чистым детским голоском; — Он говорит, что вовсе не черный. И вообще не любит этот цвет. Он хочет называться просто Великаном.

Флетчер протянул маленькие ручонки отцу, безмолвно прося взять его Колин нагнулся, поднял сына и прижал к груди.

— Ну, Тайсон, как ты думаешь? — поинтересовался он. — Будешь называть его отныне Великаном?

— О, тетя Синджен, да это просто чудо! Великан! Мне нравится! — засмеялась Мегги.

— Что ж, если он хочет... — ошеломленно пробормотал Тайсон.

Шестнадцатилетний Филипп Кинросс, настоящий красавец, унаследовавший от отца темные волосы и неотразимую улыбку, только головой покачал. — Не так уж плохо, дядя Тайсон. Флетчер ужасно злился на меня, когда пришлось переименовать моего коня. Честно говоря, я волновался, как бедный жеребец это воспримет, но теперь его зовут Эдвин, и ему это подходит как нельзя лучше.

— А как его звали раньше? — с серьезным видом спросил Тайсон.

Флетчер улыбнулся дядюшке, который всегда был очень к нему добр.

— Клинок, — пояснил Филипп. — Флетчер утверждает, что конь у меня миролюбивый и кличка Клинок его очень раздражала.

Назавтра Великан с Тайсоном в седле скакал позади кареты. В ней сидела единственная пассажирка, десятилетняя дочь хозяина, у которой хватило ума не настаивать на сохранении должности грума. Погода выдалась прекрасная. Легкие белые облачка самых причудливых форм неслись по небу, прилетевший с моря ветерок высушил пот на лбу Тайсона, принося с собой запах полевых цветов. Кое-где виднелись кустики цветущего вереска с бутонами всех оттенков, от фиолетового до белоснежного. Тепло было и на следующий день. К вечеру они прибыли в Килдрамми и сразу увидели с десятков высоких дымовых труб, словно пронзавших воздух, круглые башенки, красовавшиеся на каждом углу огромного квадратного здания, совсем не похожего на более древние замки — возносящиеся к небу каменные строения с щелями-амбразурами, холодные и суровые на фоне шотландского неба, Килдрамми был построен гораздо позже из светло-серого камня и покрыт шифером.

— Нравится тебе замок, Мегги? — спросил Тайсон у дочери, подъехав к карете.

— Он похож на огромного стервятника на берегу моря. А слева этот непроходимый лес... Господи, похоже, каждый ярд прорезан глубокими канавами! Нам нужно их засыпать.

Посадить деревья. Уж очень мрачно здесь. Как в страшной сказке. — Она облизнула губы и нахмурилась. — И одиноко. Я даже побаиваюсь немного. Но лес чудесный.

Тайсон, помнивший Килдрамми десятилетним мальчишкой, кивнул:

— Ты права, вид просто уродливый. И ничего-то здесь не растет, на камнях и булыжниках. А канавы, по-моему, просто опасны. В них легко свалиться. Нужно постоянно быть начеку.

С точки зрения его, взрослого мужчины, замок и окрестности были поистине великолепны. Сам он ничего не стал бы менять и был готов осторожно обходить каждый камешек. Но если Мегги желает сажать сады, так тому и быть. Если хочет зарыть все ямы, значит, он это делает.

— Я узнаю, какие деревья здесь лучше приживутся, — пообещал Тайсон. — Проверим канавы и посмотрим, хватит ли земли, чтобы их засыпать. А ты, девочка моя, поищешь цветы за стенами замка.

Мегги просияла.

— Интересно, — пробормотала она, — есть ли спальни в круглых башенках? Я бы хотела там поселиться.

— Увидим, — неопределенно бросил Тайсон, сообразив, что не должен немедленно соглашаться. Он так и не пришел в себя после недавних событий и, просыпаясь по ночам, содрогался от ужаса при мысли о забрызганной грязью дочери, судорожно цеплявшейся за поручни кареты под проливным дождем и ночующей в конюшне. Будь отцом Мегги Дуглас или Райдер, они наверняка выбили бы пыль из ее юбок!

Тайсон вздохнул. Замок Килдрамми теперь принадлежит ему. Он — лорд Бартуик. Поздно вечером, когда солнце наконец опустилось за западные холмы и на землю легли сумерки, Мегги сидела на узкой кровати в южной башне и, глядя на внутренний двор замка, мысленно прикидывала, какой цветок украсит клумбу. Ей не давал покоя отцовский гнев. Правда, Тайсон ни разу не сорвался, не накричал на нее, но при этом вел себя так холодно, так безучастно, что от этого становилось еще хуже на душе. Мегги вздохнула и забралась под толстое пуховое одеяло, которое, судя по виду, было старше ее отца, а может, и деда. За ужином отец был неизменно вежлив, как и в Эдинбурге. Ни малейших признаков ярости. Он вышел из себя всего однажды, когда она привязала веревки колоколов к козе, чтобы послушать довольно затейливую мелодию, которую та разыграла как по нотам. Тогда отец отшлепал ее. Уж лучше бы снова заорал, а может, и выпорол. По крайней мере быстрее бы простил. Как-то дядя Дуглас выругал одного из близнецов, Джейсона. Тогда он три раза шлепнул его, стукнул костяшками пальцев по затылку, обозвал идиотом, сунул под мышку и утащил в конюшни. Должно быть, заставил его целый день выполнять обязанности грума. Она ослушалась отца, который, по ее мнению, был ближе к Богу, чем все окружающие. И все же она правильно сделала, что увязалась за ним. Знала, нюхом чуяла, что понадобится ему. Судя по всему, миссис Макфардл ничуть не обрадовалась приезду нового лорда-англичанина и без стеснения награждала его мрачными взглядами. Каждый раз, сталкиваясь с Мегги, она грозно сводила темные брови. Все же у нее хватило терпения неохотно провести их по всему замку и подать ужин. Жаль, что миссис Макфардл ничуть не похожа на ту старушку в придорожной гостинице, где они остановились пообедать. Та погладила Мегги по голове, бормоча нараспев непонятные шотландские слова, наверняка ласковые, потому что «wee gowan», как она позднее узнала у дворецкого, пожилого добряка Паудера, означало «маленькая маргаритка». Отца же она назвала «braw», то есть, по словам того же Паудера, «красавчик». Вряд ли миссис Макфардл

считает отца красавчиком, даже после того, как он произнес длинную цветистую молитву перед ужином, который, по твердому убеждению Мегги, вообще не заслуживал никакой молитвы. Омерзительное на вид месиво в ее тарелке, как ехидно сообщила Макфардл, называется хаггис, которым питается каждый добрый шотландец и благодарит Господа за сытную еду. Взглянув на бараний желудок, набитый неприятной коричневатой массой, Мегги поспешно отвела глаза и съела четыре ломтя душистого ржаного хлеба, густо намазанных горчицей. Отец поднес ко рту ложку, поспешно заверил миссис Макфардл, что они плотно пообедали в «Диком гусе», и, давясь, проглотил совсем чуть-чуть, явно считая это своей тяжкой повинностью взрослого. Вечно он заботится о приличиях! На свете нет более вежливого человека, Даже когда бессовестно гонявшиеся за ним дамы, можно сказать, выживали его из собственной гостиной, он все равно был сама учтивость. Что и говорить, он крайне в ней нуждается и рано или поздно это поймет. За ужином обнаружилось, что миссис Макфардл выполняет также обязанности кухарки. Сейчас при одной мысли об этом Мегги еще больше захотелось есть. Желудок громко заурчал. Но она понятия не имела, где находится кухня в огромном, пустом доме, казавшемся старше Нортклифф-Холла, хотя это было не так. Мегги свернулась клубочком, с дрожью представив, что каменные стены башни толще, чем ее нога. Зато то весьма утешительно сознавать, что, когда за ними бушует Шторм; она в полной безопасности. А шторм и вправду разыгрался. За окнами жалобно воет ветер, сотрясая ставни. Вот и первые капли дождя застучали по дереву. Одной как-то страшновато. И глубоко внутри, там, куда не проникает тепло одеяла, застыл ледяной холод. В три часа утра — именно в три, потому что как раз в этот момент гигантская молния расколола небо и стал виден циферблат старых часов на каминной доске, — Мегги не выдержала. Ей было так холодно и страшно, что сердце, казалось, вот-вот разорвется. Она схватила с кровати одеяло, крепче завернулась в него, вышла из спальни и побрела к покоям лэрда, окна которых выходили на разъяренное море. Девочка даже не постучала, просто тихо скользнула внутрь. Очередная яркая вспышка осветила комнату, и Мегги узрела фигуру отца посреди необъятной кровати. Она прижалась к нему и укрылась одеялом. Теперь она спокойна. Все хорошо. Мегги вздохнула и закрыла глаза. Тайсон проснулся рано и не сразу понял, где находится. Шотландия.., замок.., и кто-то дышит в спину, Мегги! Тайсон улыбнулся. Когда дети взяли привычку иногда залезать к нему в постель, он решил носить ночную рубашку. Он вспомнил, как обрадовалась Мелинда Беатрис, которая незамедлительно сшила ему целых полдюжины. Жена не протестовала против его прежней манеры спать раздетым, потому что так он был воспитан, но Тайсон знал, что она смущается, видя его обнаженным. Похоже, и ему стало легче. Теперь они оба были с головы до ног закутаны в белый батист. Тайсону было также известно, что жена с неохотой исполняет супружеские обязанности. Однажды он услышал, как она жалуется матери. Ему и в голову не приходило, что она не хочет его, потому что сам он умирал от желания коснуться ее, поцеловать, войти в теплое лоно. И всегда считал, что ее застенчивость вполне уместна и прилична, что когда-нибудь Мелинда Беатрис изменится, как назначено Господом и церковью, ибо на супружеском ложе дозволяется все. Но оказалось, что она едва его терпит! И теперь он не мог не думать об этом каждый раз, когда нуждался в женщине. Она едва выносила его. Она леди. Должно быть, все истинные леди таковы. Но потом он вспоминал братьев и их жен. Они вечно ласкали друг друга украдкой и целовались при малейшей возможности. Он старался отбросить крамольные мысли. Недостойные мысли. Богохульные. Не желал в это вникать. Жизнь есть жизнь, а он очень счастлив. В узкие окна струился яркий свет. Невдалеке синела морская гладь, над которой с пронзительными криками носились чайки в поисках завтрака. После жестокого шторма воздух все еще был свеж и холоден и словно впитывал солнечные лучи. Эта неброская красота тронула Тайсона до глубины души. Дар Господень после ночного безумия. Тайсон осторожно отодвинулся от Мегги и увидел, как она, не просыпаясь, перевернулась на другой бок. Он подоткнул одеяло и коснулся губами ее лба. Должно быть, незнакомая обстановка и шторм испугали девочку. Страшно представить, как полыхали молнии вокруг башни! Тайсон нежно провел пальцем по ее щеке. Такая мягкая! Мегги, его

дорогая дочь. Даже когда она не слушается, он любит ее и ее братьев так сильно, что гнется под тяжестью этого чувства, цельного и завершенного в своей полноте. Он выпрямился. Килдрамми перешел к нему. Теперь он стал шотландским лэрдом. Тайсон произнес это слово вслух, чувствуя, как оно перекачивается на языке, пропел как волшебное заклинание:

— Килдрамми...

Его собственность. Ничья больше. Именно в этот момент, глядя на Северное море, он полностью осознал смысл случившегося. Замок будет его домом до самой смерти, а потом перейдет к Максусу. Тронет ли Максус этот суровый пейзаж, или его учетный сын, бросив равнодушный взгляд на Килдрамми, вернется к Еврипиду и любимой латыни? Тайсон умылся и оделся за ширмой — на случай если Мегги проснется, — а потом спустился вниз. Широкие парадные двери открывались в огороженный внутренний двор. Солнечные зайчики плясали на брусчатке. Паудер, такой древний, что едва держался на ногах, сидел у порога на стуле с высокой спинкой и, широко зевая, почесывал руку. Интересно, покидает ли он когда-нибудь этот стул или так и ночует на нем? При виде хозяина Паудер приветливо улыбнулся беззубым ртом и прошамкал:

— О, милорд, как приятно, что вы уже на ногах. Вижу, камердинером так и не обзавелись? Мне всегда была по нраву эта должность, да только лорд Бартуик говаривал, будто я слишком стар, чтобы учиться.

Тайсон, который искренне симпатизировал старику, поспешно предложил:

Если хотите разложить мою одежду в спальне, буду очень благодарен.

И даже галстуки можно сложить, милорд?

— Разумеется, Паудер. Большое вам спасибо.

— Наконец-то и меня взяли на выучку! — обрадовался Паудер. Голова его немедленно склонилась на грудь, седые волосы разметались по плечам. Послышался тихий храп.

— Именно, — тихо подтвердил Тайсон и на цыпочках пошел к двери, опасаясь потревожить дворецкого.

Выйдя во двор, он направился к конюшне, где трудился Макни, красивый молодой шотландец. Рядом переминался Руфус, которому, очевидно, не терпелось идти завтракать. Но Макни был не прочь немного поболтать.

— Великан доволен, — сообщил он. — Освоился, съел весь овес и выпил воду. Вы спали в кровати лэрда, милорд?

— Да, — кивнул Тайсон. Теперь он «милорд». Как-то странно звучит...

— Да, эта кровать притягивает тело и успокаивает дух. Ох, совсем из головы вылетело, милорд! Миссис Макфардл велела отвезти те яйца, что она собрала, в деревеньку неподалеку отсюда и продать местным жителям. Слишком много их накопилось, потому что куры во время шторма все шебуршат да кудахчут и кладут яйца. А вам, милорд, пора завтракать. Час уже поздний.

Улыбаясь, Тайсон вернулся в просторный зал, где мирно сопел Паудер. Макни с Руфусом направились на кухню, а Тайлер прошел в маленькую утреннюю столовую, обшитую почти черными панелями и увешанную старинными натюрмортами с тушками убитых животных,

цветами и фруктами. Он снимет всю эту мазню и побелит стены, уберет потертый ковер и велит отполировать прекрасный деревянный пол, пока тот не засверкает. Впервые Тайсон думал о чем-то подобном. Он всегда воспринимал окружающую обстановку как нечто второстепенное, не стоящее внимания. Хозяйство в доме викария вела Мелинда Беатрис. Он не помнит, чтобы она когда-либо спрашивала его мнение о ковре или предмете обстановки. Но здесь, в Килдрамми, все принадлежит ему. Да, полы отполируют, пока он не увидит своего отражения в широких толстых досках. И лично наймет рабочих, которым поручит ремонт и уборку дома. Как ему хотелось объехать все свои земли, пересчитать овец, узнать, какая рыба ловится в здешних речках! Тайсон радостно потер руки. Англия так далеко от Килдрамми! Он чувствовал себя свободным и бесконечно счастливым. Тайсон съел неохотно поданную миссис Макфардл овсянку, нашел ее превосходной и решил, что первый визит нанесет в деревню Бартуик. Мэри Роуз стояла в тени толстых сосен, наблюдая за новым бароном Бартуиком, выходящим из ворот замка. Ничего не скажешь, желтовато-коричневые брюки для верховой езды и темно-коричневая куртка сидят на нем как влитые. Настоящий английский джентльмен, хотя ей трудно об этом судить: в свои двадцать четыре года, она ведет достаточно уединенную жизнь. Молод, но это и неудивительно. Она слышала, как дядя Лайон сетовал, что имение Бартуиков перешло в руки проклятого англичанишки, слишком молодого и потому наверняка без царя в голове. Потом он долго проклинал Тайронна Бартуика, не позаботившегося заранее о достойном наследнике. Пережил полдюжины мальчишек, а потом имел наглость окочуриться всего на восемьдесят восьмом году!

Ее кузина Донателла рассмеялась и посоветовала отцу не беспокоиться — она обо всем позаботится. Все понятно: если англичанин придется ей по душе, Донателла выйдет за него замуж. Что же, вполне вероятно. Недаром эдинбургский поверенный Доналд Макрей рассказывал, что новый барон уже успел овдоветь. Как грустно, что мужчина в самом расцвете сил потерял жену! С ее наблюдательного пункта барон казался Мэри Роуз высоким и стройным. Легкий утренний ветерок играл его светлыми густыми прядями. Он вел в поводу большого гнедого жеребца. Мэри Роуз заметила, как грациозно барон вскочил в седло, вдел ноги в стремя, огляделся и, откинув голову, с наслаждением втянул в себя воздух. Потом окликнул коня. Великан? Довольно странная кличка! Жаль, что она не может, вернее, не смеет подойти. Да и захочет ли он видеть рядом с собой Местный Позор? Барон направился на юг, в деревню. Мэри Роуз смотрела вслед, пока он не обогнул утес, возвышавшийся над окружающим пейзажем на добрых пятьдесят футов, и не пропал из виду. Мэри зашагала между соснами и как раз вышла на опушку, когда впереди раздался стук копыт. Девушка поспешно метнулась за толстую сосну, но, как оказалось, недостаточно проворно. Конь замер совсем близко, так близко, что она щекой ощутила его дыхание.

— Легче, легче, Баркер, — произнес мужской голос.

Ничего не поделать. Назад дороги нет. Да она и не трусиха, Не собирается бежать в лес и прятаться под кустами. Мэри Роуз расправила юбки и спокойно вышла из-за дерева. В небе сверкало яркое солнце, зелень деревьев играла сочными красками, трава под ногами была мягче ковра. Вчерашний шторм отмыл все до блеска.

— Ну вот, — начал всадник, наклоняясь к ней, — я так и думал, что это ты, Мэри Роуз. Ты всегда любила незаметно подсматривать из-за деревьев, видеть все и всех, оставаясь при этом невидимкой.

— Здравствуй, Эриксон, — сказала она, не давая себе труда скрыть неприязнь. — Я только что имела честь посмотреть на нового барона Бартуика, выезжающего из замка. А он, конечно, об этом и не подозревает.

— Вряд ли ему интересно познакомиться со мной, — заметила она, отступая в сторону.

Мужчина нахмурился, похлопывая себя стеком по сапогу, и, когда Баркер нетерпеливо переступил с ноги на ногу, погладил коня по холке.

— Не стоит убегать от меня, Мэри Роуз. Не бойся. Я всего лишь хочу потолковать с тобой.

— Как твоя мать? — осведомилась девушка. Эриксон поморщился и снова ударил себя хлыстом по сапогу.

— Как всегда. Я не хочу говорить на эту тему.

— Как по-твоему, новый барон устроит праздник?

— Плевать мне на чертова барона! Я хочу потолковать с тобой.

Но вопреки этому утверждению он упорно пялился на нее и не произносил ни слова. Прежде чем Мэри Роуз успела опомниться, он схватил ее, прижал к себе и стал осыпать поцелуями лоб, уши, щеки, а потом оттянул ее голову за волосы, чтобы завладеть губами. Мэри Роуз принялась вырываться, но разве ей сладить с ним? Эриксон — настоящий великан по сравнению с ней, и руки у него как стальные. Она наконец ухитрилась со всех сил ударить его по ноге. Он вздрогнул от боли, но снова впился в ее губы, пытаясь проникнуть языком в рот. — Нет! — вскрикнула она, и его язык тут же оказался внутри. Мэри Роуз в отчаянии сомкнула зубы. Голова Эриксона судорожно дернулась.

— Почему ты сделала это? — взвыл он, тряхнув ее за плечи. — Почему?

Руки его разжались, и Мэри Роуз наконец высвободилась. Не теряя ни секунды, она подобрала юбки и помчалась прочь, не разбирая дороги. Но Эриксон уже успел взгромоздиться на коня. Понятно, что он мигом ее догонит. Выбора нет. Она бросилась обратно в лес, лавируя то вправо, то влево, и успела добраться до густой чащи, где Баркеру пришлось бы тащиться шагом. Эриксон громко выругался, и Мэри Роуз показалось, что даже воздух сгустился от его гнева. В боку так кололо, что девушка, тяжело дыша, остановилась. Куда теперь? Голова кружится...

Но она по крайней мере спаслась.

До следующего раза.

Мэри Роуз закрыла лицо руками. Она не плакала. Какой смысл? От слез только нос распухнет и глаза покраснеют.

Нужно выждать.

Наконец она побрела на восток, зная, что если Эриксон Макфайл и поджидает ее, так только там, между лесом и Килдрамми, где на две сотни ярдов простирается унылый бесплодный участок земли, усеянный валунами и острыми булыжниками. Там лошадь не пройдет, и Эриксону будет не так просто схватить свою жертву.

Добравшись до опушки леса, она огляделась. Никого, Что ж, придется рискнуть.

Девушка снова подхватила юбки и ринулась вперед.

Услышав топот копыт откуда-то справа, она быстро обернулась, пытаясь определить, насколько

он близок, но тут же споткнулась о камень и полетела в один из узких оврагов.

Глава 5

Тайсон спрыгнул с седла и подбежал к девушке, наполовину свесившейся в канаву около дороги. Он боялся, что она потеряла сознание, но опасения, к счастью, не подтвердились. Незнакомка лежала на животе, натужно дыша и не двигаясь. Наконец она немного пришла в себя, оперлась на руки и, приподнявшись, взглянула на него.

— Вы новый барон, — пробормотала она и, прерывисто всхлипнув, уже спокойнее продолжала:

— Я видела, как вы уезжали сегодня. Почему же вернулись? Ах, не важно, я крайне благодарна вам, сэр.

Тайсон присел рядом на корточки, — Я вернулся, когда вдруг понял, что хочу взять с собой дочь. Я оставил ее дома, давая понять, что по-прежнему сержусь на нее, но любовь к ней перевесила и больше нет смысла это скрывать. Хотел, чтобы она вместе со мной увидела деревню, познакомилась с жителями, которые, как выяснилось, покупают у нас лишние яйца, узнала запах свежей рыбы, поговорила с рыбаками.

Он хотел что-то добавить, но, удивленный пространностью собственной тирады, осекся и предложил;

— Позвольте, я помогу. Вы не ушиблись?

— Сама пока не поняла. Дайте мне полежать еще минуту. Чем дочь так вас расстроила?

— Переделась мальчишкой и под видом грума проехала на запятках экипажа от нашего дома до самого Эдинбурга.

— О Боже, вот это приключение! Поразительно! У меня на такое никогда не хватило бы мужества. Сколько ей лет?

— Всего десять.

— До чего же отважная девочка!

— Нет, всего лишь слишком юная, глупенькая и к тому же невежественна, как деревенская дурочка, — возразил Тайсон. Он только сейчас осознал, что ни с того, ни с сего делится семейными тайнами с незнакомкой, висящей на краю оврага. Странно, возмутительно! Это так не похоже на него — выкладывать первой встречной всю подноготную. И все же он непозволительно разоткровенничался и даже улыбается ей. Просто невероятно!

— Думаю, первым делом вас нужно выудить из этой дыры, У вас ничего не болит?

— Не знаю. Никак не приду в себя.

— Я постараюсь быть как можно осторожнее, — пообещал Тайсон, подхватывая ее под мышки. Но к его удивлению, она стала вырываться и со стоном схватилась за левую щиколотку.

Тайсон поспешно отнял руки, не делая попытки снова коснуться ее.

— Что с вами? Поверить не могу..., неужели вы боитесь меня?

— Не знаю, — медленно выговорила Мэри Роуз, — Так боитесь или нет?

— Боюсь. Я вас не знаю и думаю, вы чересчур красивы, чтобы вызывать доверие. Трудно быть хорошим человеком при такой внешности. Кроме того, вы барон. Возможно, с вашей точки зрения, это дает вам право на любые вольности.

— Мой брат — граф и никогда не совершил бы бесчестного поступка, — сухо сообщил Тайсон. — Да, он человек, склонный к.., я бы сказал, озорству. Но совсем не, в том смысле, как вы подразумеваете.

— То есть ваш брат точно так же спас бы попавшую в беду девушку и не попробовал бы воспользоваться своим положением?

— Совершенно верно. Его зовут Дуглас, Прекрасный человек, это всем известно.

— Но не мне. Кто их знает, этих англичан, — с нескрываемым сомнением произнесла Мэри Роуз. — Вы нахваливаете брата, а как насчет вас, милорд?

Она попыталась сама выбраться из оврага, но едва не свалилась вниз и принялась разминать щиколотку.

Господи, кажется, распухает на глазах. Плохо дело.

Я вовсе не так уж красив, — буркнул Тайсон, осторожно массируя ее ногу. — Самый обыкновенный. Не то что мои братья. Откуда вы набрались этой чуши?

— Если ваши братья еще красивее, я просто опасаясь за рассудок их знакомых дам.

Тайсон шумно вздохнул и только сейчас заметил, что его пальцы все еще касаются тонкой щиколотки. Что это с ним?

Он, словно обжегшись, отдернул руку.

— Простите, я увлекся. Неудивительно, что вы усомнились во мне.

— Ничего страшного, — заверила она. — Кажется, вы сумели немного подлечить мою несчастную ногу.

Не отвечая, он хмуро взирал на руку, посмевавшую не только коснуться девушки, но и растирать ее нежную кожу. Нужно собраться с мыслями. Он, слуга Божий, должен считать незнакомку одной из своих прихожанок и всячески помогать, а не смотреть на нее, как мужчина обычно смотрит на женщину. Пора вспомнить о своем долге.

— А теперь, если вы немного освоились, я вытащу вас из канавы.

— Это не канава, а овраг. Их тут добрая дюжина. Пастухи называют их овцеубийцами. Овцы настолько глупы, что не разбирают дороги, проваливаются вниз и гибнут.

— Думаю, что и вы были не намного умнее, когда едва не попали в ловушку.

— Тут вы правы, — улыбнулась она.

Тайсон снова подхватил ее под мышки и потянул на себя. Убедившись, что она вне опасности, он усадил ее спиной к валуны и внимательно пригляделся. Бедняжка была смертельно бледной.

Очевидно, нога доставляла ей немало беспокойства.

— Если не боитесь, я попробую снять с вас ботинок, прежде чем щиколотка настолько распухнет, что придется его разрезать.

Задача оказалась нелегкой, но ему все же удалось стянуть грубый старый башмак. Выпрямившись, Тайсон озабоченно посмотрел на девушку, чтобы проверить, все ли в порядке. Оказалось, что она плачет почти бесшумно, без всхлипов и рыданий. Слезы непрерывной струйкой текли по щекам. Она поспешно вытерла их кулачком и сглотнула.

— Простите, но иначе было нельзя, — извинился Тайсон, легонько дотрагиваясь до ее ноги. Теперь он был вправе это сделать. — Горячая и распухшая. Боюсь, вам пока нельзя ходить. — Поднявшись, он извлек из кармана платок и осторожно промокнул ей щеки. И тут же озадаченно нахмурился. — Очень странно, но, только осушив ваши слезы, я понял, что именно сделал. Видите ли, я человек сдержанный и не привык открывать душу незнакомым людям, да и знакомым тоже. А тем более вытирать слезы первым встречным девушкам и заверять их, что ни я, ни мой брат не склонны к распутству. Нога болит?

Девушка кивнула и огляделась.

— Не знаю, как быть. Я живу в двух милях от Килдрамми, вверх по берегу.

— Ни о чем не волнуйтесь. Я отвезу вас в замок. У миссис Макфардл наверняка найдется какое-нибудь старинное зелье от боли в ноге, и вам сразу станет легче. Почему вы спасались бегством? Вас кто-то напугал?

— Всего лишь мужчина. Мужчина, который в противоположность вам преследовал низменные цели.

— Вы слышали, как скачет Великан, и подумали, что вас преследуют?

— Так и было, — прошептала Мэри Роуз. В ноге пульсировала горячая боль, и ей снова захотелось заплакать. Но платок был мокрым насквозь, да и какой смысл предаваться слезам?

— Вперед! — воскликнул Тайсон и, не задумываясь, подхватил девушку на руки и понес к Великану, пытавшемуся дотянуться до какого-то чахлого растеньица между двумя камешками.

Нет, малыш, — сказала Мэри Роуз, отгоняя коня. — Не ешь, а то брюхо распухнет, как моя нога.

— Что это?

— Паслен. Его тут полно, поэтому нужно держать ухо востро. Одна из коз погибла в прошлом году, наевшись паслена.

Тайсон оттолкнул голову жеребца и строго приказал:

— Будь джентльменом, Великан. И держись подальше от этой гадости.

Конь, похоже, понял хозяина, потому что переступил с ноги на ногу и замер, пока Тайсон садился в седло. Прежде он никогда не носил на руках женщин, даже Мелинду Беатрис, тем более не пытался усадить на коня даму, которая, несмотря на больную ногу, храбро старалась не заплакать.

— Ну вот, получилось, — выдохнул он, устраивая незнакомку поудобнее. — Как вы?

— Ничего, — простонала Мэри Роуз.

— Держитесь за меня.

Она обняла Тайсона за талию и прижалась щекой к его плечу.

— Все это просто удивительно, — покачал головой Тайсон, хлестнув Великана. — Я даже имени вашего не знаю, — Мэри Роуз Фордайс, Какое удовольствие слышать эти мелодичные звуки!

— Музыкальное имя, — заметил он. — А как зовут вашего преследователя?

— Эриксон Макфайл. Этот человек считался моим другом. Моему дяде не понравится, когда он узнает, что я больше не желаю видеть Эриксона, да еще и открыто называю его развратником, — вздохнула она — Подумать только, я сижу на коне рядом с незнакомым мужчиной и почти обнимаю его! Никогда со мной такого не бывало.

— Да и я не припомню, чтобы вез женщину в седле позади себя, — заметил Тайсон, глядя прямо вперед и стараясь не замечать, как она прижимается к его спине. — Придется потерпеть. Будем считать это случайной неприятностью. Кто такой Эриксон Макфайл? И почему ваш дядя ему симпатизирует?

— Наш сосед. Куда бы я ни пошла, он тут же оказывается рядом. Сегодня мы встретились случайно, но он частенько меня подкарауливает. Как бы мне хотелось, чтобы он оставил меня в покое!

— Почему же ваш отец или дядя не защитят вас, если общество молодого человека вам неприятно?

— У меня нет отца. Мы с матерью живем в доме дяди. По-моему, он хотел бы иметь такого сына, как Эриксон. Дядя Лайон восхищается им, считает его храбрым, красивым и очаровательным. Эриксон не понимает, что его прикосновения мне противны, и при малейшей возможности старается.., схватить меня. Ну, вы понимаете.

— Сожалею, что вы лишились отца. Я потерял своего в восемнадцать и все еще тоскую по нему. Это он привез меня однажды в Килдрамми. Как я радовался, что нас только двое — он и я — и никто его не отвлекает.

Ну вот, опять. Говорит все, что приходит в голову, не задумываясь, подобает ли такое поведение священнику.

Ничего не ответив, Мэри Роуз прижалась к нему и закрыла глаза.

— Держитесь, мы почти прибыли. Сидите спокойно. Вот и Огилви, открывает ворота.

— Что случилось, лэрд? — встревожился Огилви. Не привыкший к шотландскому титулу, Тайсон нервно вздрогнул. Пора уже освоиться: теперь он не только лэрд, но и барон.

— Молодая дама упала и подвернула ногу, Ему показалось, что Огилви пробормотал что-то, но разобрать слова не удалось.

— Потерпите, — прошептал Тайсон, — сейчас мы вам поможем.

Ее мягкие волосы пахли морем и сосной. И еще чем-то неуловимым. Розами?

Въезжая через широкие деревянные ворота в огороженный двор, он вдруг спросил:

— У вас нет братьев?

— Нет. Только дядя.

Тайсон промолчал, остро чувствуя несправедливость происходящего. Он представил, как через пять-шесть лет какой-нибудь негодяй будет преследовать Мегги, и его охватила непривычная ярость. Сердце глухо заколотилось, и ему пришлось несколько раз вздохнуть, чтобы успокоиться. До сих пор бешенство не было ему знакомо. А сейчас нечто темное, вибрирующее, словно живущее собственной жизнью, уродливое и грязное неустанно грызло его, холодя душу.

Подняв глаза, он увидел экономку, стоявшую на верхней ступеньке крыльца.

— Миссис Макфардл, — обрадовался Тайсон, — я рад, что вы здесь. Дама попала в беду. У нее нога распухла.

Он швырнул поводья Макни и очень осторожно спустился на землю, стараясь не разбередить больную щиколотку своей спутницы.

— Может, — добавил он, — следует послать за доктором?

— Мэри Роуз, девочка, это ты? Что стряслось?

— Я упала в овраг.

— Ах, беда! Всегда следует помнить об осторожности. Эти проклятые овраги! Ладно, идем в замок, я посмотрю, что с тобой. Милорд, поставьте ее на ноги, и она дойдет сама. И доктор не понадобится.

Но Тайсон, не обращая на экономку внимания, понес Мэри Роуз в гостиную — хорошо обставленную комнату, которая, несмотря на гигантские размеры, казалась уютной. К сожалению, как и столовая, она была чересчур темной. Придется попросить Синджен выбрать обои. Возможно, кремовые в зеленую полоску. Нет, не годится, потому что деревянные стены увешаны бесчисленными портретами усопших Бартуиков и чудесными шпалерами, изображающими жизнь Марии Стюарт, королевы Шотландии, с того момента, как она, совсем еще ребенком, вышла замуж за французского принца, и до сцены казни, когда она, уже немолодая женщина, кладет голову на плаху. Может, посоветоваться с Мэри Роуз? Он положил ее на длинный мягкий диван, обитый золотой парчой, и отступил. В комнату вошла миссис Макфардл.

— Хороши еще, — объявила она, — что вы успели снять башмак.

Наклонившись над девушкой, она схватила ее за ногу своими ручищами и рванула на себя.

Мэри Роуз с воплем взвилась в воздух.

Тайсон, потрясенный тем, что натворила экономка, бросился к дивану и, локтем отодвинув миссис Макфардл, сказал:

— Я знаю, что нужно делать в таких случаях. Если вы достанете немного льда, мэм, мы

обложим ногу и обвяжем полотенцами. Да, но где взять лед в августе?

— Может, и найдется, — кивнула миссис Макфардл и, отдуваясь, с трудом поднялась. — Пойдем на кухню, девочка, а я принесу льда. Потом можешь отправляться домой. О, поглядите, да это маленькая мисс!

— Да, мэм, — подтвердила Мегги, врываясь в гостиную. — Папа, что случилось? Кто эта босая дама? Кажется, она нездорова. Господи, ваша бедная нога! Сейчас я вас вылечу. Не волнуйтесь, я не причиню боли. Лео вечно ухитряется поцарапаться и что-нибудь растянуть. Миссис Макфардл, мне немедленно нужен лед.

Экономка, что-то, неодобрительно проворчав, смерила Мэри Роуз долгим взглядом и удалилась.

Тайсон, отступив, стал смотреть, как его дочь обращается с больной. Легчайшими прикосновениями она ощупала ногу и положила ее себе на колени.

— Впечатляюще, — протянула девочка. — Лео наверняка позавидовал бы. Кстати, Лео — мой брат. Вас зовут Мэри Роуз? Какое прелестное имя! Я Мегги, то есть Маргарет, но уж очень постно это звучит, как у святой, а папа говорит, что за такие речи мне не видать рая, даже если я сию минуту начну делать добрые дела, чему, должна вам признаться, никогда не бывать.

Мегги, англиканская церковь не признает святых, так что не стоит рассуждать на эту тему.

Да, папа, знаю. Я выражалась метафорически, Мэри Роуз ошеломленно уставилась на Мегги., — Откуда ты знаешь такие слова?

— Папа в своих проповедях всегда прибегает к метафорам. Некоторые прихожане после службы подходят ко мне и спрашивают, что он имел в виду. Ну вот, так лучше? Ваша бедная нога вся распухла, и синяк просто устрашающий. Ярко-фиолетовый!

Проповеди?

Мэри Роуз окончательно запуталась. Может, она плохо слышит, потому что щиколотка ужасно ноет?

Тайсон так и не понял, каким образом Мегги это удалось, но вскоре Мэри Роуз уже сидела, опираясь на подушки и положив ногу, с которой как по волшебству исчез чулок, на колени девочки. Украдкой взглянув на узкую белую ступню, Тайсон неловко откашлялся.

— Я, пожалуй, пойду. Увидимся позже.

— Папа, погоди минутку! Думаю, Мэри Роуз неплохо бы выпить рюмочку бренди. Когда я начну обкладывать ногу льдом, ей станет очень больно.

Тайсон шагнул к большому темному буфету красного дерева, налил немного бренди в рюмку, которую предварительно вытер рукавом, и протянул девушке. Та заколебалась.

— В последний раз я пробовала бренди в четырнадцать лет. Хотела покрасоваться перед кузиной Донателлой. Она младше меня на четыре года, и все же именно она подбила меня на это. Мне тогда было так плохо, что хотелось умереть.

— Всего пару глотков, — уговаривал Тайсон. — Как-то в детстве я тоже пил бренди, с подначки своих братьев, Дугласа и Райдера. Негодники покатывались со смеху, когда меня рвало прямо на розовые кусты матери.

— Папа, неужели ты на такое отважился? А дядюшки Дуглас и Райдер, в самом деле были такими озорниками?

— Мы всего-навсего были мальчишками, Мегги. Но поверь, ничего хорошего в выпивке нет, так что не стоит и начинать. Ужасная мерзость!

— Может, мне удастся подзадорить братьев и влить в них немного бренди? — задумчиво пробормотала Мегги.

Пока отец с дочерью разговаривали, Мэри сделала несколько глотков. Спиртное согрело ей желудок и помогло расслабиться, так что, когда Мегги оборачивала ногу полотенцем, в которое были вложены крошечные кусочки льда, девушка побелела, но не издала ни звука.

— У тебя волшебные руки, — простонала она, когда процедура была закончена. — Мне уже гораздо лучше.

Мегги подняла глаза и встретилась взглядом с миссис Макфардл, стоявшей в дверях со скрещенными на груди руками.

— Я попрошу Огилви отвезти тебя домой, Мэри Роуз, — Это было бы очень кстати, — вздохнула девушка. — Вряд ли я смогу идти сама. Наверное, придется не менее недели пролежать в постели.

— Но сначала вы должны пообедать с нами. — твердо заявил Тайсон. — А там посмотрим, — Папа!

— Что, Мегги?

— Тебе придется отнести Мэри Роуз в столовую.

— О, разумеется, дочь моя. Ты права.

— Нет, я попробую сама добраться, — запротестовала больная, видя его нерешительность. Он не хочет приближаться к ней, это ясно.

Она попыталась встать, но Тайсон покачал головой, нахмурился и быстро поднял ее с дивана. Мрачные мысли мигом рассеялись. Он вдруг обнаружил, что улыбается ей.

Миссис Макфардл снова что-то пробурчала. Тайсон хотел заверить ее, что будет очень осторожен, но потом вспомнил, как она дергала Мэри Роуз за ногу, и промолчал. Непонятно, почему она так себя ведет.

— Я не сделал вам больно?

— Нет, что вы!

Мегги последовала за ними в столовую, где экономка уже накрыла на стол. Она встала за стулом лэрда в своей любимой позе — сложив руки на груди. И вид, как всегда, недовольный. Может, на этот раз она тревожится о Мэри Роуз? Нужно убедить ее, что папа — настоящий святой, он ни за что не позволит себе лишнего с дамой, особенно больной.

Тайсон заботливо усадил Мэри Роуз на стул, подвинутый Мегги, уселся сам и стал читать молитву.

— Папа — викарий, — деловито сообщила Мегги, обращаясь к госте. — Преподобный Шербрук. Его проповеди известны всей стране. Папа славится своей ученостью, хотя мой брат Макс лучше знает латынь.

Викарий? Ну да, проповеди... Мегги уже о них говорила. Мэри Роуз взглянула на невозмутимого красавца, восседавшего во главе стола. За всю свою жизнь она видела только двух священников, да и то древних стариков. От первого пахло мускатным орехом, от второго — кедром. Этот же просто излучает тепло и свежесть.

— Моя дочь преувеличивает, — негромко заметил Тайсон, улыбаясь. — Кстати, Мегги, ты упомянула о красочности моих метафор — дескать, прихожане не всегда их понимают. Придется подумать об этом.

— Да все только и говорят о твоих знаменитых метафорах, — хихикнула Мегги. — Не беспокойся, папа. Тех, кто признается, что не улавливает их смысла, очень немного.

Тайсон протянул Мэри Роуз миску с супом.

— Не хотите попробовать? Не знаю, из чего он, но пахнет вкусно.

— Куриный бульон с луком, — пояснила девушка, с наслаждением потянув носом. — Вы вправду викарий? Тайсон кивнул.

— Его готовят из цыпленка, лука-порей и добавляют перец. Необыкновенно вкусно. Правда, многие от перца чихают, — продолжала Мэри Роуз, стараясь не думать о том, что в первые минуты знакомства чуть не назвала слугу Божьего распутником вроде Эриксона Макфайла. — Мне так жаль, — выдавила она.

— О чем вы жалеете? — любопытно спросила Мегги, осторожно пробуя суп. — Я была невежлива с твоим отцом, — промямлила Мэри Роуз. — Вообразила, что он нехороший человек.

— Папа?; — удивилась Мегги. — Да как можно! Беда в том, что он слишком хороший, праведный, правильный и...

— Довольно, Мегги, — велел Тайсон, махнув ложкой в ее сторону. — Лучше попробуй второе. Видишь, миссис Макфардл держит блюдо на весу.

— Самое английское блюдо — картофель, разваренный до того, что превратился в пюре, и столько масла, что лужицы стоят, — усмехнулась Мэри Роуз.

— Верно, — подтвердила экономка, — масла нужно побольше. Моя бабка говаривала, что англичане любят простую, но сытную еду. Мы хотим, чтобы вы цвели здоровьем, милорд. Слишком много молодых потомков Бартуика раньше времени нашли свой конец. Не дай Бог, и вы окажетесь среди них. А если вдруг преставитесь, что тогда будет с нами и с замком?

— Спасибо, миссис Макфардл, я бы тоже предпочел не торопиться на тот свет. Очень вкусный обед.

Миссис Макфардл повернулась к Мэри Роуз. Вчера при виде Тайсона она лишь неодобрительно морщилась, сейчас же в ее глазах, устремленных на гостью, горел огонек откровенной

неприятно.

— Ты съела довольно, девушка. Огилви отвезет тебя домой.

Тайсон, пораженный грубостью экономки, хотел было вступить за Мэри Роуз, но та спокойно сказала:

— Я готова, миссис Макфардл.

Глава 6

Тайсон сидел в большом мягком кресле за обшарпанным письменным столом в темной пыльной библиотеке, набитой таким количеством книг, что, едва ступив на порог, он онемел от радости. Уже через час он обнаружил, что во многих томах даже не разрезаны страницы. Очевидно, Бартуики не были большими любителями чтения. Ничего, зато теперь это тоже его собственность! Радостно потирая руки, он вынул «Илиаду» Гомера, переплетенную в темно-красный сафьян, потрескавшийся от старости. Нужно попросить кого-нибудь перебрать книги и смазать маслом. Интересно, что скажет Макс, когда увидит все эти сокровища? Наверное, захочет привести в порядок это великолепное, но мрачноватое хранилище. Тайсон представил, как Макс тщательно разрезает страницы, разглаживает, то и дело прерывая работу, чтобы прочесть несколько строк. Мальчик наверняка не сможет удержаться от соблазна! В комнату заглянула Мегги, и Тайсон медленно поднялся.

— Ну, как дела? — спросил он с улыбкой, удивляясь, почему дочь застыла на пороге, а не бежит прямо к нему через всю комнату своей знаменитой танцующей походкой, — Ты улыбаешься, папа. Это хорошо. Не хотела беспокоить тебя, но все же интересно узнать, почему миссис Макфардл так ополчилась на Мэри Роуз?

— Прекрасный вопрос, но, к сожалению, ответа я не знаю. Миссис Макфардл только головой качала и поджимала губы, когда я журил ее за подобное обращение с девушкой. Хорошо хотя бы то, что Мэри Роуз усадили на тележку и подложили три подушки. Огилви заверил, что подвез нашу гостью прямо к крыльцу ее дома.

— У нее такая же грива рыжих кудрявых волос, как у тети Алекс.

— Верно, «И к тому же они пахнут розами», — подумал он и машинально втянул носом воздух. Но здесь пахло только затхлостью слишком долго запертой и давно не проветриваемой комнаты.

Тайсон покачал головой:

— Ах эти злосчастные счета! Мне так необходима помощь! Мистер Макрей что-то говорил насчет управляющего, но я не припомню его имени. Кстати, где он?

— Его зовут Майлз Макнили. У него матушка умерла, вот и пришлось ехать в Инвернесс договариваться о похоронах, Дня через три-четыре вернется.

— Мегги, откуда ты все знаешь?

— Я пошла на конюшню посмотреть, хорошо ли ухаживают за Великаном, и подслушала разговор Макни и Ардла. Ведь слуги всегда все знают, папа. Когда я угостила их миндальными конфетами, которые дала тетя Синджен, они рассказали, что старый лэрд хотел дотла сжечь Килдрамми после гибели Йена, но слуги не позволили. Паудер бросился на старого лэрда,

прижал его к полу и не отпускал, пока остальные не прибежали на помощь.

— Паудер? Представить невозможно! Он и мухи не обидит. Правда, старому Тайронну было под девяносто, но Паудер ненамного моложе.

— Обязательно расспрошу Паудера, — фыркнула Мегги. — Все отдала бы, чтобы увидеть такое зрелище!

— Тоска старого Тайронна вполне объяснима. Подумать только, пережить всех родных! Но все же жаль, что он умер с такой тяжестью на сердце.

— Вовсе нет. Он ни минуты не грустил, если верить Макни и Ардлу. Они говорят, будто он разозлился на мисс Донателлу Велленс за то, что она отказалась выйти за него замуж. Орал, что был вполне способен получить от нее наследника и лишь ее себялюбие и упрямство виной тому, что он остался один как перст. Якобы он чист перед Богом, как непорочный агнец, и сделал все возможное, но теперь только и остается, что сжечь Килдрамми. Развести такое буйное пламя, чтобы самому дьяволу стало жарко.

— Донателла, кажется, кузина Мэри Роуз?

— Вроде да. Та еще штучка, по словам Макни, который и сам, похоже, не прочь пофлиртовать с ней. Уж больно он хорош собой.

Мегги, я попросил бы не касаться подобных тем, договорились?

Я всего лишь слушала, папа. Тайсон поспешно сменил тему:

— Я помню старого Тайронна веселым и дружелюбным человеком. Правда, тогда наследников у него было больше, чем у всех шотландских баронов, вместе взятых.

Ему очень хотелось узнать, что еще удалось выведать Мегги. Но ведь он ее отец, к тому же священник и терпеть не может сплетен. Честное слово, не может. Но тут его милая доченька объявила:

— Мэри Роуз и ее мать живут в одном доме с Донателлой. Матушка Мэри Роуз безумна. Давным-давно потеряла рассудок. Донателла, похоже, очень мила и ужасно красива. Правда, избалованна и капризна, но никому и в голову не приходит протестовать, когда ей вздумается закатить истерику.

Тайсон зачарованно смотрел на дочь. Многообразие ее источников информации никогда не переставало изумлять его. И все это она успела узнать, всего лишь угостив слуг миндальными конфетами?

— Донателла моложе Мэри Роуз, — медленно произнес он. — Старику было за восемьдесят, и все же он воображал, будто такая юная девушка, выйдет за него?

— Ну да, — подтвердила Мегги, входя в комнату и приняв себя. — Ардл сказал, будто Бартуик считал, что у Донателлы самые крутые бедра во всей Шотландии, так что ей не составит труда произвести на свет хотя бы парочку наследников. А еще, оказывается, в лорде Бартуике было больше самоуверенности, чем в любом другом человеке. Папа, думаю, следует открыть окна. Здесь ужасно душно.

— Ты права, — кивнул Тайсон, отлично понимая, что должен строго-настрого запретить Мегги

рассуждать о женских бедрах и деторождении. Объяснить, что девочке не пристало забивать себе голову такими вещами, да еще и высказываться об этом вслух. Но почему-то язык не повернулся ругать дочь. Он подошел к окнам и раздернул тяжелые бархатные гардины, из которых по всей комнате разлетелись клубы пыли, отчего оба страшно расчихались. Еще несколько минут ушло на то, чтобы найти задвижку и распахнуть большие стеклянные двери. Наконец створки со скрипом разошлись, и дочь с отцом очутились перед маленьким, размером с библиотеку, заросшим садиком. Одичавшие кусты роз, тис, плющ, нарциссы и ярко-красный рододендрон отчаянно боролись за место под солнцем, заглушая друг друга в попытках отвоевать немного места.

— Мне казалось, что замок образует большой квадрат с внутренним двором, — сказал Тайсон, осторожно ступив на поросшие мхом камни. — А-а, теперь, кажется, понятно. Дай мне хорошенько осмотреться... Точно! Библиотеку просто уменьшили наполовину, чтобы разбить сад. Со стороны его не видно, потому что он выходит на море. Жаль, что он так запущен. Интересно, когда эта дверь открывалась в последний раз? Тебя, наверное, тогда еще на свете не было.

Он усмехнулся собственной шутке, но для Мегги эта улыбка означала, что отец больше не сердится на нее. Какое облегчение! И вообще, с тех пор как они здесь, он улыбается куда чаще, чем за весь последний месяц в Англии.

— Здесь под ветками прячется много цветов, — выпалила она, чтобы скрыть смущение. — Нужно их вырыть и рассадить в большом дворе. Как по-твоему, получится?

— До чего ты напоминаешь сейчас свою тетю Алекс! Когда она проходит по садам Нортклиффа, все растения, цветы и кусты только что в строй не становятся. Дуглас говорит, что они вытягиваются куда усерднее, чем когда-то его солдаты на параде.

Мегги восторженно захлопала в ладоши, — Сегодня же и начну. Напишу тете Алекс и попрошу совета. Кстати, папа. Макни еще упомянул о кухне лорда Бартуика, миссис Гриффин. Судя по его словам, весьма грозная особа. Живет вместе с мужем в Эдинбурге, но последнее время, до самой смерти лорда Бартуика, гостила в замке. Макни, сказал, что она настоящая мегера и старая потаскушка. Папа, что это такое?

— Он имел в виду, что она не слишком приветлива, — торопливо пояснил Тайсон и мысленно попросил Господа, чтобы милая старушка не вздумала притащиться сюда.

— Макни добавил, что все молятся о том, чтобы она ближайшие десять лет тут не появлялась.

Тайсон незамедлительно присоединился к общей молитве.

— Доналд Макрей словом о ней не обмолвился. Интересно почему?

Мегги безразлично пожала плечами и заговорила о другом:

— Миссис Макфардл передала, что сэр Лайон Велленс прислал весточку. Он и его семья собираются приехать к нам с визитом завтра, ровно в три часа.

Что ж, прекрасно. Он и сам собирался поговорить с Веллеисом о том, как лучше защитить Мэри Роуз от посягательств Эриксопа Макфайла и ему подобных.

На следующий день Тайсон спустился в гостиную, чтобы приветствовать сэра Лайона Веллсиса, рослого здоровяка с багровыми щеками: должно быть, их обладатель не чурался

горячительных напитков. Когда-то он мог считаться красивым, но со временем сильно располнел. В свои пятьдесят лет он отличался грубоватым добродушием. Сердечно потряс руку Тайсона, обвел взглядом комнату и довольно хмыкнул. Тайсон едва сдержал улыбку. Трудно осуждать сэра Лайона за столь откровенные эмоции. Гостиная действительно очень уютна, и ему тоже нравится, несмотря на то что он поменял бы здесь обои, гардины и, возможно, кое-что из мебели. Ничего, об этом он скоро позаботится.

Жена сэра Лайона, леди Маргарет, несомненно, была женщина представительная и недурна собой: с внушительной грудью, в модном платье, почти такого же роста, как муж. Ее темные глаза светились умом и сообразительностью. Она оказалась намного моложе своего супруга, но, как и он, окинула гостиную взглядом и явно осталась довольна. Их единственная дочь, Донателла, уставилась на хозяина гораздо пристальнее, чем позволяли приличия. Будучи в душе циником — служитель Господень не может не проникнуться некоторым цинизмом, каждодневно сталкиваясь с низменными сторонами человеческой природы, — Тайсон понял, что прелестная особа ожидает, чтобы он с тайным вздохом склонился над ее рукой, удержал в своей ладони дольше, чем дозволяется этикетом, и наградил романтически-пылким взглядом, показав, что ее чары сразили его наповал. Ну просто копия Мелисанды, сестры Алекс, которая, по правде говоря, куда красивее Донателлы Велленс. После всего, что порассказала Мегги, Тайсон сомневался, что сочтет Донателлу неотразимой. Он просто кивнул ей, как перед этим ее родителям, и, когда все расселись за чайным столиком, учтиво сказал:

— Рад познакомиться с соседями. Надеюсь, Мэри Роуз уже лучше и ее нога не так сильно болит?

Леди Маргарет чуть приподняла тонкую черную бровь.

— Нога, милорд?

— Ну да, нога, миледи, — терпеливо повторил Тайсон, поднося к губам чашку.

— Ах да! — оживилась Донателла, чуть подавшись вперед и выставляя на обозрение Тайсона глубокую ложбинку между грудями, почти такую же прелестную, как у миссис Дрейкмор, его прихожанки и к тому же вдовы, которая при каждом удобном случае тоже демонстрировала ее. По правде, говоря, за шесть лет с момента кончины Мелинды Беатрис он уже привык к бесчисленным, женским уловкам и хитростям. — Неужели не помнишь, мама? — продолжала Донателла, награждая Тайсона откровенной улыбкой. — Мэри Роуз чуть не упала в овраг и растянула щиколотку.

Леди Маргарет, очевидно, давно забыла о несчастном случае.

— Ей следовало быть поосторожнее, — равнодушно обронила она, поднимая глаза на Тайсона. — Надеюсь, вы примете наше приглашение на ужин, милорд? Скажем, в пятницу вечером. В тесном кругу. Только вы и наше семейство. Заодно и познакомимся получше.

— Буду счастлив, — вежливо поклонился Тайсон.

— Завтра я покажу вам окрестности, милорд, — вмешалась Донателла. — Приеду к девяти.

— Я объездил все к югу и западу, — заметил Тайсон, — но на севере еще не был. Хотелось бы добраться до Стонхейвена. Я бывал там еще мальчиком.

Он пустил по кругу блюдо с яблоками в тесте, собственноручно испеченными миссис Макфардл. Мегги немедленно сунула одно в рот.

— Слишком долго Бартуик был без хозяйки, — объявила леди Маргарет, в голосе которой прозвучали нескрываемо собственнические нотки. Неужели?..

— Насколько мне известно, — весело отозвался Тайсон, — хозяйки здесь не было куда дольше, чем я существую на этой земле!

Сэр Лайон фыркнул прямо в чашку:

— До чего же остроумно, дорогая. Очаровательно, не правда ли?

— Остроумие очаровательно только в том случае, если не противоречит общему направлению беседы, — холодно заметила леди Маргарет. — Мебель стара и вышла из моды. Здесь необходима женская рука. Женщина просто обязана навести здесь порядок. Вернее, не сама женщина, а скорее дама постарше и опытнее — короче говоря, ее мать.

Тайсон не на шутку перепугался. Пробыв всего десять минут в его обществе, леди Маргарет уже готова предложить ему свою дочь в качестве будущей супруги! Но почему именно он? Правда, Бартуик — имение богатое, но у Донателлы наверняка немало поклонников. Зато у него нет ни малейшего желания обременять себя даже самой идеальной молодой леди. Жена ему ни к чему, а детям не нужна мачеха. Они наверняка примут в штыки любую особу, которая войдет в его дом. Возможно, прихожане и одобряют супругу викария, которая будет блюсти их интересы. Но честно говоря, даже они кажутся более спокойными и довольными после кончины Мелинды Беатрис. Ну.., не совсем довольными. В конце концов, Мелинда Беатрис трогательно заботилась о них, всегда сообщала ему, кому нужна помощь и какая. Беда только в том, что, если интересы прихожан и Мелинды Беатрис не совпадали, она каким-то образом ухитрялась подавлять людей, стараясь навязать всем и каждому свои воззрения. Тайсон покачал головой. Подобные мысли не подобают священнику. Он поспешно обратил взор на блюдо с яблоками и выбрал самое аппетитное. Оно так заманчиво пахло, что у него даже ноздри дрогнули.

Не успел экипаж Велленсов выехать со двора, как в гостиной возникла Мегги.

— Миссис Макфардл говорит, что Донателла Велленс — самая красивая девушка, произведенная на свет в этих местах. Никто не может с ней сравниться.

— Ты говоришь о ней как о колбасе, — усмехнулся Тайсон. — Но она и в самом деле довольно миленькая.

Что ж, может, в пятницу у него появится возможность потолковать с сэром Лайоном об Эриконе Макфайле, когда он прибудет в Велленс-Мэнор к ужину. Хорошо бы нога Мэри Роуз к этому времени зажила.

Вечером Тайсон и Мегги стояли на вершине высоченного утеса, глядя на море, где играли и резвились дельфины, издававшие странные хрюкающие звуки. Над головами носились чайки, то взмывая вверх, то опускаясь к воде в поисках косяков сельди, спугнутой дельфинами. Берег был усеян большими круглыми камнями. Трудно даже представить, сколько веков прибой накатывал на берег, чтобы обточить булыжники до столь идеальной формы. Их было так много, что по берегу было опасно ходить: в два счета сломаешь ногу!

— Хочешь и сегодня спать в моей комнате, Мегги? Девочка покачала головой, любясь малышом дельфином, неутомимо кружившим возле матери.

— Ничего со мной не случится, папа. Мне ужасно стыдно, что шторм так меня перепугал. Но

теперь все стихло, и я уже не боюсь.

Тайсон кивнул, вдыхая теплый душистый воздух. Просто невероятно! За все это время не сочинил ни одной проповеди, что крайне для него нехарактерно, Тут он заметил всадника, скачущего прямо к ним. Еще один сосед?

Едва незнакомец подъехал ближе, Тайсон невольно сжался. Вне всякого сомнения, перед ним Эриксон Макфайл. Он угадал по гордой осанке, нескрываемой надменности человека, который берет все, что хочет, не заботясь о последствиях и желаниях тех, кто имел несчастье оказаться на его пути. Тайсон обнял Мегги, и дочь с отцом молча ждали, пока всадник спешится и оставит коня пастись на островках травы, пробивавшейся между черными валунами.

— Я слышал, что в замке отныне новый владелец-англичанин, — сказал мужчина, направляясь к ним и похлопывая стеклом по блестящему ботфорту. — Но я не слышал, — добавил он с расстановкой, — что у англичанина есть дочь.

— Я лорд Бартуик, — представился Тайсон, удивляясь собственному официально-высокомерному тону, — а это моя дочь Мегги.

— А я Эриксон Макфайл, вернее, лэрд Макфайл из Хайсонс-Мэнор. Счастлив познакомиться с вами, милорд, и с маленькой барышней.

Учтиво поклонившись, он выпрямился и тоже стал смотреть на воду.

— Когда-то это было мое любимое место. Здесь много дельфинов. Мальчиком я часто плавал с ними.

— Правда? — ахнула Мегги, невольно подавшись к Макфайлу. — Плавали с ними? И что — они топили вас? Или удерживали под водой?

Эриксон улыбнулся девочке. Это была открытая, дружеская, очаровательная улыбка.

— О нет. Дельфины — одни из самых добрых созданий Божьих. Они приветствуют тебя, подталкивают, но сами и даже играют.

— Папа, — взмолилась Мегги, оборачиваясь к отцу. Глаза ее сияли. — Мне тоже хочется поплавать с дельфинами. Пожалуйста! Может, завтра, когда будет тепло?

— Здесь вода всегда ледяная, — заверил Эриксон с веселой усмешкой. — Невозможно оставаться в ней долго, иначе просто посинеешь.

— Десять минут, папа. Всего десять! Ты ведь учил меня плавать! Не может быть, чтобы здесь было холоднее, чем в Ла-Манше!

— Так и быть, — согласился Тайсон, ощущая, как в душе расцветает что-то чистое и трогательное. — Знаешь, мне бы тоже хотелось поплавать с дельфинами!

— Я увидел вас на гребне утеса и предположил, что вы, должно быть, новый барон.

— Совершенно верно, — кивнул Тайсон, разглядывая мужчину, который с таким упорством преследовал Мэри Роуз. Что он за человек? Резвится в воде с дельфинами, а потом, через много лет, пытается опозорить молодую женщину? Ничего не скажешь, хорош собой, прекрасно сложен и..., бесчестен?

Что ж, он скоро это узнает.

— Может, спустишься на берег и попробуешь воду? Проверь, так ли уж она холодна, — предложил Тайсон, обращаясь к дочери.

Мегги, подпрыгивая от радости, ринулась вниз.

— Осторожнее! — предупредил Эриксон. — Спуск почти пологий, но можно удариться о камень! Мегги помахала рукой, но шага не замедлила.

— Если она и упадет, ничего страшного не случится, разве что поцарапается, — успокоил Тайсона Эриксон. — Вы англичанин. Все о вас слышали, но хотелось посмотреть своими глазами.

Отец неотрывно следил глазами за дочерью. Вот подол ее платья зацепился за острый выступ, потянул назад. В вечернем воздухе прозвучал переливчатый звонкий смех.

— Я всего лишь человек, — сказал Тайсон, приглядываясь к мужчине, который, возможно, был на несколько лет моложе его. Да, Эриксон красив и прекрасно одет. Но почему его четко очерченные губы недовольно кривятся? Раздражение? Неприязнь? Но к кому?

— Родом я из южной Англии. Рядом с Истборном есть маленький городок Гленклоуз-он-Роуэн. Там я и живу.

— Я объездил всю Англию и нахожу Брайтон прелестным местечком. Впрочем, как и Истборн. Вы из семейства Шербруков, а ваш старший брат — граф Нортклифф?

— Верно.

— Помню, как гулял по полю, где произошла битва при Гастингсе. Должен признаться, что глубоко проникся атмосферой этого места, но все же Шотландия мне милее. Нет земли прекраснее! Здесь все пронизано чудесными воспоминаниями.

— Здесь и вправду чудесно, — согласился Тайсон. — Кстати, вчера я познакомился с Мэри Роуз Фордайс.

— Вот как? Я тоже ее видел. Она выходила из соснового леса. Подглядывала там за вами. Хотела видеть, как вы покидаете замок. Она сама мне об этом сказала. Ей нравится наблюдать за людьми, а потом рассказывать истории, порожденные ее собственным воображением.

— Она упала. Мужчина мгновенно замер. Его глаза блеснули неподдельным участием. Интересно, весьма интересно!

— С ней все в порядке?

— Она растянула щиколотку. Говоря по правде, она приняла меня за вас. Подумала, что это вы ее преследуете, и пустилась бежать во весь дух. Споткнулась и едва не свалилась в овраг.

— У Мэри Роуз нет причин меня бояться! — гневно выпалил Эриксон Макфайл, — Между нами не было ни ссор, ни размолвок. Вы, вероятно, не так ее поняли, милорд.

— Сомневаюсь, — возразил Тайсон, — Она сказала, что вы пытались обесчестить ее. Специально поджидали, пока она выйдет из леса, чтобы наброситься. Я спросил, почему отец ее не защитил, но оказалось, что отца у нее нет. Я познакомился с ее дядей, сэром Лайоном

Велленсом.

— Его в округе очень уважают. Правда, характер у него не из легких.: Чуть что, топает ногами и кричит, но без особого запала. Если что-то нужно сделать, он старается переложить это на других. Я не хотел зла Мэри Роуз. Никогда не хотел.

— Она считает иначе.

— Так, значит, она попросила вас, первого встречного и к тому же англичанина, отпугнуть меня?

— Нет, я сам взял на себя этот труд. Она — молодая дама и не должна страдать из-за того, что мужчины пытаются подстеречь ее на каждом шагу. — Тайсон не привык к таким разговорам, но все же высказал вслух то, что думал. — Вы хотите прибегнуть к насилию?

— Сильно сказано, милорд. Очень сильно. Вы здесь чужак. И даже не шотландец. Откуда вам знать о наших обычаях? Однако я предпочитаю не обижаться. Не стоит избивать отца в присутствии дочери. Это недостойно. И потом, разве можно наказывать кого-то за ошибку? Вы всерьез полагаете, что Мэри Роуз — дама?

Эриксон откинул голову и оглушительно расхохотался, перекрывая крики чаек. Немного успокоившись, он помахал Мегги и одним грациозным, ловким движением вскочил на коня.

— Прощайте, милорд! — крикнул он, отъезжая. Большой серый мерин звонко зацокал копытами.

Тайсон смотрел вслед, пока всадник и конь не исчезли за небольшим пригорком. Солнце село. С моря подул холодный ветер. Тайсон позвал Мегги, и та стала послушно взбираться наверх. Две предыдущие ночи шел дождь. Вряд ли сегодня разыграется шторм, по крайней мере Мегги так не думала. Возможно, одарила конфетами местного волшебника и попросила наколдовать ясную погоду. Во всяком случае, Тайсон не слишком удивился бы, будь это в самом деле так.

Он вздохнул. Совершенно непонятно, какие отношения связывают Мэри Роуз и Эриксона. Вряд ли стоит впутываться в чужие дела, но он своими глазами видел, как испугана девушка. Так что ничего не поделаешь, вмешаться придется. Кстати, что привело Макфайла на берег?

Глава 7

Донателла Велленс приехала за несколько минут до того, как в ворота замка вкатилась старинная карета.

Тайсон услышал голос Огилви, немедленно заглушенный повелительными приказаниями какой-то женщины.

— О Господи, — ахнула Донателла, — да это мистер и миссис Гриффин из Эдинбурга! Я-то надеялась, что они не свалятся вам на голову так быстро. Миссис Гриффин была не слишком довольна, когда вас объявили наследником. Какое несчастье! Она настоящая ведьма! Удачи вам.

— А как насчет мистера Гриффина? — осведомился Тайсон.

— Насколько мне известно, он во всем соглашается с женой.

— Как ты смеешь рассуждать о мистере Гриффине, наглая девчонка? Сэр, я миссис Гриффин, и вы обязаны поговорить со мной.

Тайсон возрился на облаченную в бесформенное черное одеяние леди, которая направлялась к нему строевым шагом, точь-в-точь как майор королевской армии на параде. В соответствии со своей фамилией она бодро размахивала черной палкой с позолоченной головой грифона. В довершение ко всему и говорила она мужским гулким басом.

— Я Тайсон Шербрук, мэм, — вежливо представился он, — и отныне лорд Бартуик. Кажется, вы были двоюродной сестрой усопшего Тайронна? Вполне возможно, что мы с вами тоже родственники.

Чучело с палкой успело когда-то обзавестись тонкими черными усиками на верхней губе. Густая масса смоляных волос была завитая мелкими букольками. Вылитая горгона Медуза! Того и гляди крутые локоны превратятся в змей и зашипят. Усики противно подрагивали в такт ее восклицаниям:

— Родня вам, сэр? Упаси меня Господь! В моих жилах не течет ни единой капли гнусной английской крови! Ну.., разве что полкапельки. Нет, сэр, я шотландка до мозга костей! Какая жалость, что вы не можете сказать о себе того же! Нет, не жалость, а истинное несчастье. Но Спаситель наказал Бартуиков за грехи предков и упрятал в землю всех достойных наследников. Что ты здесь делаешь, Донателла?

— Хочу отправиться с его милостью на прогулку, мэм. Я приехала чуть раньше вас, — объяснила Донателла, одарив Тайсона нежной улыбкой. — Добрый день, милорд, как приятно снова видеть вас. Вы готовы ехать?

Черные усики снова дрогнули, и Тайсон невольно съежился. Интересно, есть ли у миссис Гриффин имя? Но спросить он не осмелился, тем более что в этот момент леди разразилась хриплым хохотом, больше похожим на карканье вороны.

— Ха! Готова поставить на кон последний фартинг, что прогулка тут ни при чем, Донателла! Задумала расставить силки на беднягу. Впрочем, не так уж он и беден, раз владеет Килдрамми, которого, одному Богу известно, он не заслужил.

В этом она права, подумал Тайсон.

Миссис Гриффин смерила его взглядом, ясно говорившим о том, как низко он стоит в ее глазах, и изрекла:

— У вас нет ни малейшего шанса увильнуть, милорд. Донателла молода, но уже умудрена женским опытом и умеет обращаться с мужчинами. Однако она хотя бы шотландка, и это единственное светлое пятно в непроглядном мраке. Какая катастрофа! Я бы сама вышла за Тайронна, но была слишком стара, чтобы родить, и к тому же существует мистер Гриффин. Кстати, вот он.

Тайсон увидел очень высокого, невероятно тощего, опрятно одетого джентльмена с гривой белоснежных волос, Прислонившегося к дверце экипажа, — Сэр, — поклонился Тайсон. Мистер Гриффин ответил поспешным, каким-то дерганным поклоном и встал за спиной жены.

— Милорд, мы здесь. Вернулись, как и собирались. Вижу, вы уже познакомились с моей очаровательной женой?

— Да, мистер Гриффин, он уже со мной познакомился, Между прочим, я все еще стою во дворе, хотя давно пора войти в дом. И где миссис Макфардл?

Тайсон не находил слов. Он просто стоял и таращился на рослую леди, по возрасту годившуюся ему в матери. Похоже, она была еще более злобной, чем его мать, которая преуспела в искусстве изводить ближних своих. Хоть бы Гриффины не задержались надолго!

Он провожал ее взглядом, пока она не вошла в дом, сопровождаемая миссис Макфардл. Мистер Гриффин замыкал шествие. Миссис Гриффин продолжала энергично размахивать палкой.

— Она прямо-таки одержима Килдрамми, — сообщила Донателла, поправляя очаровательный маленький цилиндр, с которого свисало темно-синее страусовое перо. — Не расстраивайтесь, милорд, эта милая супружеская чета, благодарение Господу, не живет здесь. Очевидно, старуха решила посмотреть на нового владельца Килдрамми и вряд ли останется надолго. Ненавидит морской воздух. Твердит, что у нее нос от него распухает. А по-моему, это все оттого, что она галлонами тянет контрабандный французский коньяк. Мистер Гриффин вообще не пьет. Даже в гостях молча стоит посреди комнаты, тощий, с пустым взглядом, прекрасно одетый, и оглядывает всех. Примите мои искренние соболезнования, милорд. Я вам сочувствую. Девушка коснулась руки Тайсона;

— Едем?

Тайсон задумался. Что делать? Каковы его обязательства по отношению к гостям? Может, следует идти к ним?

— Не тревожьтесь, милорд, — уверяла Донателла. — Она сделает все что в голову взбредет, не считаясь ни с кем, даже с хозяином. Кроме того, она по большей части безвредна.

— А как насчет меньшей?

— Боюсь, меньшая вряд ли вам понравится. Эта дама командует всеми. Скоро вы сами увидите, что она и миссис Макфардл — закадычные приятельницы. Как говорится, два сапога пара. Миссис Гриффин довольно богата, поскольку ее муж владеет крупной железоплавильной мастерской под Эдинбургом.

Успокоенный словами Донателлы, Тайсон предпочел не обременять себя заботами по крайней мере до тех пор, пока не вернется с прогулки.

Донателла показала ему все, что он хотел. Они даже побывали в Стонхейвене, который ничуть не изменился со времени его детства: те же темные, мрачные дома, сползающие к морю вдоль низкого извилистого каменного гребня. Тайсон, казалось, успел взобраться на каждый пригорок, увидеть каждое дерево, оценить каждый арендаторский участок, прежде чем его спутница спешила, подошла к самому краю утеса, нависавшего над морем, посмотрела вниз и воскликнула:

— Идите сюда, милорд! Именно отсюда свалился Йен. Сломал шею, когда ударился о скалы. Наверх не ведет ни одной тропинки, и на то, чтобы поднять тело, ушло несколько часов. Старый Тайронн лично руководил работами.

Тайсон медленно направился к ней. В эту минуту Йен стоял перед ним как живой; юный, красивый, с белозубой улыбкой. Такой живой, такой озорной... Как страшно, что он погиб, не дожив и до тридцати! Последний внук. Последний наследник. Последняя надежда. Наверное,

не только Тайронна, но и четы Гриффин. Насколько мог судить Тайсон, Донателла не флиртвала с ним, только все время пыталась обогнать. Бедняга Великан фыркал, мотал головой и тяжело дышал. Видно, измучился.

— Доналд Макрей, эдинбургский поверенный, написал, что в тот вечер Йен был пьян, — сказал Тайсон, глядя, как волны разбиваются об острые черные скалы.

— Так говорили, — обронила Донателла, пожимая плечами. — Неужели вы запомнили его, увидев всего один раз? Он ведь был моложе вас года на два?

— Да, мне тогда было десять, а ему около восьми. Хороший парнишка. Жаль, что так вышло.

Донателла глубоко вздохнула.

— Он изменился. Когда-то он был моим героем. Ему было двадцать, а мне — только девять. Я сделала бы для него все на свете. Но потом Йен стал мрачным, угрюмым, словно ушел в себя. Помню, как по округе поползли слухи о его похождениях в греховных заведениях Эдинбурга. В прошлом году я согласилась выйти за него, и некоторое время он был вроде счастлив, но потом как-то вечером слишком много выпил, и вот к чему это привело. Никогда ему не прощу!

— Мне так жаль, мисс Велленс, Я не знал, что вы были его невестой.

Донателла обернулась к нему и улыбнулась.

— Родители хотели видеть меня хозяйкой Килдрамми. Я не любила Йена, но все же согласилась стать его женой.

Помолчав, она наградила Тайсона томной улыбкой, от которой у любого мужчины дрогнуло бы сердце. Перед этой зазывной улыбкой бледнели бесстыдно-интимные взгляды миссис Делейни, вдовы местного обойщика, которые та часто устремляла в сторону Тайсона. Да, миссис Делейни.., чрезвычайно энергичная леди, которая поставила себе целью залучить его в свою постель. Тайсон никогда не забудет, что она прошептала ему как-то вечером после городского собрания, на котором обсуждалось строительство моста через реку Роуэн.

— Я хочу лечь с вами, викарий. Нет, не обвенчаться. Именно лечь. Представьте только, какое наслаждение я могу вам подарить!

Он был вынужден признать, что не в силах представить ничего подобного. И даже умудрился не нагрубить, что само по себе было подвигом, учитывая редкостное упорство леди.

— Мисс Велленс... — Милорд, поскольку мы соседи, можете звать меня просто Донателлой.

— Прекрасно, Донателла. Поверьте, мне чрезвычайно жаль Йена. Не случись трагедии, он сейчас был бы хозяином Бартуика, а вы — его супругой, — Но теперь здесь вы, милорд.

— Да, все переменялось, и я здесь. По правде говоря, я успел совсем забыть о Килдрамми. Я вдовец, мисс Донателла. Возможно, вы не знали, но я еще и священник. Преподобный Шербрук из Гленклоуз-он-Роуэн.

Девушка ошеломленно уставилась на него. Сейчас она казалась совсем молоденькой и немного глуповатой, что, как ни странно, придавало ей обаяния.

— Вы викарий? — недоверчиво переспросила она.

— Совершенно верно, мисс Велленс. Она по-прежнему вглядывалась в его лицо, словно сомневаясь, правильно ли расслышала.

— Но как такое возможно? — изумилась она. — Я как-то видела портрет Джона Нокса, и вот он выглядел так, как пристало священнослужителю. Но вы? Да нет, такое просто невозможно! Издеваетесь? Видно, флирт, пусть и совершенно невинный, вам противен, вот и стараетесь отделаться от меня.

— Почему же невозможно?

Донателла презрительно хмыкнула. В ее взгляде мелькнуло нечто вроде пренебрежительного сожаления, словно ее собеседник окончательно лишился рассудка. — Да потому, что красивее мужчины я не встречала. А вы к тому же и богаты. Знаменитая красота Шербруков. Ну что с ней поделаешь? Нельзя же ее спрятать! Или скрывать от всех, что состояние у него и вправду немалое. Кстати, он тоже когда-то видел изображение Джона Нокса, от которого мурашки по коже шли. Уж очень мрачный тип! Фанатик в одеждах пресвитерианской церкви. Такой кого хочешь испугает!

— Видели бы вы настоящих красавцев! — усмехнулся он — Например, моих братьев. Вот это настоящее чудо!

— Слава Господу, вы не только священник, милорд, — помолчав, сказала Донателла, прикасаясь к рукаву Тайсона. — Вы вдовец, и примите мои соболезнования. Кстати, сегодня мы обедаем позже обычного, и папа просил вас прийти. Можете произнести застольную молитву. Теперь это так редко делается. — Она склонила голову набок, и пушистое перо на шляпе чуть колыхнулось. — Представляю лицо папы!

Вскоре они остановились перед небольшим зданием из серого камня, походившим не столько на шотландский, сколько на типично английский особняк и, по словам Донателлы, выстроенным не так давно. Уж с его крыши обороняющиеся солдаты вряд ли обливали врага кипящей смолой! Уютный дом, окруженный соснами; к парадному входу ведет усыпанная гравием подъездная аллея, обсаженная березами. Хотя до моря было не менее полумили, даже сюда доносился запах соли и водорослей. И Тайсону это неожиданно понравилось. Донателла бросила поводья подбежавшему пареньку, который с неприкрытым обожанием взирал на хозяйку, и стала ждать, пока спешится Тайсон. Он неожиданно осознал, что скоро увидит Мэри Роуз. Странно, но он совсем не думал о ней как о мисс Фордайс. Для него она с первого момента была только Мэри Роуз, и он просто не сможет называть ее «мисс Фордайс».

— Надеюсь, Мэри Роуз сегодня лучше, — высказал предположение он.

Донателла равнодушно пожала плечами:

— Понятия не имею. — Ничего, я сам спрошу.

— Вы очень добры, если берете на себя труд волноваться за таких, как она. — Она сильно ушиблась. Я боялся, что бедняжка что-нибудь себе повредила.

— Вовсе нет. Она прекрасно себя чувствует. Его так и подмывало спросить, откуда ей это известно, если перед этим она сама призналась, что не знает, как здоровье Мэри Роуз. Неужели никому не пришло в голову послать за доктором?

Хозяева радушно встретили его и провели в гостиную, роскошно обставленную в модном ныне египетском стиле. Диванные ручки напоминали свитки папируса, а ножки стульев были

сделаны в форме львиных лап.

— Как Мэри Роуз? — осведомился Тайсон, удивляясь и немного обижаясь, что она его не встретила. Какое разочарование! Что ни говори, он ее спас, а она не сочла нужным не только поблагодарить его, но даже поздороваться.

— Прекрасно, милорд, — заверила леди Маргарет. — Она, разумеется, не будет обедать с нами, — Не понимаю, — удивился Тайсон. — Если она здорова, почему ее не будет за столом? Супруги переглянулись.

— Ну разумеется, она придет, — сказал сэр Лайон. — Моя жена посчитала, что ее куда-то пригласили, но это чистое недоразумение. Донателла, дорогая, почему бы тебе не сходить за кузиной? А потом мы наконец поедим.

— Ну вот, милорд, теперь вы успокойтесь, увидев своими глазами, что Мэри Роуз жива и здорова, — улыбнулась Донателла и направилась к двери, снимая на ходу свой очаровательный цилиндр.

— Надеюсь, моя маленькая красавица показала вам все, что хотела? — добродушно поинтересовался сэр Лайон.

— Да, сэр, — кивнул Тайсон, вспоминая десятки ручьев, которые они перешли вброд, и руины старинного шотландского замка. — По-моему, я видел все, что только можно. Скажите, а в Велленс-Мэнор происходило что-нибудь интересное?

— Говорят, здесь гостила сама Мария, королева Шотландская. Тогда особняк только построили. Было это, насколько я припоминаю, в 1570 году. Дверь отворилась, и вошла Мэри Роуз. Слава Богу, кажется, не хромает. На какое-то мгновение девушки оказались рядом. Мэри Роуз, высокая, стройная, с темно-рыжими волосами, стянутыми на затылке в тугий узел. Старое платье вытянулось и полиняло от бесчисленных стирок. Должно быть, ему лет десять, не меньше. Но глаза! Цвета изумрудно-зеленого мха, сбрызнутого дождем, вечно скрытого от солнечного света, хранящего множество тайн и секретов. Когда Тайсон увидел ее впервые, они были полны боли, но сейчас, сияли сказочным блеском. И с чего это он вдруг заговорил, чуть не стихами? Мох, скрытый от солнечного света... Вздор какой-то! Он впал в детские фантазии, на что священник не имеет права. Раньше с ним никогда такого не бывало. Возможно, он ведет себя так, потому что спас ее? Вероятно, Тайсон нарочно повернулся к Донателле, которая была ростом пониже кузины, но зато обладала изящной округлой фигурой, густыми черными волосами без единого проблеска рыжины и белой, как только что выпавший снег, кожей. Ни малейшего сходства с Мэри Роуз.

Мэри Роуз... Какая она?

Тайсон нахмурился.

Настоящая женщина, не девчонка, как Донателла. Он только сейчас заметил, насколько она напряжена. И не сводит чуть прищуренных глаз с леди Маргарет. Ему она и взгляда не уделила. Смотрит только на леди Маргарет. Тайсон, быстро поднявшись, шагнул к ней.

— Здравствуйте, Мэри Роуз, — произнесен, касаясь ее руки. — Как ваша нога?

— Все в порядке, милорд. Боль совсем прошла.

Он отпустил ее руку, и девушка, подняв голову, смело взглянула на собеседника. Интересно,

он уже влюбился в Донателлу? Мэри Роуз прекрасно понимала, что выглядит простой крестьянкой в сравнении с кузиной. Чучелом на палке, пригодным только для того, чтобы отпугивать ворон в саду! Ничего удивительного: на ней платье, которое мать носила в молодости, и такое короткое, что видны щиколотки. Впрочем, какое это имеет значение? Она никто, меньше чем никто! Что ж, ей и не хочется быть кем-то, особенно для этого англичанина.., вернее, для любого мужчины.

— Превосходно! — воскликнул Тайсон. В комнате воцарилась неловкая тишина. Наконец сэр Лайон грузно поднялся.

— Ну, милорд, прошу к столу. Правда, уже немного поздно, но моя красавица сказала, что не успокоится, пока вы не осмотрите всю округу.

— Да, — кивнул Тайсон. — С удовольствием. Он машинально предложил руку Мэри Роуз. Донателла рассмеялась.

За сосисками с луком в слоеном тесте она объявила ни к кому в особенности не обращаясь:

— Я показала его милости то место, где погиб бедный Йен.

Вилка выпала из пальцев Мэри Роуз и громко звякнула о стол. Но сама девушка ничего не сказала.

— Какая ужасная трагедия, — вздохнул Тайсон. — Я хорошо помню Йена, хотя виделись мы давно, когда оба были маленькими. Насколько я понял, он собирался жениться на мисс Велленс. Примите мои искренние соболезнования. Я очень вам сочувствую.

Велленсы учтиво поблагодарили его. Мэри Роуз подняла вилку и, низко опустив голову, продолжала есть пикшу, закопченную над торфяным костром. Оказалось, это старинное шотландское блюдо любят все местные жители, — Не хотите попробовать сливовый джем, милорд? Очень вкусно, особенно с лепешками, которые специально напекла кухарка.

— Спасибо, леди Маргарет, — поблагодарил Тайсон и тут же обратился к Мэри Роуз:

— Вчера вечером, когда мы с Мегги любовались морем, к нам подъехал всадник, отрекомендовавшийся Эриксоном Макфайлом.

Страх отразился на ее лице. Тайсон испугал ее. Похоже, Тайсон совершил ошибку, решив прилюдно рассказать о бесчестном поступке Эриксона. Прежде чем Мэри Роуз вновь нагнула голову, он успел заметить в ее глазах беспомощность. Она выглядела трогательно-беззащитной. Тайсон готов был проклинать себя за допущенную оплошность. Но Мэри Роуз быстро овладела собой и стала преспокойно есть переваренную морковь. Больше она не выставит себя на посмешище. И не выкажет удивления. Однако почему Эриксон счел нужным познакомиться с Тайсоном? И что ему сказал? Почему Тайсон вдруг именно сейчас, за обедом, заговорил о Макфайле? В голове металась тысяча вопросов?, но лицо девушки оставалось бесстрастным.

Не замечая смятения племянницы, сэр Лайон провозгласил:

— Эриксон Макфайл — прекрасный молодой человек. А его отец был моим лучшим другом. Многие соседи очень расстроились, когда он случайно упал в овраг и сломал себе шею, состязаясь в ходьбе с одним из своих арендаторов. Что ж, теперь лэрдом стал Эриксон. — Он бросил на дочь гордый взгляд и добавил:

— Эриксон был среди тех, кто осаждал наш дом, разыгрывая комнатную собачку перед моей милой Донателлой. Клянусь Богом, в тот день, когда ей исполнилось семнадцать, я подумывал достать свои пистолеты, чтобы отпугивать поклонников!

— Но я отказала Эриксону, папа, — напомнила Донателла, кладя в рот кусочек вареного картофеля. — Сколько раз повторять?

— Теперь, когда Йен мертв, — вмешалась леди Маргарет, — может, следует снова подумать о предложении Эриксона? Хайсонс-Мэнор — прекрасное поместье. Правда, мать Эриксона известна своим ужасным нравом, но в остальном лучшего места не найти. Кроме того, если ты выйдешь за Эриксона, у твоей свекрови наверняка хватит такта поскорее отправиться на тот свет, верно?

— Да, это было бы огромным облегчением для окружающих. — согласилась Донателла, глядя на Тайсона. — Поживем — увидим.

Тайсон почувствовал себя оленем, спасающимся от охотников. Интересно, где держит пистолеты сэр Лайон?

— Макфайл говорил, что в детстве часто плавал наперегонки с дельфинами, — вдруг вспомнил он.

— Прекрасный молодой человек, — повторил сэр Лайон, одним глотком осушив свой бокал. — Просто прекрасный.

Он наспех вытер рот рукой и знаком приказал стоявшему слева дворецкому налить еще вина, что тот немедленно и исполнил.

— Спасибо, Джиллис. Честно говоря, в толк не возьму, почему так уж забавно резвиться в море с проклятыми рыбами, но каждому свое.

Смеющаяся Донателла прикрылась салфеткой.

— Мэри Роуз, — обратился к ней Тайсон, — вы ведь знакомы с Эриксоном?

Господи, что он говорит!

Тайсон с удовольствием пустил бы себе пулю в лоб. Он в самом деле не в себе. Несет бог знает что!

Он поспешно прикусил язык, ожидая ответа. Ей стоило бы запустить в него лепешкой с джемом!

Он наконец понял, почему наговорил все это. Не в его привычках тянуть, когда срочно требуется помощь. Домогательствам Эриксона необходимо положить конец, а узнав обо всем, сэр Лайон, вероятнее всего, защитит племянницу. Пусть Тайсон повел дело неуклюже, но он делает это для безопасности Мэри Роуз.

После долгой паузы девушка тихо сказала:

— Маленькой девочкой я тоже плавала с Эриксоном и дельфинами. Они такие же млекопитающие, дядя Лайон, как и мы, а вовсе не рыбы. Эриксон научил меня плавать и убедил, что дельфины не причинят мне зла. Они любят играть в воде, нырять и брызгаться.

— Ошибаешься, — возразил сэр Лайон. — Они живут в воде, как все рыбы. — Ты, кажется, совсем недавно виделась с Эриксоном, Мэри Роуз? — холодно обронила Донателла, явно на что-то намекая. — Не подумай, что я возражаю. В конце концов, я сама прогнала его.

— Да, я часто его вижу, — кивнула Мэри Роуз. — Слишком часто.

Ладно, подумал Тайсон. Придется поговорить с сэром Лайоном с глазу на глаз. Он — дядя Мэри Роуз, единственный родственник мужского пола, и его долг — оберегать девушку. По всей видимости, он хочет видеть Эриксона своим зятем, но и Донателле Тайсон не пожелал бы такой участи. Одно ясно: нельзя позволить Макфайлу стать мужем Мэри Роуз. Узнав о том, как тот обошелся с девушкой, сэр Лайон наверняка изменит свое мнение о нем.

Леди Маргарет грациозно поднялась с прелестного кресла в стиле Людовика XVI.

— Донателла и Мэри Роуз, идемте со мной, — велела она, выплывая из маленькой столовой.

Дождавшись ухода женщин, сэр Лайон пристально посмотрел на гостя;

— Какие-то неприятности, милорд? Вероятно, вы нуждаетесь в моей помощи или совете по ведению хозяйства?

Глава 8

— Нет, сэр, — с расстановкой произнес Тайсон, с облегчением заметив, что сэр Лайон больше не пьет. — Дело куда серьезнее. Видите ли, Мэри Роуз подвернула ногу, когда убегала от Макфайла и свалилась в овраг. Насколько мне известно, он постоянно пытается застать ее одну. Если его не остановить, все может кончиться насильем. Вы ее дядя. Ваша обязанность — поговорить с ним. Я посчитал, что вы должны знать о происходящем. Жаль, что Мэри Роуз сама не призналась вам, но, поскольку этого не случилось, я решил поговорить с вами.

Сэр Лайон долго бесстрастно смотрел на гостя, потирая щеку, потом пригубив вино, изрек:

— И какая вам в этом корысть, милорд? Тайсон приоткрыл рот от удивления.

— Совершенно никакой. Но вы ее дядя, сэр.

— Послушайте, мальчик мой, — начал сэр Лайон, подавшись вперед. — Похоже, вы многого не понимаете. Я знаю, что вы служитель Божий. Возможно, призвание несколько обострило вашу чувствительность и заставляет задавать не совсем деликатные вопросы, которые вы считаете необходимыми, чтобы достичь благородной цели. Да, Донателла успела шепнуть матери, что вы викарий, а уж моя Маргарет проговорила мне прямо перед обедом. Простите, что забыл попросить вас призвать благословение Господне на нашу трапезу. Жаль, пикша немного пересушена. Возможно, молитва сделала бы ее нежнее. К сожалению, милорд, вы не знаете здешних нравов и обычаев. Вы считаете Эриксона бесчестным человеком и как викарий желаете знать мотивы его поступков, осудить его действия, а может, и заклеить Эриксона как неисправимого грешника.

— Разумеется, подобно всякому служителю Божию, я пытаюсь узнать мотивы его поступков и осудить его действия. Он негодяй и преступил все законы морали. Но как мужчина я испытываю сильнейшее желание сбить его с ног прямым ударом в челюсть, если он посмеет еще раз приблизиться к ней. К сожалению, я ей не родственник, а отличие от вас, сэр. Я считаю, что ваш долг — остановить Макфайла. Девушка смертельно его боится.

Сэр Лайон недовольно нахмурился.

— Я знаю, что он хочет ее. Сам мне сказал. Не понимаю, что он в ней нашел. Мэри Роуз — ничто по сравнению с кузиной. Более того, на ней пятно, которое ничем не сотрешь. Да, Эриксон возьмет ее силой, но только если не будет другого выхода. Он заверил меня в этом. Что поделаешь, если он ее хочет? Я дал ему разрешение. Он получит девушку. Лучшего предложения ей все равно не дожидаться.

Тайсон слушал и не понимал ни единого слова, как будто собеседник говорил на чужом языке. Медленно поднявшись, он оперся ладонями о столешницу.

— Я не позволю ему изнасиловать невинную молодую леди.

— Я уже говорил, что он прибегает к насилию, только если не останется другого выхода. Сам я не одобряю подобных поступков, но Мэри Роуз невероятно упряма и не собирается мириться со своим положением. Вечно позволяет своей гордости взять над ней верх. Слишком нос задирает. Считает себя куда выше Эриксона, что, разумеется, полный вздор. Она даже не желает его выслушать, а тем более принять предложение руки и сердца. Твердит, что не хочет иметь с ним ничего общего. Мэри Роуз нужно заставить понять, какая невиданная удача ей привалила. Даже ее мать в минуты просветления, которые теперь случаются нечасто, ничего не имеет против Эриксона. Может, вы сумеете нам помочь, милорд? Благодаря вам она поймет, что, если выйдет за него, это разом заставит умолкнуть болтливые языки. Наконец-то прекратятся гнусные сплетни. Став ее мужем, Эриксон постарается заткнуть всем рты. Даже если парню придется взять ее до брака, замужество загладит этот неблагоприятный поступок.

— Я в этом деле не участник. Она не желает выходить за него, и я уверен, что это не кокетство. Поймите, она по-настоящему его боится. Неужели вы допустите, чтобы чистую девушку, да к тому же вашу племянницу, изнасиловали? Вынудили вступить в союз, которого она не желает?

— Вы чересчур драматизируете, милорд. Эриксон желает жениться на ней. Для нее это единственный шанс. Чтобы добиться этого, я одобрю все, что он с ней сделает. — Сэр Лайон склонил голову набок, моргая от яркого света, — Вы и в самом деле не понимаете, о чем идет речь?

Тайсон был не столько сбит с толку, сколько зол. Голосом, таким же холодным, как у брата, когда тот надевал мантию судьи, он уточнил:

— Что я должен понять? Любой цивилизованный человек, выслушав вас, не ощутит нечего, кроме презрения. Сэр Лайон так расхохотался, что расплескал вино.

— Простите, не сообразил, что вы здесь недавно и еще не успели вникнуть в здешние обстоятельства. Ну до чего же забавно! Да, Мэри Роуз — моя племянница, но вас ввели в жесточайшее заблуждение, милорд. Мэри Роуз вовсе не леди и так же далека от высшего общества, как любая крестьянка. Она — незаконнорожденная, милорд. Чей-то бастард. Ублюдок. Позор семьи. Ничего не стоящее, жалкое существо. И никогда ей не быть леди. По причинам, не известным никому, даже мне или ее тетке, Эриксон Макфайл готов на ней жениться. А поскольку она отказывается принять его предложение, я сказал, что он может делать все что пожелает, лишь бы повести ее к алтарю. Если она не станет его женой, значит, до конца дней своих проживет старой девой и никто из местных дворян не сочтет нужным кивнуть ей при встрече. Теперь вам ясно? Она навсегда останется бастардом.

— Но у девушки есть мать и доброе имя, — Последнего у нее никогда не было.

— А вот тут вы не правы. Она не виновата в том, что ее родители не удосужились обвенчаться. Почему вам не оставить ее в покое? Пусть поступает как знает. Уважайте ее за душевные качества, а остальное не важно. Возможно, если существование Мэри Роуз настолько невыносимо и с годами только усложнится, ей стоит вместе с матерью переехать в другое место, где никто не знает о ее происхождении?

Сэр Лайон с жалостью посмотрел на Тайсона.

— Да вы оптимист, милорд¹. Откуда-то набрались высоких идеалов. Верите в людское благородство. Но я не такой простак и по собственному опыту знаю, насколько ничтожны и жадны люди. Они всегда готовы затоптать ближнего своего. Только немногие достойны похвалы и проявляют бескорыстие. А хуже всех так называемый слабый пол. Милые дамы уничтожат репутацию любой, которая осмелится перешагнуть границы правил, ими установленных. Куда бы ни переехали Гвинет и Мэри Роуз, там в два счета станет известно о том, кто они и какое клеймо на них лежит. Бросьте эту затею, милорд. Пусть Эриксон получит девчонку, и все устроится как нельзя лучше. Ее никто и пальцем не тронет. Эриксон будет хорошо с ней обращаться. Почему бы нет? Он человек добрый, в этом я могу поклясться. Кроме того, он позаботится о ее матери, наймет сиделок, а уж за одно это его можно уважать. Видите ли, ее мать, Гвинет Фордайс, вот уже много лет как не в себе. Она младшая сестра моей жены и живет с нами со дня рождения Мэри Роуз. Мой вам совет — не вмешивайтесь не в свои дела и держитесь подальше от моей племянницы.

Глядя на добродушное лицо сэра Лайона, Тайсон внезапно спросил;

— В таком случае почему Донателла утверждает, будто Эриксон хотел на ней жениться? Не вижу в этом смысла.

— Ах, моя маленькая красавица, — вздохнул сэр Лайон, вертя в руках хрустальный бокал тонкой работы. — Она отвергла Эриксона. Именно тогда он обратил свой взор на Мэри Роуз. Удовольствовался, можно сказать, вторым сортом. Может, поэтому она так дразнит его. Расстроена, что первой была Донателла — как всегда. Моя дочь очень красива, и мальчики дрались за нее с тех пор, как ей исполнилось семь лет. Так вот, насчет Эриксона. Думаю, Донателла немного ревнует... Ну, сами понимаете, что чувствует девушка, когда молодой человек так быстро меняет предмет страсти. Моя красавица намекала, что, возможно, Эриксон пытается стать ей ближе и только поэтому стремится заполучить Мэри Роуз. Что ж, пусть Донателла верит, во что пожелает. По-моему, Эриксон влюблен в Мэри Роуз, так что не стоит о ней тревожиться. Это всего лишь пьеса со счастливым концом. Все само собой образуется.

Сэр Лайон улыбнулся, довольный обедом, вином и исполненным долгом. Однако Тайсон негодуяюще выпрямился.

— Я не допущу этой мерзости, сэр Лайон. Если Мэри Роуз не желает выходить замуж, значит, так тому и быть. Вы отказываетесь говорить с негодяем? Это сделаю я. Эриксон Макфайл и пальцем к девушке не прикоснется.

Мегги лежала в постели, подтянув одеяло до подбородка, потому что она оставила окно приоткрытым, а вечерний воздух был довольно-прохладным.

— Ты расстроен, папа, — заметила она, — и отнюдь не моими грехами.

Тайсон с трудом отвлекся от неприятных мыслей и обернулся к своей бойкой дочери.

— Детям трудно это понять, Мегги. Речь идет о Мэри. Роуз и человеке, с которым ты

познакомилась прошлым вечером, — Эриксоне Макфайле. Нужно решить проблему, которая касается их обоих.

— Миссис Макфардл говорила, что Мэри Роуз незаконнорожденная. Я подслушала, как она за обедом рассказывала о Мэри Роуз мистеру и миссис Гриффин. Позже я спросила миссис Макфардл, что это означает, а она ответила, что мама Мэри Роуз не была замужем за ее папой и вообще ни один человек не знает, кто ее папа. В этом все дело? Потому что у Мэри Роуз нет отца?

— Отчасти, девочка. Кстати, что ты думаешь о мистере и миссис Гриффин? Жаль, что они сказались больными и не поужинали с нами.

— Мистер Гриффин почти все время молчит, только глазеет на все, неодобрительно поджав губы. А миссис Гриффин позвала меня в гостиную и велела стоять навтыжку, как маленького солдата, пока меня допрашивала. Приказала говорить не слишком тихо и не слишком быстро. Я ответила на множество вопросов, папа. Знаешь, у нее такие усики, как у мистера Клинта в нашем городке.

— И что это за вопросы? — раздраженно осведомился Тайсон, слишком поздно осознав, что, отправившись на прогулку с Донателлой, бросил дочь на произвол судьбы. В следующий раз он непременно возьмет Мегги с собой. Ее присутствие мигом разрушит все планы Донателлы. — Она все допытывалась, какая у нас семья. Особенно интересовалась дядей Дугласом. Сказала, что, если бы бароном Бартуиком стал он, это было бы куда предпочтительнее, потому что у него уже есть титул, он пэр королевства и по крайней мере знает, что почем. А так называемого служителя Божия в два счета положат здесь на обе лопатки.

— Что ж, она, вероятно, права, — согласился Тайсон, гадая, означает ли выражение «на обе лопатки» его полную неудачу. Он наклонился и поцеловал Мегги в нос.

— А мистер Гриффин? Он тоже хотел что-то узнать? — Мегги покачала головой.

— Нет. Кстати, миссис Гриффин расспрашивала и о маме.

Тайсон оцепенел. Это уж слишком. Дама чересчур далеко зашла!

— Я сказала, что мама очень давно умерла, и добавила, что ты не желаешь жениться и Донателла не сумеет тебя соблазнить.

Тайсон дернулся, как от пощечины.

— Мегги, я твой отец и к тому же священник. Тебе всего десять лет. Не смей употреблять такие слова!

Он впился в нее строгим взглядом. Мегги неглупа, но безмерно любопытна, — Скажи, дорогая, — смягчился он, — откуда ты вообще знаешь это слово?

— Однажды я подслушала, как тетя Алекс говорила тете Софи о человеке по имени Спенсер Хизерингтон, которого в два счета соблазнила Хелен. Они долго смеялись, папа.

Ну что на это сказать?

Тайсон уставился вдаль, на беспокойное море, где сегодня разгулялись волны. Они набрасывались на черные иззубренные скалы, покрытые белыми брызгами птичьего помета.

Он прерывисто вздохнул. Хелен Мейберри и Спенсер Хизерингтон, лорд Бичем. Судя по тому, что он слышал, возможно, все так и было. Хелен — женщина необыкновенная, твердил Дуглас, заливаясь лукавым смехом сатира. Он искренне восхищался Хелен. Но все это — дело прошлое. Спенсер и Хелен женаты уже почти четыре года и, если верить брату, совершенно счастливы и успели родить двоих детей. Тайсон неловко откашлялся.

— Миссис Гриффин.., она не упоминала, случайно, надолго ли приехала в Килдрамми?

— Сказала, что собирается остаться, пока мистер Гриффин не удостоверится, что ты не пустишь по ветру доставшееся тебе наследство. И добавила, что мистер Гриффин не слишком надеется на счастливый конец всей этой истории, даже если Майлз Макнили вернется. «Настоящая катастрофа» — так сказала миссис Гриффин. Папа, а что такое катастрофа?

— Ах, старая мегера! — процедил Тайсон, ощутив, как в душе закипает раздражение. Кто позволил старой ведьме смущать покой его ребенка? Поднявшись, он принялся мерить шагами комнату, чтобы немного успокоиться. Стало холодно. Тайсон плотно закрыл окно и опустил шпингалет. Он приехал в Шотландию, чтобы стать лэрдом Бартуиком, бароном, хозяином Килдрамми, а его считают неудачником, способным все разрушить! Пора смело лезть в логово львицы. Не льва. Лев давно лишился зубов. Он всего лишь нуль. Ничтожество.

— Пойду поближе познакомлюсь с гостями, — сказал он дочери, направляясь к двери. — Странно, почему они оба отказались ужинать?

Мегги накинула халат, натянула носки Макса, доходившие ей до колен, и выскользнула вслед за отцом. К несчастью, уже успев добраться до подножия парадной лестницы, она столкнулась с миссис Макфардл.

— Я хочу молока, — заявила девочка, которая давно уже научилась врать куда лучше братьев. Сколько раз она их учила: смотри человеку в глаза, когда лжешь, иначе тебя сразу разоблачат.

— Хм, — буркнула экономка, направляясь на кухню. Мегги оглянулась на закрытую дверь гостиной. Очевидно, отец нашел Гриффинов.

Осторожно приоткрыв дверь, она услышала спокойный голос Тайсона:

— Насколько я понял, вы успели оправиться от болезни, помешавшей вам спуститься к ужину?

— Если ваш витиеватый вопрос означает, что вы хотите справиться о моем здоровье, могу ответить, что со мной все в порядке. Иначе я не была бы здесь. Мало того, что я позволила вам войти а даже соизволила заговорить с вами, хотя крайне трудно...

Раздражение Тайсона усилилось.

— А мистер Гриффин? — перебил он:

— Он также оправился от тягот пути?

— Думаю, мистер Гриффин как раз прикидывает, сколько времени вам понадобится, чтобы окончательно разорить Килдрамми. Разумеется, это я попросила его заняться вычислениями.

Тайсон не обратил внимания на очередную колкость и ринулся на врага.

— Я был бы крайне благодарен, мэм, если бы вы прекратили осаждать вопросами мою дочь.

Как только вам потребуется что-то узнать, обратитесь ко мне, и я решу, стоит ли отвечать.

— Почему? Она смышленная девчонка, — пожала плечами миссис Гриффин, по-прежнему закутанная в плотные черные ткани, раскинувшиеся едва ли не на весь диван. Черная палка, зажатая в большой руке, выглядела настоящей шпагой. — Она объяснила мне все, что я хотела знать, тогда как вы скорее всего замкнулись бы, как устрица в раковине. Кроме того, вы удрали с Донателлой и покинули нас. Откровенно говоря, я прихожу в отчаяние, думая о судьбе Килдрамми. Вряд ли поместье когда-нибудь оправится от такого удара.

— В отличие от вас, мэм, меня это мало волнует. Кстати, отчаяние очень вам к лицу.

— Понятия не имею, что вы хотите сказать, но это, видимо, и не важно. Не правда ли, Донателла — прелестная малышка? И вы пробыли в ее обществе очень долго. Наедине.

Она окинула его таким многозначительно-злорадным взглядом, что Тайсону до смерти захотелось швырнуть в нее чем-нибудь потяжелее.

— Да, — продолжала она, плотоядно ухмыляясь и оценивающе осматривая Тайсона. — Не будь вы викарием, я посчитала бы, что вы весьма неплохо провели время. Хотя, как английский викарий, вы, вероятно, понятия не имеете, что есть истинный грех.

Обычно хладнокровный, спокойный Тайсон Шербрук, мужчина, отличающийся беспристрастностью, независимостью суждений и чувством справедливости, взвился с места как ошпаренный. Ярость горячей волной ударила ему в голову.

— Вы злобная грязная старуха, — холодно процедил он. — Я не желаю видеть вас в своем доме, мадам. Вы и мистер Гриффин уедете утром. Надеюсь, я достаточно ясно выразился?

Черные усики возмущенно дрогнули. Миссис Гриффин вскочила, противно шелестя черными юбками, и ткнула палкой в грудь Тайсона.

— Вы священник, сэр! И посмели оскорбить меня и дорогого мистера Гриффина, да еще в его отсутствие. Вы еще будете молить меня о прощении!

Тайсон, все еще взбешенный до глубины души, произнес голосом, таким же суровым, как у отца, когда тот сердился на мать, что случилось совсем нередко:

— Прошу извинить меня, мэм, но вы и мистер Гриффин все же покинете замок завтра же. Я желаю вам спокойной ночи и приятного путешествия в Эдинбург.

— Посмотрим, что скажет Дональд Макрей, когда обо всем узнает! — завопила она. — Он поверенный Бартуиков, влиятельный и важный человек в столице. Он надерет ваши чертовы английские уши за такое гнусное поведение. Викарий! Ха! Этот человек называет себя викарием! Чума на вашу голову, сэр!

Острая парфянская стрела, ничего не скажешь, но Тайсон даже не потрудился оглянуться на злобную тварь. Просто вышел из гостиной, едва не сбив с ног дочь, притаившуюся у двери. На полу стоял стакан молока — Будь это в моих силах, Мегги, я и тебя отослал бы, — вздохнул Тайсон и взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Два часа спустя преподобный Шербрук горячо молил Бога простить его за неразумный и, в сущности, беспричинный гнев, весьма для него необычный. Он проявил внезапную вспыльчивость, отказался, фигурально говоря, подставить правую щеку, когда ударили по

левой, позволил непривычным эмоциям взять над собой верх, затянуть в болото страстей, где теперь и валялся, позоря свое призвание, черня репутацию. Правда, все, что сорвалось с губ этой мерзкой женщины, очевидно, слишком больно ранило, иначе он не сорвался бы подобным образом. В этот момент Тайсон осознал, что, похоже, пытается оправдать себя в глазах Господа. Как он мог пасть так низко? Так легко свернуть с пути праведного? Спаситель постоянно присутствовал в его жизни, был ее неотъемлемой частью. Его сила наполняла смыслом существование Тайсона. Он был отмечен Божьей любовью, что давало ему бесконечную радость. И все же Тайсон покинул его где-то в одном из бесчисленных оврагов этой злосчастной страны и продолжал путь в одиночестве. С трудом сумев освободиться от ложной гордости, от глупых претензий, он честно признался:

— Господи, ты прав. Я ужасно согрешил. Вел себя как настоящий осел, оглашая округу громким бессмысленным ревом. Поверь, Господи, я изо всех сил постараюсь впредь не делать ничего подобного.

Что к этому добавить? Больше ничего на ум не приходит. Он уже не сердился на миссис Гриффин, и всякое желание отшлепать Мегги пропало. Ну.., не совсем, но почти.

Следует научиться лучше держать себя в руках. Может, дело в том, что он оторван от родных корней, далек от всего, что знал и понимал, что знакомо ему и дорого? Их разделяет много-много миль. Он оказался в глухом захолустье, совершенно чужой части света, где в этот момент все казалось непонятным. Он чувствовал себя слепцом, бредущим по узкой горной дороге.

Наконец Тайсон открыл глаза и увидел, что мрак окутал землю, находящуюся так далеко к северу, что последние лучи света гаснут здесь не раньше, чем в десять вечера, когда тьма вступает в свои права.

В душе царил невыразимый покой. Правда, Тайсону в голову не пришло просить мистера и миссис Гриффин остаться. Он не трус и проводит их как подобает хозяину и, невзирая на любые провокации, будет держать рот на замке.

А как быть с Мэру Роуз Фордайс? Она незаконнорожденная. Но разве это так важно? При одной мысли о том, что, по словам сэра Лайона, брак с Эриксоном — для нее большая честь, сердце сжималось от чувства несправедливости. Очевидно, окружающие думают по-другому. Но он не позволит Эриксону Макфайлу принуждать девушку.

Он принял решение и будет его придерживаться. И нужно признать, он легче заснет, зная, что старая сова и ее молчаливый кислотицый муж завтра же покинут Килдрамми. Интересно, что она скажет ему на прощание, когда он будет провожать взглядом и улыбкой катящийся по двору экипаж? Пожалуй, нужно еще и помахать им вслед. Тайсон улыбнулся в темноту.

Стояла такая тишина, что, когда, вырвав его из глубокого сна, раздался пронзительный вопль, Тайсон едва не свалился с кровати.

Глава 9

Тайсон даже не вспомнил о халате и выскочил в коридор в широкой ночной рубашке, путавшейся в ногах. Пробежав до конца длинного коридора, он остановился и огляделся. Судя по всему, до утра недалеко. В торцевое окно пробивался унылый серенький свет. По дому пронесся очередной вопль. Похоже, кричат не в спальне Мегги, а из гостевой комнаты, в дальнем конце коридора. Да это миссис Гриффин! Что ее так перепугало? Может, мистер Гриффин, доведенный до предела, душит любезную женушку?

Тайсон немедленно упрекнул себя за недостойные мысли и пошел дальше, морщась при каждом шаге: древние камни были холодны как лед. Распахнув дверь, он ворвался в комнату, где царил непроглядная темнота. Наверное, все шторы задернуты. Он тут же ушиб палец, едва не закричал от боли и внезапно заметил колеблющееся пламя единственной свечи, крошечный яркий кружок, в котором всплыло лицо миссис Гриффин, белое, как только что выпавший снег. Усики на верхней губе напоминали траурную повязку. На голове топорщатся папильотки. Что за мерзкое зрелище! Морщась от боли в злосчастном пальце, Тайсон спросил:

— Что стряслось, миссис Гриффин? Я слышал ваш крик. В чем дело? И где мистер Гриффин?

— А, это вы, викарий, — отозвалась старуха. — Я видела ее — впервые с тех пор, как гощу в проклятом замке. В прошлом году я хотела встретиться с ней, долго умоляла показаться, но она и не подумала явиться. Должно быть, ждала, когда я буду вне себя от ярости и досады, потому что именно сегодня мне страшно хотелось хорошенько врезать вам по голове за то, что вы посмели выгнать меня, как жалкую попрошайку. Я вовсе не желала ее видеть, не была готова к встрече. А она, видно, решила напугать меня до смерти...

— О ком вы толкуете, миссис Гриффин?

— Да о чертовом привидении Килдрамми, разумеется! — взвизгнула она, едва не потушив свечу. Пламя заколебалось, но устояло. — Она здесь, прямо здесь, в углу, сидит на чертовом комодке!

Старуха подняла свечу повыше. Никого. И ничего, — Только не воображайте, что я спятила. Вы ничего не знаете. Она была тут, сидела на краю тазика, болтая ногами, и в упор глядела на меня. Кажется, даже насвистывала. Весьма странные звуки в ночной тиши, согласитесь! Поэтому я и зажгла свечу. А ей хоть бы что. Посвистела и исчезла.

— Миссис Гриффин, хотел бы я знать, что происходит? Почему священник стоит в нашей спальне, да еще в одной ночной рубашке? Клянусь всеми святыми, я не позволю вам соблазнить мою жену! Как вы смеете, сэр? Я придушу вас собственными руками!

Миссис Гриффин, не поворачиваясь к мужу, ударила его по голове костлявым кулаком.

— Успокойтесь, мистер Гриффин! Этот человек вовсе не пытается добиться моей благосклонности. К тому же он находится слишком далеко.

— Вы говорили мне, что он презренный тип, — начал оправдываться мистер Гриффин. — Вы твердо уверены, что он не пытался соблазнить вас, миссис Гриффин?

— Совершенно уверена. Неужели вы не видите, что он держится на расстоянии? Едва переступил порог нашей спальни. Должно быть, он ушибся, иначе не стоял бы на одной ноге.

— Моя нога в полном порядке, миссис Гриффин. Только палец побаливает, — сообщил Тайсон и ошеломленно потрянул головой. Что за ерунда? Он окончательно запутался и не понимал, на каком находится свете.

Соблазнять миссис Гриффин?

Он едва в обморок не упал от одной этой мысли. Откашлялся, чтобы немного успокоиться, но и шага не сделал к кровати. Позади миссис Гриффин смутно маячила физиономия ее муженька.

— Вам показалось, что здесь был призрак Килдрамми, мэм? — с расстановкой спросил

Тайсон. — Кто он?

Но миссис Гриффин упорно таращилась на комод, где стоял большой кувшин и фаянсовый, расписанный цветами тазик. Он взглянул туда же, но ничего не увидел. Абсолютно ничего. — Она исчезла, — гневно процедила старуха и, окончательно оправившись от страха, слезла с кровати. Оказалось, что даже рубашка на ней черная, застегнутая до самого подбородка. Неожиданно вспомнив, что перед ней мужчина в самом неприличном виде, да еще, по мнению мужа, решивший ее совратить, она с прежней энергией завопила:

— Убирайтесь прочь, сэр! Какой стыд — глазеть на даму в дезабилье! Этого вполне достаточно, чтобы пробудить зверя в любом мужчине, даже в священнике!

Она замахала на него руками, явно сожалея об отсутствии палки с головой грифона.

— Вы слышали, что сказала моя жена, сэр? — вмешался мистер Гриффин. — Вон из комнаты, пока я не поднялся и не выколотил из вас пыль! Пялиться на мою жену, когда она стоит в ночной рубашке! Вы не джентльмен.

— Но... Миссис Гриффин снова уставилась на комод.

— Ее больше нет. Но ее присутствие... Я все еще чувствую его. Что-то затхлое и ужасно старое. Этот мерзкий запах... Мистер Гриффин, разве вы не ощущаете, как плесень ползет по вашим ногам? Она явилась только потому, что англичанин завладел здесь всем. Расстроилась, поэтому ошиблась спальней. Слышишь, призрак? Если хочешь, чтобы он убрался из Килдрамми, найди сперва его спальню. А здесь.., здесь холодно, как в могиле, где она обычно находится, когда не бродит по замку, пугая людей. Мы с мистером Гриффином немедленно уезжаем из этого проклятого места. Ни за что не останемся там, куда давно усопшая леди Бартуик может явиться в любую минуту.

Тайсон возликовал. Не более часа спустя он, успевший побриться и одеться, забыв об ушибленном пальце, стоял на крыльце замка, провожая мистера и миссис Гриффин. Он даже нашел в себе силы улыбнуться и помахать им рукой. До него доносились проклятия кучера, натянувшего воротник до самых ушей. Он видел бледное лицо мистера Гриффина, злобно смотревшего на него из окна. Утро выдалось прохладным, и над землей плавал густой туман, Тайсон вернулся в огромный холл и облегченно вздохнул.

— Они уехали, папа?

— Совершенно верно, Мегги. Но я так ничего и не понял. Не верю в привидения и никогда не верил, несмотря на то что все говорят о Непорочной невесте в Нортклифф-Холле. В жизни ее не видел.

— А дядя Дуглас видел, причем несколько раз. Просто признаваться не хочет. Боится, что его посчитают умалишенным, если он скажет, что встречал ее. Он говорит, что только женщины обожают все сверхъестественное, потому что они истерички и тщеславные создания.

— Возможно, — сухо согласился Тайсон. — Повторяю, я никогда не верил ни в Непорочную невесту, ни в другие привидения, даже когда спал однажды в той комнате, где.., не важно, забудь. Во всяком случае, миссис Гриффин решила, что увидела призрак, и ужасно испугалась. Поэтому и заявила мистеру Гриффину, что немедленно возвращается в Эдинбург.

Вспоминая ночные события, он не мог не улыбнуться. В сущности, сцена вышла уморительной. Да кому может прийти в голову соблазнять миссис Гриффин?

И тут Тайсона вдруг осенило. Он внимательно пригляделся к дочери. Уже по ее невинному личику все стало ясно. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что наделала Мегги. Рот растягивается в ангельской улыбке, глаза торжествующе сверкают. Он застал ее врасплох, прежде чем она успела опустить ресницы.

— Мегги, — спокойно начал он, — ты выросла на легендах о Непорочной невесте и Жемчужной Джейн, которые с удивительным постоянством являлись твоей тете Синджен. — Он погладил подбородок, не сводя глаз с дочери. — Я задам тебе всего один вопрос: это ты разыгрывала привидение в спальне Гриффинов? Как ты забралась на комод? Да еще свистела и болтала ногами?

— Папа, пора завтракать. Хочешь овсянки?

— Мегги, — многозначительно повторил отец. Девочка громко сглотнула и уставилась в пол. Потом едва слышно призналась:

— Прости, папа, но я должна была сделать это. Уж очень боялась, что они останутся. Она просто ужасная ведьма, а он вечно торчит у нее за спиной и глубокомысленно кивает. Прошлым вечером я подслушала, как миссис Макфардл говорила Агнес, что миссис Гриффин всегда умеет настоять на своем и делает что в голову взбредет, а мистер Гриффин никогда и словом ей не возразит.. И что она ни за что не позволит какому-то английскому священнику, которому повезло стать лэрдом Килдрамми, приказывать ей. Мол, Килдрамми — такой же дом для нее, как и эдинбургский, где она живет, когда не гостит здесь. По словам миссис Макфардл, миссис Гриффин уверена, будто рождена повелевать. Я боялась, что, если вы столкнетесь нос к носу, ты снова выйдешь из себя, а мне бы этого не хотелось. В таких случаях ты всегда чувствуешь себя виноватым и терзаешься угрызениями совести. Я защищала тебя, папа. — Выпалив все это единым духом, Мегги умолкла.

— Вот как? — осведомился Тайсон с нарочитым спокойствием, приберегаемым исключительно для тех членов паствы, которые, совершив грех, не собирались каяться. — Значит, миссис Гриффин — одна из тех дурных людей, с которыми я не способен справиться? По-твоему, я настолько глуп и наивен, что не могу распознать зло, даже глядя ему в глаза?

— Ты не глупый, папа, и не наивный, просто очень уж хороший.

— Мегги, вчера я сам приказал им убираться. Я понял, что представляет собой миссис Гриффин. Она и без того укатила бы сегодня утром вместе со своим муженьком. Твой спектакль всего лишь ускорил их отъезд на час-другой.

Мегги ничего не ответила. Тайсон замер и, словно вдруг поняв что-то, шепотом спросил:

— Ты считаешь, что я настолько слаб? И что она осталась бы здесь, хотя я приказал ей убраться?

— Уж очень ты хороший, папа, — упрямо повторила девочка.

Дочь не верит в него. Удар оказался тяжелым и беспощадным. Неужели она видит в нем всего лишь доброго, бесхарактерного человека, вечно пребывающего в некоем духовном трансе и далекого от реального мира?

Мегги упрямо вздернула подбородок.

— Тетя Синджен говорит, что женщина всегда должна уметь играть или притворяться. И еще

она говорит, что у джентльмена в большинстве случаев духу не хватит сделать все, что от него требуется. Однажды тетя Синджен даже подумывала убить кого-то из врагов дяди Колина. Оказалось, что в этом нет необходимости, потому что тот мужчина был невиновен, но она много раз повторяла, что настоящая леди никогда не отступит от задуманного.

Тайсону казалось, что он вот-вот задохнется от раздражения, смешанного с отчаянием и удивлением. Он судорожно сглотнул, откашлялся и объявил;

— Я иду в спальню.

Уже поднявшись на крыльцо, он оглянулся и увидел, что Мегги так и не двинулась с места.

— Ты в самом деле болтала ногами?

— Да, папа.

— Господи Боже, — охнул он, — должно быть, ты так оглушительно свистела, что разбудила ее. Что именно ты насвистывала?

— Песню, которой научила меня тетя Алекс. О том, что когда-нибудь женщины будут править миром, а мужчины станут им прислуживать.

Тайсон тяжело вздохнул. Но постепенно чувство юмора взяло верх над обидой, и он долго посмеивался, прежде чем уснул.

Велленс-Мэнор

Мэри Роуз провела щеткой по волосам матери, густым, темно-рыжим, до сих пор не тронутым сединой. В отличие от кудряшек дочери, которые подпрыгивали на ходу, словно танцуя под неслышную мелодию, длинные пряди были абсолютно гладкими. — Сегодня будет прекрасный день, мама. Ни облачка в небе.

— Расскажи мне о новом лэрде.

Мэри Роуз растерянно моргнула. Гвинет Фордайс говорила не слишком часто, но, когда открывала рот, с губ слетали мелодичные переливы шотландского выговора.

— Он очень милый, мама. Англичанин, викарий и такой красивый. Может, даже слишком, к тому же добр и умен. Честный человек, достойный всяческого восхищения.

Мать, ничего не ответив, кивнула. Взгляд ее был устремлен на березы, качавшие ветвями под окном спальни.

— Его зовут Тайсон Шербрук. Он из очень влиятельной семьи. Его брат — граф Нортклифф. Тайсон — вдовец, с ним приехала дочь Мегги. Такая чудесная девочка! Помогла мне, когда я растянула ногу.

— Донателла захочет его заполучить. Голос матери был нежен, мягок, как легкий ветерок, колышущий ее волосы.

— Возможно. Только не думаю, что он ею интересуется.., то есть не знаю, что он сделает. Она очаровательна.

— Донателла — копия своей матери. Грязь и мерзость в красивой оболочке.

— Ты так не любишь Донателлу, мама? Но ведь ты с ней почти не видишься!

— Помню, что первым произнесенным ею словом было «мое». Неужели это тебе ни о чем не говорит? Ты знаешь, что я слышу все. Даже когда ты разговариваешь сама с собой на латыни или читаешь вслух какую-нибудь древнюю книгу. По-моему, твой любимый поэт — Овидий.

Мэри Роуз удивилась. Она в самом деле любила Овидия, хотя такая греховная литература — вовсе не для молодых девушек, тем более отрывки, которые ей особенно нравились.

— Преподобный Морли научил меня латинскому, — напомнила она, — и я с удовольствием им занимаюсь.

— Мне это известно. На латыни ты можешь сказать все что угодно о ком угодно, и тебе это сойдет с рук поскольку никто ничего не поймет. Только, Мэри Роуз, будь начеку, потому что Донателла так и не простила тебе Йена. Девушке показалось, что мать неожиданно обрела рассудок. Возможно, ее слабый разум, как колесо, застрявшее в канаве, вновь вернулся на твердую дорогу. Мэри Роуз каждый день молилась, чтобы это произошло.

— У нее нет причин сердиться. Бедняга умер. Я очень любила его, мама. Он был хорошим человеком, — спокойно сказала она, словно мать действительно понимала что-то.

— Он был игроком, Мэри Роуз. Возможно, эта страсть не успела стать пороком, но думаю, с годами он окончательно погряз бы в ней.

— Кто знает? Он ушел навсегда, унося с собой свои грехи и добродетели.

— Зато Эриксон остался. Как и Йен, он ушел от Донателлы к тебе. Держись от него подальше, Мэри Роуз. Ему нельзя доверять. Почему он вдруг отвернулся от Донателлы, несмотря на то что так близок к твоему дяде? Я часто замечала, как они шепчутся о чем-то в укромном уголке. Каждый раз, когда твой дядя секретничает с кем-то, я знаю, что он задумал недоброе. Будь поосторожнее.

— Обязательно, мама.

Мать внезапно дернулась, и Мэри Роуз поняла, что слишком сильно потянула прядь.

— Прости, мама. Тебе не больно?

— Заплети мне косу, Мэри Роуз, и уложи на голове. Я, пожалуй, спущусь вниз и погуляю в саду.

— Вот и чудесно! — воскликнула девушка, молясь о том, чтобы мать вернулась к ней навсегда. Только бы ее рассудок снова не затмил мрак! — Я хочу заняться своими розами. Ты могла бы дать мне немало советов.

Мать долго молчала. Очень долго.

— Англичанам тоже не стоит доверять, — изрекла она наконец. — Конечно, они не так опасны, как твой дядя, но все же держи ухо востро, иначе тебя ждет горькое разочарование. Пусть он и викарий, но наверняка способен на любой обман. — Если ты имеешь в виду нового лорда Бартуика, он действительно англичанин и викарий, мама, но в остальном ты ошибаешься, —

улыбнулась Мэри Роуз, осторожно заплетая матери косу. — Я с удовольствием поставила бы на него свое последнее пенни, но, поскольку у меня и этого нет, довольно того, что я в него верю.

— Донателла по-прежнему твердит, что Йен обручился с ней и собирался жениться?

— Да, но все это имело бы значение, останься он в живых. Какая теперь разница? Пусть несет что хочет. Она тоже его любила.

— Вот уж нет! Всего лишь хотела, потому что ему предстояло стать новым лордом Бартуиком, и к тому же он собирался жениться на тебе. Она опасна, Мэри Роуз.

У девушки не нашлось ответа. Она помогла матери переодеться в светло-желтое муслиновое платье, давным-давно вышедшее из моды, но не утратившее своей прелести. Она даже подобрала ленты того же цвета, чтобы вплести в волосы Гвинет.

— Хоть бы Майлз скорее вернулся, — заметила мать.

— Верно. Он такой чудесный человек и неизменно учтив со мной. С нетерпением жду его визита.

— О да, — кивнула Гвинет.

Мэри Роуз наспех оделась и, взяв мать под руку, свела вниз. У подножия лестницы стоял Тайсон, глядя на дам, Находившийся рядом сэр Лайон тоже поднял глаза. Мать легонько взмахнула рукой в знак приветствия и повернулась к дочери:

— Повторяю, не верь англичанину. Чересчур он красив. У таких людей один грех на уме.

— Нет, мама, ты не права, — тихо возразила девушка, надеясь, что Тайсон их не слышит.

— А меня предупреждали, — вдруг произнес он звучным голосом, донесшимся до самых дальних уголков холла, — что не стоит доверять шотландцам.

Сэр Лайон расхохотался. Из утренней столовой выглянула Донателла и, пренебрежительно оглянувшись на Гвинет, бросила:

— Не обращайтесь на нее внимания, милорд. Она всего лишь мать Мэри Роуз и давно не в себе.

— Я безумна, когда мне это выгодно, — усмехнулась Гвинет, вцепившись в пальцы дочери. — Ты же была и всегда останешься сукой.

Мэри Роуз внезапно осознала, что это, возможно, чистая правда. Ее мать намеренно предпочитала жить в своем собственном мире.

Гвинет вырвала руку и стала грациозно спускаться по ступенькам, откинув голову и распрямив плечи, словно истинная королева.

— Дочь моя, я иду завтракать. Приведи нового лэрда Бартуика, я с ним потолкую.

— Да, мама.

— Буду очень рад, мэм, — поклонился Тайсон.

Позже, скача рядом с Мэри Роуз, Тайсон думал, с какой необыкновенной женщиной свела его

судьба. Благодаря искусству общения с людьми самых разных возрастов, воззрений, воспитания и образования он совсем не устал, общаясь с Гвинет Фордайс. По его мнению, ей не стоило так унижать дочь в его присутствии, и ему было жаль Мэри Роуз. Зачем высмеивать слепую веру дочери в людские добродетели, если девочке с детства внушали, что мужчины были созданы дьяволом на погибель женщинам? Правда, на это Тайсон со смешком заметил:

— Иногда я сам так думаю, миссис Фордайс.

— Я не замужем, викарий.

— Знаю, мэм.

— И следовательно, моя дражайшая дочь — ублюдок.

— Определение, мэм, которое, возможно, отражает факты, но никак не соответствует ее характеру.

Мэри Роуз поперхнулась чаем.

Остановив старую кобылу Розу у бурной горной речки, девушка сказала:

Это одно из моих любимых мест. Хотите немного отдохнуть?

Тайсон спешил. Великан совершенно не интересовался Розой, вероятно, потому, что кобыла была не только дряхлой, но и злобной, так что можно было пустить коней пастись. Молодые люди уселись на берегу. Рокот воды заглушал голоса, так что ему пришлось почти крикнуть:

— Ваша матушка совсем не показалась мне безумной, Мэри Роуз.

Девушка сорвала водяную лилию и принялась внимательно ее изучать.

— Порой мне кажется, что она специально уходит в свое так называемое безумие, прячась от окружающего мира, — покачала она головой. Глаза ее наполнились обидой, болью и жалостью. К себе? Или к матери? — Я сознаю также, что ее сумасшествие — прекрасное оправдание всему, что она высказывает в лицо людям.

— Как ни жаль это признавать, но вы, возможно, правы.

Мать, которая наслаждается жестокой игрой, не думая о том, как это скажется на дочери? Гвинет Фордайс — настоящая красавица и вряд ли кому-то сознательно причинит зло, но душа ее отнюдь не чиста. Она себялюбива и эгоистична. Намеренно отгородилась от всех. Нет, она в своем уме, он в этом уверен.

— Почему она так не любит Донателлу? — внезапно поинтересовался Тайсон.

— Потому что она законная дочь, а я — Позор Семьи. Кроме того, мама терпеть не может свою сестру, леди Маргарет. Теперь вы, конечно, гадаете, почему мы все-таки живем в Велленс-Мэнор.

— Да, но если эта тема вам неприятна, можете не отвечать.

Мэри Роуз пожала плечами:

— Дело в том, что нам больше некуда деться. Я незаконнорожденная. Денег у нас нет. Мать ни

одной живой душе не назвала имя моего отца. Я похожа на нее, так что даже предположить ничего нельзя.

— Ваш отец, возможно, был женат. Такое часто случается. Думаю, он из местных жителей. Неужели даже слухов никаких не ходило?

— Нет, Я пыталась узнать у матери, но, стоило мне заговорить об этом, она отвечала непонимающим взглядом. Вы, разумеется, правы. Если он все еще жив, значит, по-прежнему женат и не может жениться на матери.

— Скорее всего.

— Но кто знает? — Это было двадцать пять лет назад. Столько воды утекло! — Она снова замолчала, любясь быстро бегущей водой. — Ах, Тайсон, какая странная штука — жизнь, не правда ли? Но как бы она ни была к нам сурова, приходится с этим мириться.

— Верно, — кивнул он. — Приходится.

Как ему нравится звук собственного имени на ее губах! Нежный своеобразный акцент, певучий, как журчание ручейка.

Нет, он совсем спятил! Впал в поэтический бред, вообразил себя таким лордом Байроном!

— А ваш дядя? Ему ничего не известно? Она так энергично трянула головой, что темно-рыжие пряди рассыпались по плечам.

— Нет, иначе знала бы вся Шотландия. Мой дядя скрытностью не отличается. Жаль, что мать вас оскорбила.

— Причем сделала это с большим искусством, — признал Тайсон, тоже срывая лилию. Ее стебель был неприятно-скользким, зато сам цветок обладал неожиданно тонким ароматом. — Невозможно ею не восхищаться. И я совсем не обиделся. *Dinna fache yerself*, Мэри Роуз. Не стоит расстраиваться.

— Звучит совсем по-шотландски, милорд, — улыбнулась она.

— Стараюсь!

— А как вы справляетесь с миссис Гриффин?

— Мистер и миссис Гриффин, мои недолгие гости, наговорили таких гадостей, что ничего не оставалось, как указать им на дверь. Мегги, которую следовало бы выпороть, усомнилась, что они послушаются, и сочла своим долгом выгнать их из Килдрамми.

— Боже, и как ей это удалось?

— Разыграла привидение и насмерть перепугала старую клячу.

— Расскажите поподробнее. До чего же умная девочка! Миссис Гриффин вечно торчала в Килдрамми. Я слышала, что в юности мистер Гриффин был настоящим повесой. Женщины его обожали. Но потом супруга вцепилась в него мертвой хваткой и вот уже много лет не отпускает. Никто не знает, как это получилось. Может, его почтительное отношение к жене — только притворство? Неизвестно. Кстати, на меня она никогда не обращала ни малейшего внимания, потому что я всего лишь незаконная дочь. Меня даже не приглашали пить с ней

чай. Только Донателлу.

— Мэри Роуз, вы хотите стать женой Эриксона Макфайла?

Девушка вздрогнула и едва не свалилась в речку. Тайсон еле успел схватить ее за руку.

— Простите, но я должен был спросить. Видите ли, ваш дядя считает, что, если бы Эриксону удалось поговорить с вами, вы переменили бы свое мнение о нем. Он сумел бы вас убедить.

— Да я скорее согласилась бы отправиться на каторгу, чем стать его женой, — процедила она, упрямо вздернув подбородок, и Тайсон ей поверил. — Он кажется таким очаровательным и милым молодым человеком, но я слишком хорошо его знаю, — добавила девушка. — Кроме того, не так он и молод. Ему почти тридцать.

Глаза ее вдруг затуманились давно пережитой болью, словно старая рана снова открылась.

— Что с вами, Мэри Роуз? — всполошился Тайсон. — Что вы вспомнили?

Девушка медленно повернулась лицом к нему, — Однажды, лет десять назад, я видела, как он помогался моей матери.

Глава 10

Тайсон сидел в библиотеке в обществе Майлза Макнили, управляющего Килдрамми. Он ожидал встретить старика с изборожденным морщинами лицом и венчиком седых волос, окружающих лысину, но управляющий оказался мужчиной, лет сорока пяти в самом расцвете сил, высоким, худощавым; с открытым симпатичным лицом, рыжими, как у большинства шотландцев, волосами и небесно-голубыми глазами. И одет со вкусом. Интересно, почему он до сих пор холост?

— Да, милорд, вы прекрасно разбираетесь в делах. Должно быть, потому, что в Англии у вас большое поместье. Здешнее, конечно, кажется жалким в сравнении с Нортклифф-Холлом.

Тайсон улыбнулся и покачал головой. Ему будет не доставать Майлза Макнили. За вчерашний день он многому выучился у него. Но мать оставила Макнили все свои владения вблизи Инвернесса, и, к сожалению, через месяц его уже здесь не будет. Сам станет хозяином и наверняка будет процветать.

— Ошибаетесь, Майлз, это мой старший брат — граф Нортклифф и владелец всех земель. Не забывайте, я священник и навсегда им останусь. Думаю, все мои знания довольно отрывочны.

Майлз ответил чарующей улыбкой.

— Возможно, и так, но вы умны, милорд, и все быстро схватываете. Теперь я не сомневаюсь, что оставляю Килдрамми в надежных руках.

— Спасибо. Даже викарию по душе подобные высказывания. Кстати, вы ладили с покойным лордом Бартуиком?

— Тайронном? Ах, старый лэрд был очень вспыльчивым! Чуть что — поднимал такой крик, что стены тряслись. Я предпочитал держаться от него подальше, когда замечал, что надвигается буря и старик вот-вот выплеснет ярость на окружающих. Не хотел оглохнуть. Ненавижу, когда на меня орут, как на мальчишку. Но в остальном мы неплохо уживались. И двенадцати лет не

прошло, как он начал мне доверять. Килдрамми был моим домом почти всю сознательную жизнь. Я был здесь счастлив и буду долго тосковать по нему. Они работали еще примерно час, обсуждая положение каждого арендатора Килдрамми, проблемы, с которыми предстояло справиться сейчас или в ближайшем будущем. Поговорили о всех владениях в деревне, количестве овец и коров, ремонте коттеджей, усовершенствованиях, которые необходимо внести. Тайсону казалось, что это длилось целую вечность. Он понимал, что должен вникать в детали, если хочет, чтобы все и дальше шло гладко. Потом. Он вспомнил, что должен возвратиться в Англию, к своим детям и дому, к жизни, которая теперь представлялась такой чужой и далекой. Что станет с Килдрамми, когда он уедет?

Наконец Мегги, потеряв терпение, постучала и заглянула в дверь.

— Я пришла звать вас к чаю, — объявила она, улыбаясь отцу и делая реверанс перед Майлзом.

Тайсон сразу понял, что управляющий не остался безразличным к обаянию маленькой проказницы, бесстыдно с ним флиртовавшей. Правда, поскольку ей было всего десять, лукавые взгляды и улыбки дарились человеку, который годился ей в отцы. Майлза, похоже, это привело в восторг. Тайсон укоризненно покачал головой.

За чаем Тайсона вдруг осенило. Теперь он знает, что делать! Все это время решение лежало у него под носом!

— Оливер! — воскликнул он. Мегги немедленно встрепенулась;

— При чем тут Оливер, папа?

— Твой дядя Дуглас хочет, чтобы он помог ему управлять Нортклиффом. Я же считаю, что именно в Шотландии Оливер должен прокладывать себе дорогу. Он как нельзя лучше подходит для Килдрамми. Вот кто будет новым управляющим! — Тайсон довольно потер руки и начал рассказывать Майлзу об Оливере. — Видите ли, мой брат Райдер Шербрук уже давно берет под свое крыло несчастных брошенных детей. Любит их, заботится, старается пристроить в порядочные семьи или обучить выбранному ими ремеслу. Оливер Далримпл был одним из первых, его питомцев. Теперь ему..., двадцать, не так ли, Мегги?

— — Уже двадцать один, папа. В начале июня он как раз окончил Оксфорд. Мистер Макнили, вам нравится фамилия Далримпл?

— Звучит весьма благородно, — кивнул Майлз. — В английском правительстве было несколько Далримплов, прекрасно себя зарекомендовавших.

— Да, именно так дядя Райдер и сказал Оливеру. Он сам выбрал для него эту фамилию. Оливер не знал, кто его отец, а мать умерла. Дядя Райдер сказал, что из-за джина. Когда дядя Райдер нашел мальчика, тот знал только свое имя. А теперь оно звучит так элегантно! — Мегги на секунду задумалась и добавила:

— И закончено. У Оливера теперь все как полагается.

— Он настоящий счастливчик, этот молодой человек, согласился Майлз. — Неужели кто-то может брать к себе покинутых детей? Ваш брат — благородный джентльмен, сэр.

— Всем приемам дяди Райдера повезло, — объявила Мегги, наливая управляющему вторую чашку чая. Эту нелегкую задачу она выполнила умело и даже изящно благодаря урокам тети Алекс.

Тайсон снова потер руки.

— Я должен немедленно написать брату. Майлз, до скорой встречи. Мегги, постарайся не попасть в очередную передрагу.

Тайсон сочинил одно письмо Оливеру, другое — Дугласу и послал конюха Ардла в Эдинбург. Теперь настало время посетить лэрда Макфайла в его жилище.

Он без труда отыскал особняк Макфайлов. Здание было примерно такой же величины, как дом сэра Лайона, но содержалось далеко не в идеальном состоянии. Газон зарос сорняками, краска на стенах облупилась, каменная ограда нуждалась в ремонте. Самого Эриксона дома не оказалась. Экономка, чопорно поджав губы, заявила, что хозяин отправился на прогулку.

Где он может быть?

Ближе к вечеру Мэри Роуз вернулась на речку. Несколько минут спустя появился Эриксон. Девушка поняла, что он следил за ней.

— Выходи за меня! — потребовал он.

— Я не желаю становиться твоей женой, Эриксон, — спокойно и терпеливо ответила Мэри Роуз, хотя ее сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвется.

— Ты мне это уже говорила, — напомнил он так же невозмутимо и, возможно, слегка покровительственно, потому что считал, будто она кокетничает с ним, а ему это смертельно надоело. Больше всего его возмутил тот случай, когда она сумела вырваться, удрать в лес и скрыться от него, Она и впрямь довольно миленькая. Ничего, он добьется своего. Чего бы она ни хотела, каковы бы ни были ее чувства, он получит ее. Да, се не назовешь невзрачной. Чего стоят одни волосы; густые, длинные, блестящая, переливающаяся всеми оттенками красного, от медного до золотого, масса.

Эриксон поднял руку, чтобы коснуться их, но передумал.

А глаза, глубокого зеленого цвета... Глаза ее матери. Он вспомнил, как была прелестна и горяча Гвинет в пылу страсти...

Нос у девушки тонкий, прямой, брови красиво изогнуты. А рот..., при одном взгляде на эти губы хочется поцеловать их, проверить, так ли они мягки, как ему запомнилось. На переносице золотилась легкая россыпь веснушек.

Мэри Роуз смотрела на него в упор не слишком приветливым взглядом. Почему она отказывается? Нет, все это обычное кокетство Но он начинает терять терпение. Все его замыслы рушатся. Он планировал продвигаться медленно, умаслить ее, но Мэри Роуз не шла ни на какую приманку. Черт возьми, ей следовало бы ползать на коленях, целовать его руки в благодарность за спасение, но нет, девчонка упрямо качала головой, вздернув свой проклятый подбородок.

— Пожалуйста, поверь мне, Эриксон. Я не играю с тобой. Не дразню. Я никогда не умела вести подобные игры. Я в самом деле не собираюсь идти с тобой под венец.

Он вдруг поверил ей, и она это увидела. Не зная истинных причин, Эриксон вообразил, будто она отдала свою привязанность кому-то другому.

— Кто же он, тот, кого ты хочешь? — гневно выпалил он.

— Его не существует, — просто сказала Мэри Роуз, но Эриксон успел заметить в зеленых глазах нечто, выдавшее ее с головой, — Клянусь Богом, это чертов викарий, так? Ты знакома с ним всего неделю И только потому, что он священник, посвятивший свою жизнь Господу, ты, глупая девчонка, веришь, что он добросердечный и мягкий человек, который всегда будет обращаться с тобой, как с отрезом дорогого шелка! Учитывая, кто он и откуда родом, это, возможно, правда. Он в самом деле слабохарактерная неженка. Проклятие, он совсем не тот, кто нужен женщине!

Мэри Роуз вскочила как ужаленная и яростно набросилась на него:

— Заткнись, Эриксон! Как ты смеешь оскорблять его?! Я знаю этого человека, а ты — нет.

— Бьюсь об заклад, этот смазливый тип понятия не имеет, что делать с женщиной, даже если та будет стоять перед ним в чем мать родила.

— Какой вздор У него трое детей.

— Должно быть, жене пришлось всему его учить. Объяснять, как исполнить долг мужа.

— Замолчи! Эриксон понял, что, продолжая в том же духе, он мало чего добьется. Нужно урезонить девчонку, завоевать ее доверие.

— Ты близорука, Мэри Роуз, или попросту глупа, — заметил он уже спокойнее, и в его голосе послышалось нечто, похожее на участие. — Он новый барон Бартуик, происходит из благородной английской семьи. Такие, как он, не женятся на таких, как ты. И вообще я сомневаюсь, что ему знакомо чувство привязанности или хотя бы желания. Он викарий, пойми же! Спит со своей Библией и молитвенно складывает ладони, если видит человека, готового задать ему трепку.

Он заметил, что лицо девушки залилось краской, так что веснушки стали почти незаметны.

— Брось все это, Мэри Роуз. Ты незаконнорожденная. Да и первый цвет юности давно позади. Я единственный, кто хочет жениться на тебе.

— Нет.

— Что же, значит... — пробормотал он, уставясь на ее груди. Мэри Роуз поняла, что надежды нет. Недаром его глаза сверкают нехорошим блеском, предчувствием неминуемой победы мужчины над женщиной. Похоже, Эрик-сон не собирается слушать ее протестов.

Девушка покачала головой. Слова тут не помогут. Да и он от слов вот-вот перейдет к делу.

— У меня нет денег, — прибегла она к последнему аргументу. — Мужчина твоего положения не станет жениться без выгоды для себя. В этом нет никакого смысла. Это было бы большой ошибкой, да и твоей матери не понравится. Она попросту запретит тебе делать глупости.

— Я не собираюсь советоваться с ней по этому поводу и получу все, что пожелаю. Доверься мне, Мэри Роуз. Я могу дать тебе несказанное наслаждение.

— Нет.

— Значит, тебе придется пережить несколько неприятных минут. Но может, ты не будешь

слишком яростно сопротивляться после того, как я покажу тебе, что такое настоящий мужчина.

Эриксон шагнул к Мэри Роуз. Ей с ним не совладать. Он в два раза толще и в сто раз сильнее.

Ничего не поделаешь. Мэри Роуз глубоко вздохнула, бросилась в речку.., и пронзительно взвизгнула, едва не захлебнувшись, Она и не представляла, что вода ледяная, как зимой. Руки и ноги мгновенно онемели. Она с трудом; выплыла на поверхность, судорожно хватая ртом воздух. К счастью, речка была довольно мелкой, но течение уже оттащило ее футов на десять от Эриксона. Он что-то кричал, размахивая руками. Только бы не вздумал нырнуть за ней! Похоже, он всерьез об этом подумывает. Но Эриксон остался на месте. Лишь глупец добровольно окунется в такой бурный поток! Хорошо еще, что вода не накрыла ее с головой. Правда, дно было усеяно острыми камнями, на которые она то и дело натыкалась. Они впивались в ее плоть, разрывая одежду, вода леденила тело, неумолимые струи швыряли ее от одного берега к другому, словно тряпичную куклу. Слава Богу, что она не утонула, не ударилась головой и не потеряла сознания! Теперь нужно поскорее выбраться на сушу, пока сердце не разорвалось от холода. А ее бедная кобылка Роза так и пасется там, где она ее привязала! Остается надеяться, что Эриксон не увел ее с собой. Только сейчас девушка осознала, что он вполне мог проскакать на коне вдоль речки, посмеиваясь над ее глупостью, и, едва она окажется на берегу, встретит ее злорадной ухмылкой. Она заметила, что на этом участке густо росли деревья и кусты. Значит, Эриксон не сумеет подъехать ближе. Ей все-таки придется выйти и хорошенько оглядеться. Возможно, она и успеет сбежать от него. Если он ее схватит, дело плохо. Она так ослабела, что у нее не хватит сил как следует его лягнуть. Увидев низко нависшую дубовую ветку, Мэри Роуз схватилась за нее, моля Бога, чтобы та выдержала ее вес и не отломилась от ствола. Девушка дрожала, на теле не осталось живого места, пальцы почти не гнулись, но она не выпускала ветку из рук. Осторожно, медленно, затаив дыхание, она подтянулась, морщась от боли при каждом движении, и стала выбираться из воды. Волны закручивались в мелкие воронки, тянули ее за собой все дальше, дальше... Сумеет ли она? Осилит ли бурное течение? Вряд ли. Но, представив, как Эриксон раздвигает ей ноги, смотрит на нее со своей мерзкой улыбочкой, девушка из последних сил вцепилась в ветку, в следующий миг оказалась наверху и обвила ее ногами. Она почти не помнила, как ползла к спасительной суше.

— Не сломайся. Только не сломайся, пожалуйста. Пожалуйста...

Наконец Мэри Роуз обняла толстый ствол. Она тяжело дышала, радуясь, что жива и Эриксона поблизости не видно. Он наверняка поскакал дальше, к тому месту, где деревья исчезают, уступив место десяткам водопадов, каждый высотой не менее дюжины футов. Хорошо, что ей удалось выбраться раньше.

Мэри Роуз, дрожа от холода, начала спускаться, наступая на сучья онемевшими ногами. Намокшее платье путалось в ногах, тянуло вниз, волосы липли к лицу, лезли в глаза. Она нетерпеливо откинула назад спутанные локоны и продолжала скользить по стволу. Далеко ли унесло ее течение? На милю? Может, и больше. Господи, как она замерзла и устала! Даже зубы стучат... Наконец Мэри Роуз почувствовала под ногами твердую землю и прислонилась к стволу. Ну не глупо ли она поступила — взяла и прыгнула в воду! Но по правде говоря, она бы взобралась на любую горную вершину, лишь бы удрать от Эриксона Макфайла. Даже умереть лучше, чем быть изнасилованной этим человеком! Она побрела назад, к тому месту, где оставила Розу, и неожиданно услышала крики Эриксона, нещадно погонявшего коня. Девушка замерла. Нет, он далеко. Достаточно далеко, чтобы не видеть ее. Значит, остается только найти лошадь и поскорее убраться отсюда. Но куда? Пустит ли дядя Лайон в дом Эриксона, если она расскажет, что он хотел с ней сделать? В висках стучало, голова раскалывалась, но

Мэри Роуз все же отыскала кобылку, лениво жующую скользкие водяные растения, увела в гущу сосен и долго стояла, рискуя заболеть. Она боялась нарваться на Эриксона и поэтому не спешила. Наконец, совсем закоченев, она вскочила в седло и поскакала в Велленс-Мэнор. Но первое, что увидела, — коня Эриксона, которого конюх уводил в стойло. Увидела и безошибочно поняла, что отныне не будет в безопасности даже в собственном доме. Впрочем, это не ее дом. И дядя Лайон не подумает ее защитить. Девушка не знала, что делать. И вдруг решение пришло само собой. Она повернула Розу на юг, к Килдрамми.

Глава 11

— Боже, Мэри Роуз, что вы здесь делаете? Промокли насквозь и вся дрожите! Что случилось? Кобыла вас сбросила? О Господи, да у вас лицо и руки изрезаны и в синяках! Я сейчас сбегая за папой!

Мэри Роуз соскользнула на землю и судорожно вцепилась в руку девочки.

— Нет-нет, Мегги, пожалуйста, не надо! Не хочу впутывать вашего отца во все это. Боюсь, я попала в переплет. Все пошло вкривь и вкось! Не могу я встречаться с вашим папой, разве вы не видите? Он не заслужил ничего подобного и...

Что она несет! Разве можно говорить подобные вещи десятилетней девочке? Следовало бы держаться подальше от Мегги. Но сейчас уже поздно. И кажется, этот ребенок — единственный, кто в силах ей помочь. Мэри Роуз взяла себя в руки и тихо сказала:

— Послушай, Мегги, все не так страшно, как кажется. Мне не очень больно, я только слегка ушиблась и порезалась о камни. Но дела у меня плохи. Я должна спрятаться. Ты можешь мне помочь?

Мегги без всяких колебаний сжала холодную ладошку Мэри Роуз и едва слышно прошептала:

— Да, разумеется. Прежде всего я отведу вашу кобылку в конюшню и велю Макни и Ардлу держать языки за зубами. Но почему вы не хотите все рассказать папе? Дома он всем помогал. Прихожане приходили к нему за советом, когда у них бывали неприятности. У него просто талант улаживать ссоры, даже когда жена хочет треснуть мужа доской по голове.

Мэри Роуз едва не рассмеялась, услышав эти подробности.

— Правда, миссис Кроу все-таки стукнула мужа, и он потерял память. Папа вообще-то считал, что он просто притворяется. Но зато миссис Кроу жалела его и больше пальцем не трогала.

— Но я не могу, Мегги, поверь.

Она не собиралась объяснять, что скомпрометирует Тайсона своей исповедью, сделает врагом дяди и Эриксона. Из-за нее он окажется в щекотливой ситуации, а возможно, они оба ополчатся на него. Нет, не может быть, чтобы дядя знал о намерениях Эриксона! Неужели он дал свое разрешение на все, что Эриксон собирался с ней сделать в отчаянной попытке склонить ее к замужеству? Но она ничего не знает наверняка и не должна рисковать. А вдруг дядя просто отдаст Эриксону ключ от ее спальни и позволит делать все, что тот пожелает? — Мне нужно ненадолго спрятаться, — дрожащим голосом сказала Мэри Роуз, — пока все не успокоится. Твоему папе ни к чему знать, что я здесь.

— Хорошо, мы все устроим, — согласилась Мегги, вручая поводья кобылки Ардлу. Тот кивнул, не сводя глаз с девушки, с которой был знаком целую вечность. Неудивительно, что он на нее

уоставился; она сейчас выглядит так, словно сбежала из сумасшедшего дома.

— Спасибо, — пробормотала она. — Большое спасибо, Ардл.

— Я приглашу за Розой, доченька. Не волнуйся. Все будет хорошо.

Благодарная Мэри Роуз улыбнулась, вспомнив, как Тайсон произнес почти ту же фразу, но с резким английским акцентом. Никаких мелодичных ноток.

— Спасибо, — повторила она, касаясь рукава грубой шерстяной куртки конюха.

— Пойдем, Мэри Роуз, — прошептала Мегги. — Вы ужасно вымокли и замерзли. Я знаю, где вас спрятать. Вы, наверное, даже холода уже не чувствуете. Не хочу, чтобы вы заболели. Скорее!

Она повела ее к черному ходу, где находилась лестница для слуг, и останавливалась на каждой площадке, чтобы посмотреть, не идет ли кто. Откуда-то доносилось довольно мелодичное пение миссис Макфардл.

— Очень мило, — похвалила Мегги. — Вот уж не думала, что иногда она может издавать приятные звуки. Хорошо, что мы не столкнулись с Паудером. Он обычно просиживает у парадной двери целыми часами.

— О да. Паудер занимал это место еще до моего рождения.

— Несколько раз я едва об него не споткнулась. Теперь папа сделал его камердинером, и Паудер невероятно счастлив, что его мечта исполнилась.

— Мне всегда нравился Паудер. Он был так добр ко мне. Сколько ему лет? Когда я была совсем девочкой, он уже казался дряхлым стариком.

Мэри Роуз улыбнулась, представив, как Паудер при виде ее охает, хватается за костлявую грудь и испускает дух на месте.

Нет, кажется, с ней сейчас будет истерика. Плохой признак. Она глубоко вздохнула, пытаясь прийти в себя. Больше всего ей хотелось провалиться в беспробудный сон, забиться в какой-нибудь угол и кануть в теплую тьму. Но она послушно следовала за Мегги Шербрук в башню, где та устроила себе спальню. Это была одна из любимых комнат Мэри Роуз. Ребенком она проводила там много счастливых часов. Когда-то тут находилась спальня Йена, но об этом она Мегги не сказала.

— Раздевайтесь побыстрее, Мэри Роуз, и ложитесь в постель, чтобы согреться. Я принесу еще одно одеяло. Жаль только, что моя одежда на вас не налезет. Вы куда выше меня.

— Да, — согласилась Мэри Роуз, выдавив из себя улыбку. — Конечно, выше.

Она принялась на ходу срывать с себя промокшую одежду. Вскоре рядом с влажной грудой легли башмаки. Девушка забралась под одеяла, которые продолжала громоздить на нее Мегги.

— Не беспокойтесь, я найду, что вам надеть, — пообещала девочка, осторожно дотронувшись до щеки Мэри Роуз. — Что-нибудь придумаю. Лежите, а я принесу горячего чая. Иногда это лучший примиритель. Так папа говорит, хотя в толк не возьму, что он имеет в виду. Но думаю, что он прав. Как обычно.

Мегги выскользнула из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Мэри Роуз свернулась клубочком, пытаясь согреться, но холод пронизывал ее до костей. Она стала дышать глубоко и медленно, чтобы успокоиться. Она не утонула. Она в безопасности. Эриксон понятия не имеет, где она. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она неумного согрелась. И вдруг поняла, что старая шляпка до сих пор у нее на голове, а перо запуталось в волосах. До чего же забавно она, должно быть, выглядит! Девушка высунула руку из-под горы одеял и стащила шляпку, а потом попыталась распутать влажные пряди. Пришлось действовать всеми десятью пальцами, а за это время она снова замерзла — так замерзла, что снова натянула одеяла до самого носа. К сожалению, вместе с теплом ожила и боль. Наглая. Злобная. Она терзала Мэри Роуз так, что хотелось кричать. Что же, этого следовало ожидать. Недаром она своим телом почувствовала каждый камешек, каждый валун, каждую гальку в этой проклятой речке. Если там водятся рыбы, они не преминули бы укусить Мэри Роуз, когда та проносилась мимо, Хорошо бы порезы подсохли и перестали кровоточить. Не хватало еще, чтобы на простынях остались предательские следы. За дверью послышались шаги. Сердце Мэри ушло в пятки. Хоть бы это оказалась Мегги! Но разумеется, это была не Мегги: по коридору стучали тяжелые мужские сапоги. В дверь легонько стукнули. Раздался голос Тайсона, и Мэри Роуз едва не умерла от страха.

— Мегги, ты здесь?

О Боже, что делать?

И тут она услышала, как Мегги восклицает, громко, восторженно и так фальшиво, что даже последний глупец понял бы это:

— — Папа! Что ты тут делаешь? Я тебе нужна? Только скажи — я все сделаю!

Тайсон вскинул брови и удивленно взглянул на дочь:

— Собственно говоря, я хотел спросить, не желаешь ли ты перед ужином сыграть со мной партию в шахматы.

Дочь молчала. Что-то в самом деле неладно! Насколько он мог припомнить, такого в жизни не бывало.

— Что с тобой? — осведомился он. — И куда ты несешь поднос с чайником? Решила устроить вечеринку у себя в спальне?

— — Конечно, папа, я с удовольствием сыграю с тобой в шахматы.

— Мегги.

— Ах да, поднос. Видишь ли, я сочиняла песню и вдруг поняла, что в горле пересохло. Трудно петь, когда во рту пустыня, правда? В наступившей тишине Мэри Роуз лихорадочно гадала, поверит ли Тайсон этому вздору. Он, естественно, не поверил.

— Мегги, что происходит? Только без вранья. Я уже наслушался твоих историй. Пожалуйста, правду.

Сама Мэри Роуз непременно выложила бы все, обратиться он к ней таким неестественно спокойным, мягким тоном. При звуках этого голоса ее снова начал бить озноб. Она затаила дыхание, зная, что он в любую секунду войдет в комнату, увидит ее и проклянет тот час, когда приехал в Шотландию. Будь у нее силы, она сползла бы на пол и забралась под кровать. Но вот

сил-то как раз и не было. Поэтому она продолжала лежать, закутавшись в одеяла до самых глаз и в ужасе уставясь на дверь.

Снова молчание. Долгое. Бесконечное. Потом едва, слышный тоненький голосок:

— Папа, не заставляй меня говорить, ладно? Я дала слово одному человеку. Это не мой секрет, и моя душа точно попадет в то страшное место, что очень глубоко у меня под ногами, — если я проболтаюсь кому-нибудь, даже тебе.

После небольшой паузы Тайсон по-прежнему суховато, но уже с некоторым одобрением спросил:

— Надеюсь, ты рано или поздно поделитесь со мной?

— Как только смогу, папа. Обещаю.

Он считает это чем-то несущественным. Выдумками маленькой девочки.

Мэри Роуз едва не завопила от облегчения. Но она сдержалась и не шевелилась, как, впрочем, и Мегги, пока звук шагов Тайсона не стих вдаль.

Красная как рак, девочка скользнула в спальню, повернула ключ в замке и поставила поднос на маленький столик у кровати.

— Спасибо, Мегги. И прости меня.

— Мне не пришлось ему лгать, — выдохнула находчивая малышка" аккуратно наливая в большую тяжелую кружку дымящийся чай, — какое счастье! Ненавижу лгать папе, потому что он сразу это чувствует... Вы понимаете, о чем я?

— Да и так огорчается, что впору провалиться сквозь землю.

— Верно, — кивнула Мегги, вручая своей подопечной кружку. — Казалось бы, если приходится часто врать, то со временем привыкаешь, но на самом деле это не так. Господи, Мэри Роуз, взгляните только на свое лицо и бедные руки! Они исцарапаны в кровь!

— Знаю, но это ничего.

Честно говоря, Мэри Роуз не желала смотреть. Ей хотелось только одного — наслаждаться каждой каплей этого восхитительного обжигающего чая в выщербленной кружке, которую Мегги, вне всякого сомнения, стянула из кухонного буфета. Жаль только, что он так скоро кончился!

Отставив кружку, Мэри Роуз легла и вздохнула:

— Изумительно, Мегги. Ты вернула меня к жизни. Видишь ли, я прыгнула в речку и меня понесло течением. Ну разумеется, побило о камни, но ничего серьезного.

Мегги молча налила вторую кружку и подождала, пока Мэри Роуз пригубит чай.

— Это любимая кружка миссис Макфардл. Самая большая.

Слава Богу, ужасную бледность на лице Мэри Роуз сменил легкий румянец. Мегги облегченно вздохнула.

— Сколько времени вы пробыли в воде?

— Не более десяти минут, хотя они показались мне вечностью. К счастью, я сумела ухватиться за ветку и выбраться на берег. Все в порядке, не волнуйся. Утонуть там трудно — речка слишком мелкая даже сейчас, после дождей.

Эриксон наверняка думал так же. Он не уехал бы, если бы боялся, что она утонет.

— Почему вы не вернулись домой?

— Я немедленно отправилась в Велленс-Мэнор, но не посмела зайти внутрь.

Мегги недоуменно наморщила лоб. Должно быть, хочет узнать подробности, понять, почему Мэри Роуз боится оставаться в Велленс-Мэнор. Но как объяснить десятилетней девочке, что Эриксон изнасиловал бы ее, не прыгни она в речку? Что он раньше ее прибыл в Велленс-Мэнор, неизвестно зачем?

— Прости, Мегги, я неважно себя чувствую. Позволь мне немного полежать здесь. Возможно, я сумею заснуть.

— Конечно, Мэри Роуз. А я пока поиграю с папой в шахматы. Может, это его отвлечет и он забудет, что я что-то от него скрываю.

— Вряд ли, — пробормотала девушка, не открывая глаз, — Я уйду, как только наберусь сил.

Интересно, каким это образом она выйдет из Килдрамми в чем мать родила? Ее одежда изорвана в клочья, а Мегги всего десять лет. Откуда девочка достанет ей платье?

Мэри Роуз вздохнула. Она подумает об этом, когда отдохнет. Да.., час, не больше, чтобы согреться и прийти в себя. Всего час... Мегги поняла, что гостя спит. Кажется, дышит ровно, но по-прежнему бледна. Она немного постояла над Мэри Роуз, гадая, что все-таки случилось на речке. Должно быть, какие-то взрослые штучки, которые, как считается, не пристало знать маленьким, пусть даже и очень умным, девочкам. Мегги легонько погладила щеку Мэри Роуз. Нужно идти. Оглянувшись в последний раз, она закрыла за собой дверь. За ужином она ела очень медленно, нанизывая горошины на вилку и лихорадочно соображая, как стащить что-нибудь для Мэри Роуз.

— Ты быстро осваиваешь игру, Мегги, — заметил отец. — Когда ты объявила шах, я даже немного встревожился.

На самом деле он был уверен, что выиграет, но эта ложь во спасение обычно заставляла детей трудиться еще усерднее.

— Правда, папа?

— Честное слово. А теперь я должен тебя оставить. Хочу навеститься к Эриксону Макфайлу. Нужно кое-что с ним обсудить. Я уже заезжал к нему, но его не оказалось дома.

Я быстро вернусь.

— Это насчет Мэри Роуз, папа?

Тайсон с удивлением услышал нотки страха в голосе дочери. Что она может знать об этой мерзости?

— Да, Мегги. Насчет Мэри Роуз. Но не волнуйся, хорошо? Я постараюсь, чтобы он понял.., э-э-э.., ситуацию.

Он откинулся на спинку стула, ожидая, что Мегги начнет умолять взять ее с собой. Но к его удивлению, она, ничего не сказав, стала внимательно изучать плавающие в масле картофелины на своей тарелке. Странно. Все же она что-то утаивает. Что именно?

В дверях возникла миссис Макфардл.

— Прошу прощения, милорд, но приехал сэр Лайон. Он желает поговорить с вами и не слушает никаких возражений. Не могу же я его прогнать! Да и не стала бы, даже если бы вы уже спали.

— Спасибо, миссис Макфардл. Передайте сэру Лайону, что я сейчас спущусь.

Тайсон вытер рот и поднялся. К его безмерному удивлению, Мегги не последовала за ним. Обернувшись, он увидел, как она старательно заворачивает несколько ломтиков хлеба в свою салфетку. Он ничем не дал понять, что заметил это, но про себя поклялся выяснить истину, когда вернется.

Сэр Лайон ждал его в холле. Паудер сидел на своем обычном месте у самого входа и, как всегда, клевал носом.

— Сэр, — приветствовал Тайсон гостя, — рад вас видеть. Что-нибудь случилось?

— Где она, милорд?

— О ком вы?

— Мэри Роуз. Она исчезла. Поехала кататься и не вернулась домой. Пропала.

Мгновенный леденящий страх вцепился в сердце Тайсона когтистыми лапами. Только бы не показать сэру Лайону, что с ним делается!

— И вы считаете, что она здесь?

— Больше ей некуда деваться. Ее тетка, разумеется, заявила, что девица никогда не пришла бы сюда, стыдясь своего возмутительного поведения, но мне так не кажется. Итак, милорд, где она? Вы обязаны немедленно позвать ее и приказать ехать со мной.

— Мне очень жаль, — с трудом выговорил Тайсон, глядя на сэра Лайона, чье лицо неуклонно и угрожающе багровело, — но боюсь, что понятия не имею, о чем вы толкуете. Почему Мэри Роуз ушла из дома? Что стряслось?

— Не знаю.

— Вы даже не даете себе труда скрыть, что лжете, сэр, — покачал головой Тайсон. — Сядем в гостиную, и вы мне объясните, почему Мэри Роуз посчитала нужным скрыться.

— Проклятие, говорю же вам, нечего тут объяснять! — прогремел его собеседник, не сдвинувшись с места. — Она моя племянница, подопечная, черт бы ее побрал, и я желаю ее видеть! Немедленно!

Паудер от неожиданности дернулся, недоуменно моргнул подслеповатыми глазками и потряс головой.

— Ее здесь нет, — спокойно ответил Тайсон.

— Точно, — подтвердил дворецкий. — Мэри Роуз сюда не заглядывала. Я не покидал своего поста последние три часа, разве что на несколько минут, когда складывал галстуки его милости.

Улыбнувшись старику, Тайсон повторил;

— Мэри Роуз здесь нет.

Сэр Лайон по своему долгому опыту почти всегда мог определить, когда ему говорят не правду. И сейчас он точно знал, чувствовал всеми фибрами души, что этот тип, именующий себя викарием, не врет. Ясные, прозрачные глаза, без малейшего оттенка фальши. А ведь сэр Лайон, как человек насквозь нечестный, безошибочно отличал ложь от истины. Нет, голос молодого человека был ровным и твердым. Сэр Лайон умел также распознать гнев, знал, как он проявляется. Нет, этот жалкий английский викарий, новый лорд Бартуик, вполне чистосердечен, будь проклят весь его род.

— В таком случае где она?

Страх за Мэри Роуз молниеносно сменился яростью.

— Что, во имя Господа, вы с ней сделали?

— Говорю же, ничего. Абсолютно ничего. Девушка — да нет, какая она девушка, просто чертова баба, — славится своим легкомыслием. Слишком ветрена для старой девы ее почтенных лет и упряма — куда упрямее своей безумной дуры матери. Отказала Макфайлу наотрез, а тому это вряд ли понравилось.

Тайсон почувствовал непреодолимое желание свернуть гостю шею. Его охватило бешенство. Руки сами собой сжались в кулаки. Глаза налились кровью, — Насколько я понимаю, Макфайл снова пытался ее изнасиловать?

— Говорю же вам, не знаю! Она прыгнула в чертову реку, и ее унесло течением. Он не смог ее найти.

— Вы хотите сказать, что Макфайл кинулся к вам, вместо того чтобы спасти девушку?

— Ничего подобного! Он обыскал берег и вернулся к тому месту, где она оставила кобылу. Роза пропала. Очевидно, девчонка выбралась на сушу и увела лошадь; Хотя уровень воды и поднялся, речка все-таки недостаточно глубока. В ней не утонет и коза, не говоря уже о человеке. Но моя строптивая племянница так и не вернулась домой.

Сэр Лайон долго сыпал затейливыми ругательствами и вдруг умолк. Вид у него был такой, будто он сейчас расплачется.

— Не знаю, где ее искать. Вы уверены, что она сюда не приходила? Может, прячется?

— Ее здесь нет, — машинально повторил Тайсон и в тот же миг понял, что хоть и ненамеренно, но все же солгал.

Сэр Лайон разбушевался еще больше. Бедняга рвал и метал, пока его лицо не побагровело настолько, что Тайсон испугался. Казалось, Лайона вот-вот хватит удар и он рухнет на пол

прямо здесь, в холле. Паудер продолжал невозмутимо сидеть на стуле, не сводя глаз с сердитого посетителя. Морщинистое лицо камердинера при этом оставалось абсолютно бесстрастным.

— Дайте мне знать, когда Мэри Роуз объявится, — попросил Тайсон, легонько подталкивая сэра Лайона к двери.

— А вы известите меня, если она придет к вам?

— — Вероятнее всего, нет, — честно признался Тайсон. Больше им нечего было сказать другу. Дождавшись, пока сэр Лайон взгромоздится на коня и выедет за ворота, он повернулся и направился к гостиной.

— Не волнуйтесь, Паудер, сэр Лайон скоро успокоится.

— Поганый он тип, милорд, — предупредил дворецкий, так и не шевельнувшись. — Хоть он и стар, но я на вашем месте держал бы ухо остро. Змея ползучая — вот он кто.

Как Тайсон и ожидал, Мегги успела удрать из столовой. Что в таком случае делать ему?

Он помчался по лестнице, перепрыгивая сначала через две, а потом через три ступеньки. Она бросилась в реку, пытаясь спастись от Макфайла. Тайсон представил ледяную бурливую воду, смыкающуюся над головой девушки, и похолодел. Какое счастье, что она не утонула! Сам того не сознавая, он перешел на бег, остановился перед спальней дочери и быстро повернул ручку двери, даже не постучав. Но дверь не подалась. Тайсон, этот спокойный, рассудительный, хладнокровный человек, потерял голову.

— Мегги! — завопил он что было сил. — Немедленно открой, иначе...

К его полнейшему удивлению, створки мгновенно распахнулись. Дочь, смиренная, как монахиня, стояла на пороге.

— Где она, Мегги?

И, не дожидаясь ответа, подхватил девочку под мышки, отставил в сторону, как куклу, ворвался в спальню и оцепенел. Никого. Постель застлана, на покрывале ни единой морщинки. Все в полном порядке.

Тайсон медленно повернулся.

— Где она?

Глава 12

— О ком ты, папа?

— О Мэри Роуз, той самой, которой ты не более двух часов назад несла чай. Послушай, Мегги, она попала в беду. Большую беду. Скорее говори, где она.

Но Мегги упрямо сжала губы, шагнула к отцу и, обхватив его руками, спрятала лицо у него на груди.

— Папа, я так боюсь... Честное слово, я сама собиралась прийти к тебе! Она ужасно больна, трясется в ознобе и к тому же вся исцарапана и в синяках. Страшно смотреть! По-моему, у нее

жар, а я не знаю, что делать. Пожалуйста, папа, не дай ей умереть, пожалуйста!

Тайсон обнял дочь, чмокнул в макушку и тихо сказал:

— Все будет хорошо, милая. Я не позволю, чтобы с Мэри Роуз что-нибудь случилось. Верь мне. Куда ты ее поместила?

— Помогла добраться до твоей спальни, папа. Услышала крики сэра Лайона и скорее побежала сюда, чтобы увести ее. Паудер сидел у входа, так что в спальне точно никого не было. По моему, он уже успел привести в порядок все твои галстуки, — Наверное. Во всяком случае, он опять дремлет на своем стуле — Он сжал ее плечи. — Так ты отвел а ее в мою спальню? Почему именно туда?

— Я знала, что сэр Лайон не посмеет сунуться в хозяйские покои, папа.

Почувствовав, как дрожит дочь, Тайсон стал гладить ее по спине, пока девочка не успокоилась.

— Я не позволил бы сэру Лайону совать нос во все углы. Это не его дом. Все равно ты молодец, Мегги. А теперь нужно сделать вот что...

Тайсон осторожно приоткрыл дверь в спальню. В комнате было тепло, в камине горел яркий огонь. Должно быть, это дело рук Мегги. Да, малышка потрудилась на славу! Бесшумно ступая, он подошел к кровати и взглянул на Мэри Роуз. Волосы, все еще влажные и спутанные, казавшиеся красными, как кровь на белой ткани, разметались по подушке. Лицо неестественно разругивалось. Мегги права: у нее лихорадка. Он на мгновение прикрыл глаза, представив, как беспомощную девушку уносит неукротимый поток. И камни, острые, твердые, безжалостные, от которых нельзя спрятаться. Присев на кровать, он легонько похлопал Мэри Роуз по щекам, покрытым уродливыми синяками. Да она вся пылает! И никак не реагирует на его прикосновение!

— Мэри Роуз, очнитесь. Поговорите со мной. Я никому не позволю вас обижать. Ну же, Мэри Роуз, откройте глаза.

Она застонала, тихо, как раненое животное. Тайсон откинул одеяло и улыбнулся. Мегги ухитрилась напаялить на нее одну из его ночных рубашек. Тайсон положил руку на ее грудь. Сердце билось медленно, но ровно. Он выпрямился и только сейчас заметил ее исцарапанные, покрытые засохшей кровью руки. Что ж, видно, она нашла единственный выход. Помочь ей было некому. Он стянул рубашку до талии и тихо ахнул. Живот, плечи, ребра девушки покрывали синяки — ярко-зеленые, желтые, фиолетовые. Синяки и порезы. Десятки порезов, неглубоких, но кровоточащих. Тайсон, слугитель Божий, которому не подобало осуждать людские поступки, вновь представил, как она борется с течением, и ощутил не только леденящий страх, но и гнев. Объектом его гнева был человек, который довел ее до такого состояния.

Что делать? У миссис Макфардл наверняка имеется какая-нибудь целебная мазь, которую можно наложить на царапины, после того как Мэри Роуз искупается. Нет, не стоит впутывать в это экономку. Он не хочет, чтобы она узнала о девушке. Вряд ли старухе понравится, что с незаконнорожденной обращаются как с королевой. Он чуть сильнее прижал ладонь к груди раненой, пытаясь ощутить биение сердца. И не смог совладать с собой. В этот момент он смотрел на нее, как мужчина на женщину, невольно отмечая, как изящно она сложена, какие у нее совершенные груди, как бела кожа. Пальцы его сжали упругий холмик, но он тут же опомнился и отдернул руку. Нельзя! Он не должен. Он не позволит себе уподобиться человеку, который ее преследовал! К тому же девушка больна. Услышав негромкий стук, Тайсон

поспешно натянул рубашку на плечи Мэри Роуз и накрыл ее одеялом. На пороге стояла Мегги с тазиком горячей воды, салфетками, перекинутыми через руку, и пузырьком какого-то бальзама.

— Превосходно, дорогая. Как тебе удалось выманить снадобье у миссис Макфардл?

— Пришлось соврать. Поскольку она не знает меня так хорошо, как ты, то сразу поверила, когда я сказала, что ты порезал руку.

— Все правильно. А теперь возвращайся к себе. — Папа, позволь мне помочь. Ведь Мэри Роуз...

— Что ты хочешь этим сказать?

Мегги посмотрела на молодую женщину, лежавшую в полуобмороке на отцовской постели.

— Видишь ли, — начала она запинаясь, — она очень одинока, хоть и живет в доме, где полно людей. Но по-моему, у нее нет друзей. Она всем безразлична, даже своей матери. Мне очень ее жаль. Она нуждается во мне.

«Как и я», — подумал Тайсон, улыбаясь своей необыкновенной дочери.

— Обещаю, что позабочусь о ней, — шепнул он, погладив девочку по щеке. — Пока ни одна живая душа не должна знать, что Мэри Роуз здесь. Если кто-нибудь будет меня спрашивать, скажи, что я неважно себя чувствую и решил полежать. Иди вниз и отгоняй от спальни всех, кому вздумается меня навестить. Давай, милая.

— Ты позовешь меня, если ей станет хуже?

— Обязательно. Обещаю.

Дождавшись, пока Мегги выйдет из комнаты, Тайсон запер дверь и снова подошел к кровати. Он никогда не ухаживал за больными, если не считать собственных детей. После смерти их матери ему приходилось укачивать малышей, отгонять чудовищ, когда дети бредили, вытирать горящие от жара лбы, держать голову, если кого-то рвало, растирать животики, когда начинались колики. Но Мэри Роуз не дитя. Она взрослая женщина, но не его супруга. Однако выбора нет. Либо он возьмет на себя роль сиделки, либо придется во всем признаться миссис Макфардл, а этого, разумеется, делать нельзя. Тайсон вспомнил, что, когда Мэри Роуз повредила щиколотку, экономка отказалась ей помочь только потому, что считала, будто девушке не место в гостиной Килдрамми, в обществе приличных людей.

— Значит, Мэри Роуз, — произнес он вслух, — я единственный, кто у тебя есть.

Он бесцеремонно раздел ее, осмотрел, обмыл теплой водой и стал втирать бальзам, пахнувший сосной и лавандой, в каждую царапину, ссадину и порез. Нет, он не разрешит себе думать о ее белоснежном теле, о мягкой, нежной плоти. Увидев, что девушку снова бьет озноб, Тайсон поскорее натянул на нее рубашку, разгладил складки и навалил поверх несколько одеял. Потом постарался привести в порядок все еще влажные волосы. Лицо Мэри Роуз тоже было изуродовано. Он положил руку на ее лоб. Прохладный. Хоть бы температура не поднялась снова! Тайсон подкинул дров в камин, выдвинул огромное кожаное кресло, сделанное не менее двухсот лет назад, зажег свечи в канделябре, взял недочитанный томик Шекспира и устроился рядом с кроватью.

— Не понимаю, зачем я тебе. Ты хотел Донателлу. Почему я? Почему сейчас?

Он едва не уронил книгу.

— Мэри Роуз! Ты очнулась...

Он рано обрадовался. Она заметалась, пытаясь сбросить одеяла, но они оказались чересчур тяжелыми.

— Я не хочу выходить за тебя, неужели ты не понимаешь? Ты бесстыдно ласкал мою мать, и я никогда не стану твоей. Как ты мог? Ведь она моя мать!

— Знаю, — прошептал он, глядя ее волосы, касаясь щек, чтобы немного успокоить больную. — Эриксон больше никогда не напугает тебя, Мэри Роуз. Он и близко не подойдет. Доверься мне. — Она моя мать!

— Да, Мэри Роуз, да. Все в порядке. Я здесь. Она заплакала, обиженно, громко всхлипывая. Хриплые звуки рвались из груди, слезы струились по щекам. Этого Тайсон вынести не мог. Он сел на край кровати, прижал Мэри Роуз к груди и принялся укачивать, глядя ее по голове, согревая дыханием, чтобы даже сквозь забытие она, хоть и смутно, поняла, что ей ничего не грозит. Он вспомнил, как удивился, когда она рассказала ему об Эриксоне и своей матери и призналась, что даже сейчас не уверена, что они не были любовниками. Мать ни словом об этом не обмолвилась. Что ж, вполне понятно.

Даже тогда он хотел обнять ее, утешить, но не имел на это права. Нельзя сказать, что его шокировал рассказ Мэри Роуз. Будучи викарием, он видел столько извращений, случаев насилия, жестокости, что уже ничему не удивлялся. Но ему была ненавистна мысль, что Мэри Роуз видела этих двоих и так жестоко страдала. Кроме того, она была немало смущена собственной откровенностью с почти чужим человеком. Он наклонился, поцеловал ее в висок и едва не подскочил, поняв, что наделал. Осознав, что испытывал, когда его губы коснулись ее кожи. Он не выпустил ее из объятий, просто не смог. Он целовал женщину, которая не была его женой. Вернее, не женщину, а молодую, одинокую, незащищенную девушку. Тайсон закрыл глаза. Он хотел позаботиться о ней, но поцелуй.., он напрасно это сделал. Тайсон губами снял соленые капли, с ее щек. На этот раз он не целовал ее, просто пробовал слезы на вкус и все крепче прижимал к себе. Она немного успокоилась, прижавшись лицом к его плечу. Дыхание выровнялось. Хоть бы поскорее пришла в себя!

— Мэри Роуз, — прошептал он.

Она снова уснула. Он осторожно уложил ее на спину и медленно поднялся, не спуская с нее глаз. Подумать только, неделю назад он даже не знал о ее существовании! Неужели прошла всего неделя? Тайсону казалось, что он знает Мэри Роуз всю жизнь. Господи, что он говорит! Глупости, все это глупости. Его не интересуют женщины, во всяком случае в этом смысле. Он перестал думать о них уже через три месяца после свадьбы. Нужно прекратить безумство. Он изменяет памяти усопшей жены. Однако Тайсон понимал, что обманывает сам себя. Почему бы не признать правду? После смерти Мелинды Беатрис у него никого не было. Он давно обуздал свое тело и свои желания. И жил в мире с собой до появления Мэри Роуз, шотландки и к тому же незаконнорожденной. Тайсон не привык сыпать проклятиями и сейчас промолчал. Чтобы успокоиться, он подошел к большому закопченному камину и долго смотрел на огонь. Пламя становилось все ниже, пока не рассыпалось на светящиеся оранжевым сиянием угольки. Мэри Роуз. Ему нравилось звучание ее имени, нравилось ощущать его на языке. Господи, что теперь делать?.. Она проснулась среди ночи, потому что снова замерзла — так замерзла, что при каждом вздохе боялась превратиться в льдинки, совсем как та прелестная прозрачная ваза, которая упала с каминной доски и разлетелась на сотни осколков. Теперь вазы нет. И ее не

будет. Мэри Роуз старалась лежать неподвижно, но долго не выдержала. Ее трясло так, что стучали зубы. Чем хуже ей становилось, тем яростнее раздирала ее боль. Впивалась в тело все глубже, так что она застонала.

— Все хорошо, Мэри Роуз, Я здесь.

— Тайсон, — прошептала она. — Это в самом деле вы? О Боже, я так рада, что это именно вы! Мне очень плохо. Простите, но я не могу уйти.

— У вас жар. Но не волнуйтесь, мы справимся.

— Очень больно.., это все булыжники и камни.., простите...

— Ничего, я постараюсь вас вылечить. Лежите спокойно и ни о чем не думайте хотя бы минуты три. Вы на это способны?

— Простите.

— Перестаньте повторять одно и то же. И попытайтесь дышать глубже. Я сейчас вернусь.

Прошло немногим более трех минут, когда Тайсон снова появился у постели. Закатав рукава, он зажег канделябр на шесть свечей и поставил его на кроватиный столик. Сам же оставался в тени. Мэри Роуз видела только его лицо, мужественное, спокойное, сосредоточенное.

— Сейчас я оботру вас прохладной водой. Так делала моя няня, когда я был маленьким. Сразу снимало лихорадку. Я и сам так лечил своих детей. Но сначала выпейте немного настойки опия, чтобы облегчить боль.

Он помог девушке подняться, и она послушно проглотила одобренную опиумом воду.

— Вот и хорошо, — одобрил Тайсон. — Нужно давать вам побольше жидкости.

Он немного помедлил, прежде чем откинуть одеяло. Несколько часов назад, когда он ухаживал за Мэри Роуз, та была без чувств. А теперь?

— Пожалуйста, воспринимайте меня как доктора, хорошо?

— Не могу, — призналась она, дрожа. — Вы Тайсон, а это совсем другое дело, — Знаю, но я не причиню вам зла. Пожалуйста, верьте мне, Мэри Роуз.

— Я верю, — вздохнула она, закрывая глаза. Люди и раньше ему доверяли, и их доверие было для него либо бременем, либо радостью, либо простым выполнением долга. Во всяком случае, он к этому привык, по слова, слетевшие с ее губ, слова, идущие от души, затронули в нем нечто, прежде глубоко запрятанное, теплое и безгранично-светлое, чего он давно не испытывал. Такая метаморфоза должна была смертельно напугать его, по этому, к счастью, не произошло.

— Вперед! — бодро скомандовал Тайсон, стаскивая с Мэри Роуз одеяла и осторожно снимая рубашку. Потом он перевернул девушку на живот и принялся водить влажными салфетками по спине, бедрам и ногам до самых ступней. Один ее палец, очевидно, сломанный много лет назад, был чуть искривлен. Тайсон слегка сжал его и продолжал усердно трудиться, чувствуя, как салфетка нагревается от жара ее тела. Сколько раз ему пришлось окунуть ткань в холодную воду? Перевернув Мэри Роуз на спину, он увидел, что ее глаза открыты. Она

смотрела на него, не произнося ни слова. Просто смотрела. В ее взгляде не было ни боли, ни страха — только безграничное доверие. Тайсон улыбнулся, расправил салфетку и прижал сначала к груди Мэри Роуз, потому к ее животу. И поспешно опустил веки. Он взрослый человек, а не какой-нибудь похотливый мальчишка, и может справиться с чувствами, которые его обуревают. Он умеет держать себя в руках. Он не обесчестит ее и не опозорит себя, позволив плоти восстать и затвердеть в приступе вожделения. Тайсон задался вопросом, почему Господь не поможет ему, и едва не рассмеялся. Зачем Богу утруждать себя такой мелочью, как обычная реакция мужчины на женское тело? Святители, как же прекрасна эта девушка! Нет, он не станет предаваться подобным мыслям. Но противиться не было сил. Как Тайсон ни пытался бороться с собой, все было бесполезно. Островок волос внизу живота Мэри Роуз оказался тоже густо-рыжим, чуть темнее, чем на голове. А колени такие округлые, почти скульптурные. Он долго; гораздо дольше, чем было необходимо, задержал взгляд на ее коленях. Он явно поддается ее чарам. Нельзя проявлять слабость! Он взрослый мужчина с сильным характером! Тайсон продолжал растирать больную, пока жар не спал. Слава Богу, лоб остыл. Но тут она прижалась щекой к его ладони, и на миг, совсем короткий миг, он не отнимал руки. Потом стремительно бросился к комоду, извлек еще одну рубашку и надел на Мэри Роуз. Прикрыл ноги, ее стройные белоснежные ноги, закатал рукава, укутал ее в одеяла и поднялся. Она по-прежнему смотрела на него.

— Вам лучше?

Удивительно, что она не спит, при том что он влил в нее настойку опия. Какое счастье, что женщина не может прочесть мысли мужчины! Распознать похоть в каждом его движении...

— Спасибо, — слегка заплетающимся языком пробормотала она. — И простите, Тайсон.

— Лежите смирно! — почти грубо крикнул он, но она только улыбнулась.

— Вы впервые выказали нетерпение. Мегги сказала, что сюда приходил мой дядя, но вам не пришлось ему лгать, поскольку вы не знали, что я действительно в замке. Правда, Мегги поспешила перевести меня в ваши покои — боялась, что в ее комнату могут ворваться. Каждый считает возможным войти к ребенку без стука, но к лэрду никто не осмелится заглянуть. Поэтому я у вас. Изви...

Тайсон только отмахнулся.

— Да, сэр Лайон был крайне расстроен, узнав, что вас нет. Ему известно, что вы не утонули, потому что Эриксон искал вас, пока не увидел, что вашей кобылы нет. Сэр Лайон заверил меня, что речка слишком мелка и вам ничего не грозит. Значит, вы поехали домой и поняли, что Макфайл уже там?

— Да. Я видела его лошадь и не знала, куда податься. Честное слово, я вовсе не намеревалась отправляться в Килдрамми, но Роза сама поскакала к вашим воротам! Во дворе я столкнулась с Мегги. Она и привела меня сюда. Черным ходом, чтобы Паудер не заметил. Мэри Роуз улыбнулась.

— Я всегда удивлялась, как это Паудера не покрыло пылью. По-моему, он никогда не встает со стула.

— Он действительно целыми днями спал, пока не узнал, что у нового лэрда нет камердинера. Видите ли, всю свою жизнь он мечтал стать камердинером и вот получил такую возможность. Теперь он является сюда в самое неподходящее время, чтобы заново уложить мои галстуки и расставить щетки.

Мэри Роуз попыталась рассмеяться, но почувствовала боль в боку.

— Очень милый старичок.

— Да, кажется. И очень гордится собой. Я сказал, что буду обучать его обязанностям камердинера постепенно, чтобы не мешать другим, более важным делам.

— Вы очень добры к нему, Тайсон. Я знаю, вам это не нравится, но я в самом деле прошу прощения за все неприятности, которые вам доставила. Может, к завтрашнему утру я смогу уйти и...

— Да неужели? Хотите покинуть нас? Могу я осведомиться, что вы наденете? Я видел то, что осталось от вашей одежды. Или вы воображаете, что сумеете втиснуться в платье моей дочери?

— Придумаю что-нибудь, — пообещала Мэри Роуз, ощутив в его словах легкий сарказм, и надменно вздернула подбородок. Это движение далось ей с большим трудом усталость вновь взяла свое. — Возможно, одолжу что-нибудь у миссис Макфардл. О Господи, как же я измучилась!..

— Неудивительно. Вам давно пора спать. Я подлил в воду немалую порцию опия, — сказал Тайсон и, помолчав немного, язвительно осведомился:

— Итак, предположим, вам удалось нарядиться в обноски миссис Макфардл. Куда же вы отправитесь?

Опять он говорит с ней куда резче, чем намеревался. Тайсон увидел, как она сникла, а в глазах промелькнула знакомая беспомощность. Господи, он просто грубое животное!

Он сжал се руку.

— Мэри Роуз, мы что-нибудь придумаем. Вы еще недостаточно окрепли, чтобы носить что-то, кроме моих ночных рубашек. А сейчас спите и перестаньте кудахтать, как наседка.

— Но...

Он приложил палец к ее губам.

— Тише, тише. Ни о чем не беспокойтесь и спите. Завтра вы почувствуете себя куда лучше. У вас что-нибудь болит?

— Уже нет.

Вскоре она уснула, уткнувшись лицом в подушку. Тайсон попытался поудобнее устроиться в мягком кресле. Удалось это далеко не сразу. Он долго ворочался, пока наконец не задремал. Проснулся он со стоном, словно от толчка. Кругом царил полный мрак. Прошло несколько секунд, прежде чем Тайсон осознал, что разбудил его кошмар, такой живой и пугающий, что викарий долго не мог отдышаться, даже после того как вскочил и принялся ходить взад и вперед. Голова все еще кружилась от пережитого во сне ужаса. Кое-как успокоившись, он понял, что замерз. Пришлось разводить огонь. Он зажег свечу, подошел к кровати и потрогал лоб девушки. Слава Богу, холодный. И сама она даже не пошевелилась. Что означает этот злосчастный сон? Все, что он мог припомнить, — женский вопль, а потом мужской голос, слабый, запинаящийся, затихающий, и ощущение, что смерть здесь, совсем рядом, неумолимая, безжалостная, и он тоже тут как часть всего окружающего, некая тень, намек. И

вдруг все кончилось так же внезапно, как началось. Тайсон ничего не понимал. Только страх по-прежнему жил в нем. Стелился внутри мрачным туманом. Он сел в кресло, подпер подбородок руками и провел остаток ночи глядя на огонь. Мужской голос.., тот, который он слышал.., принадлежал Йену. Тому, что полгода назад упал со скалы.

Глава 13

Доктор Холси потрепал Мэри Роуз по щеке:

— Ну, вот и все. Улыбнись-ка. А потом можешь выругать меня за то мерзкое зелье, что я влил тебе в глотку.

Мэри Роуз послушно улыбнулась. Мать утверждала, что именно этот доктор помог ее дочери появиться на свет.

— Где Тайсон?

— Кто? А, ты о лорде Бартуике. Тайсон.., совсем не шотландское имя. Впрочем, этого следовало ожидать — он ведь англичанин! Он тоже здесь, стоит за моей спиной. По-моему, его милость втопчет меня в пол, если я причиню тебе новые страдания. Как ты себя чувствуешь, девочка?

— Как будто меня долго и больно били, — немного подумав, ответила Мэри Роуз.

— Еще бы, — вмешался Тайсон, подойдя ближе и сжимая ее пальцы. — Я уже объяснял вам, доктор, она упала в Горную речку, и течение несло ее, пока ей не удалось схватиться за ветку.

— Ты всегда была сильной и ловкой девчонкой, Мэри Роуз. Кстати, у тебя под глазом синяк. С ним ты выглядишь настоящим маленьким разбойником, вернее, огненноволосым пиратом. Не хватает только кинжала. А теперь, ваша милость, прошу вас отойти. Я должен осмотреть больную, убедиться, что она ничего себе не сломала и не нуждается в моей острой игле, чтобы зашить раны.

— Я сам все проверил, доктор Холси. Зашивать не придется. Правда, она вся в царапинах, но ничего серьезного. И кости целы. У меня двое мальчишек, так что я привык ко всяким передрягам и сразу могу определить, есть ли перелом. Но кто знает, может, имеются какие-нибудь внутренние повреждения.

Доктор Холси близоруко моргнул и выпрямился.

— Вы правы. Всякое бывает. Ну, Мэри Роуз, жар спал и в легких, похоже, чисто. В груди или животе не болит? Скажешь, если при нажатии будет больно.

Доктор не спеша методично ощупал ее с головы до ног, осторожно прикасаясь к самым чувствительным местам.

— Ничего, девочка, все обойдется. Теперь будешь пить мою микстуру, а если станет хуже, я опять тебя навещу, Тайсон проводил доктора до двери. По коридору разносился пронзительный голос миссис Макфардл.

— Ах, доктор Холси, такого позора еще свет не знал. И все это у меня на глазах! Вообразите, Мэри Роуз в постели лэрда и он самолично за ней ухаживает! А еще именуется английским викарием! Поделись он со мной, я с самого начала остерегла бы его, сказала бы, что так не

годится, что это неприлично. Но он и словом не обмолвился. Ничего хорошего из этого не выйдет, вот увидите.

По мере того как они удалялись, голос тоже затихал, но, к сожалению, Тайсон по-прежнему слышал все до единого слова:

— Спускайтесь и выпейте чашечку чая со мной и мистером Паудером. Похоже, он уже проснулся. Только сейчас за что-то журил Ардла, который держит вашего коня под уздцы.

Мэри Роуз, судорожно вцепившись в одеяло, вздохнула:

— Вам не следовало приглашать доктора. Теперь всей округе станет известно, что он видел меня в вашей постели и вы даже из комнаты не вышли, когда он меня осматривал. Миссис Макфардл права; мне не следовало приходиться сюда.

Тайсон пожал плечами.

— Я предпочту терпеть злословие, чем сознавать, что вы погибли из-за моего невежества. Я ведь не врач. Не беспокойтесь, Мэри Роуз. Я так рад, что доктор не обнаружил ничего серьезного! Думаю, вам не повредит кружка сидра, приготовленного миссис Макфардл. Сейчас принесу.

Вернулся он позже, чем рассчитывал, поскольку доктору Холси вздумалось осаждать его расспросами о тонкостях расчистки лесов под пашню, а когда подошел к кровати, оказалось, что Мэри Роуз снова заснула. Тайсон немного постоял над ней. Доктор прав; она и в самом деле напоминает пирата с этим огромным синяком, похожим на черную повязку. Он бережно коснулся ее лба. Кажется, холодный. Часа через два сюда непременно явится сэр Лайон и потребует вернуть ему племянницу. Но тут Тайсон ошибся. Ровно час сорок минут спустя на пороге действительно появился гость, только не сэр Лайон, а Эриксон Макфайл. Тайсон немедленно спустился в гостиную и плотно закрыл за собой дверь. Макфайл стоял у камина в картинной позе, с гордо скрещенными на груди руками. Тайсон вдруг осознал, что сжимает кулаки, и тут же приказал себе успокоиться. Как священник, он непоколебимо верил во всемогущество и сострадание Божье, но при этом, будучи сыном своего отца, во многом походил па братьев. Ни Дуглас, ни Райдер не станут прибегать к бессмысленному насилию, если можно обойтись другими методами. Он тоже не из тех, кто совершает необдуманные поступки. Гость шагнул к хозяину и выпалил без предисловий и приветствий:

— Доктор Холси сообщил, что Мэри Роуз здесь. Он сказал, что осмотрел ее и что она серьезно не пострадала: одни синяки и ушибы. Я так беспокоился за нее! Но теперь, думаю, она достаточно оправилась, чтобы вернуться домой, в Велленс-Мэнор. Я приехал за ней.

Выслушав эту тираду, Тайсон подошел к диванчику, обитому потертой золотой парчой, и уселся, положив ногу на ногу. Жаль, что ботфорты изрядно потускнели. В последний раз их начищал старый Энгус, еще в Эдинбурге.

Оглядев преследователя Мэри Роуз, он мягко сказал:

— Собственно говоря, вы сэкономили мне кучу времени. Я сам собирался навестить вас, чтобы поговорить о Мэри Роуз.

— Черт возьми, я не приму отказа! — взвился Эриксон. — Немедленно ведите меня к ней, иначе я изобью вас до полусмерти!

Тайсон вопросительно изогнул бровь и учтиво улыбнулся молодому нахалу, лицо которого постепенно наливалось краской. Очевидно, когда он станет старше, физиономия приобретет неприятный кирпичный оттенок, как у всякого, страдающего слишком частым разлитием желчи.

— Можете попытаться, — равнодушно бросил он, пожав плечами"

Эриксон хищно ощерился, вмиг утратив свою Привлекательность.

— Вы еще смеете издеваться? Воображаете, будто можете тягаться со мной? Вы, трусливое создание, а не мужчина, у которого хватает наглости наставлять настоящих мужчин с амвона? Твердить, что они будут прокляты, если не станут пресмыкаться перед вами?

Тайсон неспешно поднялся. Сердце билось чуть сильнее, чем обычно, но, как ни странно, он оставался совершенно спокойным. Тех проклятий, что изрыгал незваный гость, он наслушался уже давно, еще учась в Оксфорде. Да и стоило ли обращать на них внимание? Слова, пусть даже глупые, жестокие, вызванные безрассудным гневом, — всего лишь слова, не более. В этом мире так много бессмысленной злобы.

— Вы любите Мэри Роуз? — неожиданно спросил он, Эриксон остолбенел от неожиданности.

— Господи, да я хочу на ней жениться! Это ли не доказательство?

— Понятно. И чтобы убедить ее в честности ваших намерений и бесконечной привязанности, вы собираетесь ее изнасиловать? Она бросилась в реку, чтобы спастись от вас.

— Будьте вы прокляты, об изнасиловании и речи не было! Вы викарий. Где вам понять женщин? Они на все пойдут, лишь бы увидеть мужчину у своих ног. Мэри Роуз — просто кокетка. Она флиртует, дразнит и готова закатить истерику, желая добиться своего. Все ее отказы, театральные жесты вроде прыжка в эту идиотскую реку — обыкновенный спектакль, дешевая мелодрама. На самом деле она мечтает, чтобы я женился на ней, дал ей подобающее положение, благородное имя. Но довольно! Она уже позабавилась, а теперь выйдет за меня. Я поговорю с ней, и вы увидите, что она изменила свое решение.

— Хорошо, — кивнул Тайсон. — Я отведу вас к ней. Однако буду присутствовать при вашей беседе, так что не пытайтесь ее запугать. И позвольте заметить, что ее безрассудный поступок, который вы считаете девическим кокетством, — скорее свидетельство ее отчаяния. Она готова на все, лишь бы избавиться от вас. Молчите, не возражайте! Она тяжело болела. Я требую, чтобы вы не смели ей угрожать, ясно?

Эриксон злобно уставился на Тайсона. Мало того что он слишком смазлив, так еще и викарий, дьявол его раздери! И смотрит на него, как на жалкого, ничего не стоящего червяка! Хорошо бы подпортить его красивое личико, искривить чересчур прямой нос, чтобы не слишком его задирали. Изуродовать, как ярмарочного шута. Может, тогда Мэри Роуз не захочет его видеть, А что, если девчонка отказывается от него, Эриксона, именно потому, что метит выше? Стремится стать леди Бартуик?

— Почему она явилась сюда, в Килдрамми? — нетерпеливо поинтересовался он.

— Чтобы скрыться от вас. Итак, вы хотите потолковать с ней, убедиться, что она выздоравливает? Даю вам десять минут, не больше. Она должна отдыхать. Бедняжка все еще очень слаба.

Мэри Роуз была не одна. Рядом примостилась Мегги, сжимая руку девушки. Обе крепко спали. При звуках отцовского голоса Мегги встрепенулась, заморгала и откинула волосы со лба.

— Папа, я решила охранять Мэри Роуз, но заснула. С ней все в порядке? О Боже, это, кажется, мистер Макфайл? Почему он здесь?

— Он хочет поговорить с Мэри Роуз, — бесстрастно объяснил Тайсон и, заметив, как дочь насторожилась, невольно усмехнулся.

— Так и быть.., если она проснется. По-моему, она вот-вот откроет глаза. Он может побеседовать с ней, но только в моем присутствии.

— Что же вы молчите, Макфайл? — осведомился Тайсон, оборачиваясь к гостю, выглядевшему одновременно сбитым с толку и взбешенным.

— Ради всего святого, викарий, она совсем ребенок! Заставьте ее уйти.

— О нет, она сама назначила себя защитницей Мэри Роуз. Кстати, больная действительно просыпается. Стойте на месте, а я сообщу ей, что вы здесь, и постараюсь убедить, что вы не сделаете ей ничего плохого.

Эриксон разразился потоком проклятий, достаточно затейливых, но, по правде говоря, далеко уступавших в красочности лексикону приемышей Райдера, которые были поистине непобедимы, когда дело доходило до словесных баталий. Куда там матросам флота его величества! Словом, Тайсон слышал и не такое.

Он подошел к кровати, улыбнулся девушке и, сжав ей руку, прошептал:

— Не бойтесь, это я. К вам гость, но мы с Мегги даем слово, что он ничем вас не расстроит. Он просто хочет удостовериться, что вы живы и здоровы.

— Я не хочу его видеть. Пожалуйста, Тайсон, он...

Тайсон коснулся пальцем ее губ.

— Пусть скажет, зачем пришел, и убирается.

— Да, — согласилась Мэри Роуз, — вы абсолютно правы. Лучше побыстрее покончить с этим. — Она вздохнула и попросила:

— Можно мне немного воды?

— Уверен, что вы выдержите любое испытание, — подбодрил больную Тайсон, поднося к ее губам стакан с водой. Макфайл начал что-то бормотать, но викарий намеренно его игнорировал. Утолив жажду, Мэри Роуз попыталась сесть, и он поспешил подложить ей под спину подушки. Мегги тут же придвинулась ближе и обняла девушку.

Мэри Роуз, съежившись, наблюдала, как Эриксон направляется к ней. В каждом его шаге, в каждом движении угадывались гнев, злость, раздражение не только на нее, но и на хозяев. Как смеет этот чертов англичанин торчать здесь, да еще и девчонке позволил участвовать в беседе!

Похоже, он по-прежнему намерен заполучить ее. Неужели все мужчины таковы? Воображают, что имеют право обладать любой женщиной, которая попадется им на глаза! Недаром у Мегги такой вид, будто она набросится на него, стоит ему лишнее слово сказать.

Мэри Роуз ощутила невероятную благодарность к девочке, угнездившейся у нее под боком.

Эриксон долго молчал, прежде чем заметить;

— У тебя синяк под глазом.

— Да, — кивнула Мэри Роуз, стараясь не улыбаться.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

На миг он словно превратился в человека, которого она знала всю жизнь, который был ее другом...

— Немного тело ломит. Но лихорадка прошла. И тут он опять стал самим собой, хотя и старался говорить спокойно, чуть заискивающе, с легким оттенком упрека, как будто обращался к ребенку.

— Тебе не следовало так поступать, Мэри Роуз. Не успел я оглянуться, как тебя унесло течением. Я едва голову не потерял от страха. Искал тебя повсюду, но так и не смог найти. Подумал, что ты утонула. Только обнаружив, что Роза исчезла, я догадался, что ты в безопасности. Зачем ты бросилась в ледяную воду?

— И не колеблясь повторила бы все с самого начала, если бы пришлось спастись от тебя, — отчетливо выговорила она.

Глаза Эриксона яростно полыхнули. Больше всего ему хотелось взять ее за плечи, хорошенько встряхнуть, запретить идти ему наперекор. Но он был бессилен. Взглянув на девочку, отчаянно цеплявшуюся за Мэри Роуз, Макфайл процедил сквозь зубы:

— Ты поедешь со мной в Велленс-Мэнор?

Мэри Роуз и так была бледна, но в этот момент ее лицо показалось совершенно прозрачным, словно все черты стерлись. Мегги обхватила свою подопечную обеими руками.

Девушка покачала головой.

— Твои тетя, дядя и, конечно, Донателла беспокоятся за тебя. Они обижены на то, что ты не пришла домой, а обратилась к чужим людям.

— А мама?

— Ей ничего не сказали. Твой дядя не хочет ее расстраивать.

— Как я могла вернуться в Велленс-Мэнор, когда ты бы оказался там раньше меня? Неужели после того, что ты пытался сделать со мной, ты надеешься, что я добровольно пойду в ловушку? Вернись в дом, где тебе, возможно, позволят обесчестить меня? Где ты чувствуешь себя совершенно свободно?

— Обесчестить? Да у меня и в мыслях такого не было! Ты ведь знаешь, я не тронул бы ни единого волоска на твоей голове. Я вел себя как истинный джентльмен. Просил твоей руки. Но ты отказала, играла мной, как опытная, прожженная кокетка. Что я должен был думать? Я просто хотел убедить тебя в своей искренности, еще раз объяснить, что хочу жениться, но ты решила наказать меня и нырнула в речку. Надеюсь, теперь все изменится. Как только ты поправишься, мы обвенчаемся. Тебе надо всего лишь принять мое предложение, и мы

отправимся домой.

Мэри Роуз на миг закрыла глаза. Что-то тут не так. Она повернула голову, всмотрелась в его лицо, но увидела то же, что и минуту назад: уверенного, решившегося на все человека.. — Мой дядя тоже хочет, чтобы я вышла за тебя.

— Да.

— Все это очень странно... Донателла мечтает о тебе. Почему он не желает видеть тебя своим зятем?

— Я сказал ему, что не люблю Донателлу и женюсь только на тебе.

Интересно, станет ли дядя принуждать меня, если я вернусь?

Девчонка таращилась на него, как на сказочное чудовище, хотя явно не понимала, что тут творится. У викария, пропади он пропадом, слегка скучающий вид, но Эриксона не проведешь!

— Забудь своего дядю! Он не имеет к этому ни какого отношения. Никто не собирается ни к чему тебя принуждать. Моя мать очень любит тебя, Мэри Роуз.

— Твоя мать, Эриксон, называет меня не иначе как самонадеянной выскочкой, наглым ублюдком, причем так громко, что слышит вся округа.

— Уверю тебя, она переменяла свое отношение.

— Пожалуйста, уходи, Эриксон, — взмолилась больная. — Когда-то мы были друзьями. Жаль, что это время миновало. Пойми, я не желаю тебя видеть. Я вовсе не кокетничаю, не веду тонкую игру. Я вообще не хочу ни за кого выходить замуж. И с тобой не поеду. Обидно, что дяде Лайону нельзя доверять. Прощай, Эриксон.

Макфайл сжал кулаки, заметив, что девочка готова едва ли не своим телом прикрыть Мэри Роуз, и вдруг расхохотался. Его смех звонким эхом отдался под потолком.

— Прекрасно, — одобрил Тайсон. — Смеющийся человек вряд ли отважится на скандал.

Эриксон устремился было к выходу, но на полпути небрежно бросил:

— Я еще вернусь, Мэри Роуз.

Она ничего не ответила. Эриксон, не глядя, потянул за ручку и распахнул дверь, едва не сбив с ног Паудера.

— Смотри, болван, куда идешь!

— Галстуки, — объявил Паудер. — Я должен позаботиться о галстуках его светлости. Уже почти усвоил, как их правильно складывать. Я ведь ученик камердинера.

Эриксон ошеломленно воззрился на великовозрастного «ученика», которого знал едва ли не с пеленок.

— Ты, Паудер? Понятно. Галстуки, значит, — пробормотал он и, не прощаясь, направился к лестнице. Ну и что прикажете теперь делать?!

Мэри Роуз доедала последнюю ложку пересоленного куриного бульона, когда в комнату ворвалась запыхавшаяся Мегги.

— Ни за что не угадаешь, кто к нам приехал, папа! Тетя Синджен и дядя Колин!

Улыбающаяся Синджен ступила в чересчур большую, чересчур темную, мрачную спальню, которую много лет не оживляло присутствие женщины, и сразу заметила курчавые рыжие волосы, невероятно зеленые глаза и бледное, покрытое синяками лицо незнакомой девушки. Интересно, кто она такая и откуда взялась? Немного поразмыслив, но так и не придя ни к какому выводу, Синджен объявила, ни к кому в особенности не обращаясь, в том числе к брату, который только что закончил разводить огонь в камине и встал, вытирая руки, явно удивленный неожиданным появлением сестры:

— Я бы приехала раньше, но Жемчужная Джейн не удосужилась точно объяснить мне, где именно начались неприятности и в чем они заключаются, вплоть до вчерашней ночи, когда мы с Колином устроились в постели и.., впрочем, не важно. Пришлось долго убеждать Колина, что это не какой-то дурацкий сон, вызванный чересчур пылками.., забудьте и это. Не имеет ровно никакого значения. Колин, разумеется, упрямее осла, как всякий мужчина, но в конце концов внял голосу разума.

С этими словами Синджен подбежала к Тайсону, раскрывшему ей объятия, и бросилась ему на шею.

— Синджен, — сказал он, целуя ее и чуть отстраняя, чтобы получше рассмотреть, — ты прекрасно знаешь, что я не верю в призраков. Даже в твою Жемчужную Джейн. А теперь объясни, только не приукрашивая факты, почему ты посчитала нужным явиться в Килдрамми и притащить с собой Колина?

— Конечно, дорогой, но сначала поведай, кто это.

— — Тетя Синджен, она Мэри Роуз. Видишь, волосы у нее такие же красивые, как у тети Алекс.

— Верно, — подал голос Колин, выступая вперед и энергично пожимая руку шурина. — Ты права. Вижу, что вы сильно ушиблись. Я Колин Кинросс, тот самый упрямый муж. Что здесь творится? Я ни на секунду не поверил Синджен.., ну разве что на два-три мгновения, не больше. Но она так тревожилась, с таким жаром утверждала, что у Тайсона не все ладно, что я согласился приехать. Прошу извинить за вторжение. Тайсон, если наше появление неуместно, мы оставим тебя в покое. Хотя, похоже, моя женушка права здесь что-то неладно.

— Вы очень вовремя! — заверил Тайсон. — Поможете Мегги защищать Мэри Роуз от Эриксона Макфайла.

— — Господи! — всполошилась Синджен, бросаясь к Мэри Роуз и кладя прохладную руку ей на лоб. — Так я и знала! Эриксон Макфайл.., это не тот человек, который галопом вылетел из замка и при этом выглядел так, словно готов разорвать на куски всех и вся?

Мэри Роуз громко охнула.

— Бог с ним, — отмахнулся Тайсон. — Он наконец понял, что проиграл. Пусть отныне срывает злость на ком угодно.

— Теперь, когда мы вместе, с вами ничего плохого не случится, — заверила Синджен, улыбаясь молодой девушке с глазами самого поразительного оттенка, какой ей когда-либо доводилось видеть. — Правда, поскольку Тайсон здесь, в нас особой необходимости нет, но...

Ее речь прервали громкий стук в дверь и хриплый кашель. Обернувшись, Тайсон увидел миссис Гриффин, стоявшую на пороге подбоченившись.

— Синджен, моя дражайшая сестра, — учтиво попросил он, — молю тебя, не уходи. Боюсь, что с этой бедой мне в одиночку не справиться. Помоги! Мне необходимо подкрепление.

Миссис Гриффин, не обращая на него внимания и яростно размахивая палкой, ворвалась в спальню.

— Глазам своим не верю! Просто невероятно! В этой постели, сэ, привились на свет многие поколения Бартуиков — и в ней же умерли, в основном по причине преклонного возраста. Только взгляните на нее: устроилась на мягкой перине, как у себя дома! Словно она здесь госпожа, жена лэрда! Незаконнорожденная девка. Ей тут не место! Кстати, у меня вопрос... — Миссис Гриффин выпрямилась и выпятила необъятную грудь. — Что она делает в вашей спальне и вашей постели, милорд?

Тайсону частенько везло благодаря пресловутой удачливости Шербруков, но на этот раз капризная госпожа Удача, похоже, покинула его. В комнате было полно народу, а бедняжка Мэри Роуз выглядела так, словно вот-вот испустит дух. Подумать только, старая фурия смеет оскорблять ни в чем не повинную девушку!

Задыхаясь от гнева, Тайсон, однако, нащел в себе силы вежливо осведомиться:

— Мистер Гриффин, где вы? Предполагаю, что вы прячетесь за спиной супруги, но отчего же я вас не вижу? — Я действительно здесь. Мы приехали узнать, что тут происходит.

— Довольно невразумительное объяснение, — усмехнулся Тайсон. — Но прежде чем вы снова изволите нас покинуть, убедитесь сами, что Мэри Роуз попала в беду. Она еще не оправилась от ран и ушибов. Вот и все, что тут происходит. Во всяком случае, ваше покровительство нам не требуется. Надеюсь, карета все еще стоит перед дверями замка?

— Грубость джентльмену не к лицу, даже если он англичанин и к тому же викарий, — прошипела миссис Гриффин. — И потом, мне не все ясно. Кто эти люди? Натащили сюда еще больше англичан, чтобы нас изводить?

Колин окинул взглядом женщину с тонкими усиками на верхней губе, ее мужа, стоявшего за женой, принял горделивую позу и величественно объявил:

— Мэм, я лорд Ашбернем, шотландец до мозга костей, настолько, что ношу плед даже в постели и предаюсь мечтам на шотландском, а не английском или итальянском. Какого черта вы сюда вломились?

К неимоверному удивлению Тайсона, миссис Гриффин почтительно присела в реверансе, но мгновенно разрушила впечатление благопристойности, открыв рот:

— Я, естественно, миссис Гриффин, милорд. Здесь почти мой родной дом. Я так часто гостила в Килдрамми, что одно время даже подумывала выйти за старика Тайронна, чтобы спать в этой кровати. К сожалению, мистер Гриффин тогда еще был жив, как, впрочем, и сейчас. Бедняга Тайронна нуждался в наследниках, а я уже достигла такого возраста, что об этом не могло

быть и речи. Я примчалась на помощь, поскольку без меня тут разразится настоящая катастрофа. Но я.., мы все решим. Прежде всего немедленно уберите отсюда девчонку, Тайсон усилием воли заставил себя сдержаться, хотя ему хотелось броситься к миссис Гриффин и швырнуть ей в лицо чем-нибудь потяжелее или выкинуть мерзавку из окна, если только она туда пролезет, в чем он сильно сомневался.

— Жемчужная Джейн не упоминала о вас, миссис Гриффин, — с расстановкой проговорила Синджен, не в силах поверить тому, что эта женщина в самом деле существует и стоит посреди спальни Тайсона.

— Очевидно, ваша Жемчужная Джейн ни о чем не знает, — фыркнул мистер Гриффин, подходя к жене.

— Если бы Жемчужная Джейн упоминала о миссис Гриффин, — заметил Тайсон, обращаясь к сестре, — вряд ли ты отважилась бы приехать сюда. Написала бы письмо с соболезнованиями и держалась на расстоянии.

— Не вижу ничего смешного, милорд.

— Вероятно, вы правы, — согласился Тайсон. — А теперь почему бы нам не дать Мэри Роуз отдохнуть? Может, миссис Макфардл соизволит налить всем чаю, а потом вы, миссис Гриффин, поняв, что все уладилось как нельзя лучше, оставите нас в покое и сочтете за лучшее мир но удалиться?

— Повторяю, ваше чувство юмора мне не слишком нравится, милорд.

— Иногда, миссис Гриффин, — терпеливо ответил Тайсон, — оно мне самому не, по душе. — Я настаиваю на выполнении своего требования, милорд.

— К сожалению, мэм, это будет весьма затруднительно.

— Пойдемте отсюда. Мэри Роуз неважно себя чувствует.

— Она другого и не заслуживает, — огрызнулся мистер Гриффин, вытягивая шею, чтобы получше разглядеть происходящее. — Никто не желает иметь с ней ничего общего.

«Я не злой человек. Не жестокий, — мысленно уговаривал себя Тайсон. — Я в любом случае не смогу ударить старика, который к тому же успел изрядно приложиться к контрабандному французскому коньяку».

— Идите, — разрешила Синджен, величественно махнув рукой— Я желаю поговорить с Мэри Роуз. Колин, а ты останься и хорошенько слушай, о чем пойдет речь, чтобы потом пересказать мне все, что я, возможно, упущу.

Тайсон не хотел оставлять сестру с Мэри Роуз. Сам не зная почему, он чувствовал всем своим существом, вплоть до шрама на левом плече, который иногда ныл перед ненастьем, что это не слишком хорошая мысль.

— Все равно выхода у тебя нет, — сочувственно шепнул Колин, взяв шурина за руку. — Синджен не успокоится, пока во все не сунет нос.

— Знаю, — вздохнул Тайсон. — По-моему, это впервые случилось, когда ей было четыре года. А кончилось тем, что Дуглас долго сидел под кустом, скрываясь от папы.

— Иди, дорогой, — нежно сказала Синджен, одарив брата той особой улыбкой, которой он всегда опасался. — Я обо всем позабочусь. Кстати, мне в то время было пять.

Тайсон улыбнулся Мэри Роуз.

— Скоро увидимся. Попытайтесь вздремнуть. И не обращайтесь внимания на мою сестру.

Попросив Мегги не слишком обременять больную своей заботой, он выпроводил Гриффинов из спальни.

— А теперь, — начала Синджен, сосредоточив свое невероятное обаяние на Мэри Роуз, — позвольте рассказать вам о Жемчужной Джейн и о том, что она мне поведала.

— Кто такая Жемчужная Джейн? — полюбопытствовала девушка, — Призрак, который опекает тетю Синджен, — пояснила Мегги.

— Верно, — кивнула Синджен, усаживаясь в большое мягкое кресло. — Прошлой ночью она явилась мне и сообщила, что Тайсон попал в беду.

— Так оно и есть, — подтвердила Мэри Роуз, вытирая Слезы. — Вообще-то я не верю в призраков. Никогда ни одного не видела, даже здесь, где их должно бродить не менее полдюжины.

Мегги торопливо встала перед девушкой на колени и взяла ее за руку.

— О, пожалуйста, не плачьте, Мэри Роуз. Папа все уладит. А тетя Синджен и вправду любит во все вмешиваться, тут папа прав. Зато дядя Колин настолько обожает свою жену, что пообещал запретить ее в своей спальне и навещать когда вздумается. Это о чем-то говорит, верно?

Колин, уткнувшись в газету, громко фыркнул.

— Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? — грозно осведомилась Синджен.

— Он не обязан заботиться обо мне, — всхлипнула Мэри Роуз, презирая себя за слабость. Слезами ничего не добьешься. — Может, Жемчужная Джейн сказала правду, но теперь всему конец. Я уйду. Не позволю Тайсону стать невинной жертвой. Миссис Гриффин недаром говорит, что мне здесь не место. Никому я не нужна. И Не позволю Тайсону страдать из-за собственного благородства. Не будете ли вы так добры дать мне самое некрасивое из своих платьев?

А вот это уже интересно, подумала Синджен. Прелестная девушка лежит в постели Тайсона и печется о нем и его репутации, но почему не о своей? Неужели она такого низкого мнения о себе? Что ж, это вполне понятно, учитывая те ужасные слова, которые вылетали из гнусной пасти миссис Гриффин. Да, у Мэри Роуз чудесные волосы и миловидное личико, но вряд ли такие вещи могут сильно взволновать Тайсона. Синджен никогда не видела брата таким. Мелинда Беатрис умерла шесть лет назад. Слишком затянувшееся одиночество для мужчины. Разумеется, у него были Макс, Лео и Мегги. Но женщина — это совсем другое дело. Не с кем посмеяться, поговорить, поссориться. Некого обнять в постели. Печальные обстоятельства жизни Тайсона уже давно волновали Синджен. Еще раз оглядев исцарапанное лицо Мэри Роуз с внушительным синяком под глазом, она спокойно уточнила:

— Платье? Разумеется. Я сделаю для вас все, что смогу. И пожалуйста зовите меня Синджен.

— Лучше не спорьте, — посоветовала Мегги. — Тетя Синджен и Жемчужная Джейн не позволят, чтобы с вами случилось что-то плохое.

— Да, Мэри Роуз, вы можете положиться на мою жену, подтвердил Колин, опуская газету. — Сам я готов доверить ей свою жизнь, и она не раз защищала меня. Кстати, меня зовут Колин.

Недавние события показали, что избавиться от Гриффинов можно, только вышвырнув их силой. Неплохая мысль! После двух чашек чая Тайсон все же решил осведомиться;

— Почему вы вернулись?

— Видите, как он старается подражать старому Тайронну? Такой же надменный вид! — обратилась миссис Гриффин к мужу и с прежним энтузиазмом набросилась на хозяина; — Ничего не выйдет, любезный! Как бы вы ни старались, я не допущу вашей женитьбы на Мэри Роуз. Она незаконнорожденная! Если ее и принимают где-то, то лишь благодаря ее уважаемым дяде и тете. Нет, особа такого сорта не может стать хозяйкой Килдрамми.

У Тайсона буквально язык отнялся. Жениться на Мэри Роуз? Такая мысль ему и в голову... Нет, он просто защищал ее, как подобает слугителю Господа. Его долг — не допустить, чтобы Эриксон изнасиловал ее, склонил к браку против ее воли. Он закрыл глаза и обратился к Богу с простым вопросом;

«Господи, если я удушу эту женщину, простишь ли ты меня в сердце своем?»

— Моя дражайшая жена заботится исключительно о вашей репутации, милорд, — вставил мистер Гриффин. — Боится, что вы можете запятнать фамильную честь, Миссис Гриффин отсалютовала мужу чашкой, В отличие от Тайсона она пила уже четвертую, чем произвела на него огромное впечатление. Ну и прорва!

Она снова обратила взор на Тайсона. Усики зловеще дрогнули.

— Уверяю вас, милорд, что во всех домах к северу от Эдинбурга только и разговоров о том, как в постели нового лорда Бартуика нежится незамужняя девица весьма сомнительного происхождения. Если верить миссис Макфардл, вы провели с ней всю ночь и ухаживали самым интимным образом, позволив даже надеть свою ночную рубашку. Нужно заметить, что все считают происходящее высшей степенью разврата, даже для англичанина.

Тайсон, обычно достаточно красноречивый и прекрасно владеющий собой, обнаружил, что потерял не только дар речи, но и способность соображать. Он встал, ошеломленный, глядя не на миссис Гриффин, а в самые глубины собственной души, куда так редко удосуживаются посмотреть люди, потому что именно там таится так много теней, которые лучше оставить в покое. Но он все же осмелился заглянуть в себя. И увиденное потрясло его. Как ни прискорбно это сознавать, но старуха права. Права во всем. Истина отрезвила его.

О Господи, он и в самом деле ухаживал за ней, как сиделка. Не колеблясь раздевал ее, обтирал с головы до ног, переодевал в чистую рубашку. Во имя всего святого, что он сделал с Мэри Роуз? И все из лучших побуждений, для того чтобы защитить ее, спасти, стать барьером между ней и Макфайлом. Она в самом деле одета в его белье, он видел ее обнаженной, любовался каждым дюймом этого белого тела, что не дозволено постороннему мужчине!

— Итак, милорд, вам нечего сказать? Вы уже успели затащить девчонку в постель? Правда, многие сомневаются, что она до сих пор невинна, поскольку подобные ей редко остаются непорочными даже в юном возрасте. Что ж, ублюдок произведет на свет другого ублюдка,

ничего удивительного. Подумать только, что ее дорогие тетя и дядя воспитывали негодницу вместе со своей милой Донателлой! Мэри Роуз не следовало оставлять в приличном доме. Вот что из этого вышло! Теперь она, потеряв всякий стыд, валяется в вашей спальне, в вашей постели! И вы, милорд, это допустили.

Тайсон медленно покачал головой. Он заглянул в себя и узрел истину, понял, что должен делать. Не тратя времени на дальнейшие споры, он вышел из гостиной. Каблуки звонко стучали по изразцам пола. Пусть сапоги и не начищены, но издают отчетливые, резкие звуки. И все же он ничего не слышал. Стыд, угрызения совести, так измучившие его, теперь, слава Богу, отошли на задний план. Тайсон преисполнился решимости поступить, как подобает честному человеку. До него смутно доносился голос миссис Гриффин, которая никак не могла успокоиться, но слов он не понимал. Да они, собственно говоря, и не были для него словами — так, смутным шумом. Открыв дверь спальни, он первым делом увидел Колина, все еще сидевшего в кресле с газетой. Его зять, как человек умный и предусмотрительный, давным-давно усвоил, что Синджен лучше не мешать. Сестрица устроилась прямо на кровати, что-то объясняя Мэри Роуз. Его дорогая Мегги стояла на коленях, держа больную за руку и энергично кивая в знак согласия с теткой. Мэри Роуз случайно подняла голову и заметила его.

— О, Тайсон! — воскликнула она. Только слепой не увидел бы радости, загоревшейся в ее глазах при виде его, улыбки, которой всего мгновение назад не было на губах. И все для него. Ей не стоило так открыто выказывать свои чувства, подумал Тайсон.

Глава 15

Взгляд Мэри Роуз так же быстро померк, и она, потупясь, виновато пробормотала:

— Я еду с Синджен. Подумываю стать няней Флетчера и Джослин. Синджен не хочет, чтобы я этим занималась, но нельзя же сидеть у людей на шее!

Она покидает его?

— Я не так уж невежественна. Знаю латынь, могу помочь Филиппу и даже научить Далин играть на волынке. Сама я, правда, не настолько сведуща в этом искусстве, но все же помню несколько мелодий. Я много чего умею, так что не стану бесполезным бременем.

— Вы знаете латынь? — ахнул Тайсон, на секунду забыв обо всех неприятностях.

— Да, и еще французский, хотя произношение, нужно признаться, у меня не очень хорошее. Но поскольку беседовать все равно не с кем, некому и критиковать мой акцент.

Она знает латынь? Неужели это возможно? Тайсон усилием воли оторвался от размышлений и взял себя в руки.

— Вы никуда не едете, — объявил он и даже сумел выдавить из себя некое подобие улыбки.

Синджен открыла рот и воззрилась на брата с таким видом, будто никогда его раньше не видела. Очевидно, она вовремя прикусила язык, потому что осторожно слезла с кровати и протянула руку племяннице:

— Пойдем, Мегги. Мы с дядей Колином хотим осмотреть замок. Ты нам покажешь все самое интересное?

Мегги, понятия не имевшая, что здесь происходит, все же каким-то чутьем поняла, что дело

серьезное и лучше не мешать. Мэри Роуз знает латынь? Интересно, что скажет на это Макс?

Она поспешно вскочила и сжала пальцы тетки. Колин преспокойно сложил газету, поднялся, бросил на шурину многозначительный взгляд и легонько тронул жену за плечо.

— Надеюсь, мы не встретимся с этой мерзкой особой? — спросила Синджен.

— Нет, если обойдем гостиную стороной, — заверила Мегги. — Я поведу вас в сад за папиной библиотекой. По-моему, там сейчас работает мистер Макнили, папин управляющий. Очень милый человек. Жаль, что он не может остаться. Его мама умерла, и теперь он едет на родину. Папа надеется, что его место займет Оливер.

— Вот Дуглас рассердится! Тайсону лучше не показываться ему на глаза! — воскликнул Колин. Синджен ехидно рассмеялась.

— Ничего, зато Оливер сотворит тут настоящее чудо! Тайсон закрыл дверь, задвинул засов и, подойдя к кровати, строго сказал:

— Никаких нянь, латыни и волюнок. Вы никуда не поедете.

Мэри Роуз поспешно села, чувствуя себя куда более сильной и здоровой, чем за пять минут до этого. Как они раньше не замечала, какой волевой у него подбородок?

— Я должна, — прошептала она, хотя сердце ее сжалось. — Неужели вы не понимаете?

— Нет, не понимаю. Послушайте, все мы должны исполнять свой долг. В этой несчастной ситуации у нас остается единственный выход — вам придется стать моей женой. Будете хозяйкой Килдрамми в Шотландии и женой викария в Англии, у меня на родине. Я живу в городке Гленклоуз-он-Роуэн. Официально мой дом называется Старым Пасторатом, но все в округе знают его как Иден-Хилл-Хаус. — Какое романтическое название!

— Пожалуй, вы правы.

Он вдруг подумал, что, несмотря на бледность, она сегодня необычайно красива, когда сидит вот так, в его ночной рубашке, с разметавшимися по плечам мягкими локонами. Ее губы чуть приоткрылись, но с них не слетело ни звука. Тайсон ждал. Что-что, а это он умел. Не раз прихожанину требовалось довольно много времени, чтобы собраться с духом и признаться в совершенном грехе.

— Не могу. И вы это знаете, Тайсон. — Чего не можете? Выйти за меня? Не вижу, что еще следует предпринять в таком случае.

— Я не поступлю так с вами, — твердо возразила девушка. Она настолько разволновалась, что на щеках проступил слабый румянец. — Я приехала сюда потому, что боялась возвращаться в Велленс-Мэнор, тем более что Эриксон успел меня опередить. Мне казалось, что даже там я не найду защиты и он... Ладно, не стоит об этом. Я совершила огромную ошибку, явившись сюда и втянув вас и Мегги во все это. И теперь не позволю вам пожертвовать собой из-за моей глупости.

Тайсон улыбнулся спокойной, ясной улыбкой, обнажившей его ровные, белоснежные зубы и придавшей глазам живой блеск.

— Никаких жертв. Все это вздор и бессмыслица. Давайте лучше я расскажу вам о своих детях.

У меня их трое:

Максу, самому умному и ученому, девять; Лео, который поет, как ангел, выкидывает фокусы, как дьявол, и часами стоит на голове, — семь. С моей дерзкой дочкой Мегги вы уже знакомы. Они хорошие дети, но вам, возможно, не захочется обременять себя тремя пасынками.

— Мегги рассказывала о Максе и Лео, — оживилась было Мэри Роуз, но тут же сникла и покачала головой. — Нет, вы просто не хотите меня понять. Тайсон, я бы горячо любила ваших детей хотя бы потому, что уже свыклась с мыслью о том, что своих у меня не будет. Нет, не стоит об этом. Вы зря упрямитесь.

— Интересно будет проверить, кто говорит на латыни лучше: вы или Макс.

— Скорее всего я. И читаю тоже.

— Кто был вашим наставником? Я почему-то не могу представить Донателлу с латинской книгой в руках.

— Очень старый пресвитерианский священник, который года три назад умер. Он передал приход своему преемнику, когда я была совсем юной, Бедный одинокий старик! Он многому меня научил, хотя, как почти все в округе, осуждал и мою мать, и меня. Однако согласился давать мне уроки и даже проповедовал — не столько из желания спасти мою душу, сколько из опасения забыть молитвы.

Углубившись в воспоминания, она мечтательно улыбнулась.

— Вернемся к теме нашей беседы, Мэри Роуз. Вы находите меня настолько неприятным? Считаете, что я ничем не лучше Эриксона Макфайла?

Мэри Роуз откинула одеяло и свесила ноги с кровати. Рубашка задралась до колен, и Тайсону снова полезли в голову греховные мысли. Коленей красивее он в жизни не видел. Недаром любовался ими, когда обтирал ее мокрой салфеткой.

Но Мэри Роуз уже встала. Подол волочился по земле, рукава свисали ниже пальцев на добрых шесть дюймов. Шагнув к Тайсону, она решительно ткнула его в грудь.

— Я хочу стоять с вами лицом к лицу! Не могу валяться в постели, словно несчастная, беспомощная жертва с синяком под глазом, женщина, которая, по вашему мнению, достойна только жалости. Вы не смеете приказывать мне, как поступать. Я не выйду за вас, Тайсон. Лучше поеду с Синджен и стану доброй нянюшкой. Буду говорить с окружающими исключительно на латинском.

— Нет, — бросил он, скрестив руки на груди. Последовала долгая пауза, и Мэри Роуз начало казаться, что Тайсон одумался. Что ж, она поступила благородно. И не важно, что отныне перед ней расстилается обширная пустыня, по которой придется брести до конца жизни. — Придется сделать оглашение. Думаю, порядок здесь такой же, как в Англии, — неожиданно сказал он.

Образ пустыни мгновенно исчез. Мэри Роуз схватила Тайсона за плечи и хорошенько встряхнула, но это было все равно что бить кулаками в стену.

— Вам опять станет плохо, — упрекнул он, не позволяя себе дотронуться до нее. Лучше держаться до конца. — Идите в постель, Мэри Роуз.

Она невольно улыбнулась.

— Тайсон, вы очень хороший человек. И глаз красивее ваших я никогда не видела, А рот..., нет, не стоило такое говорить. Послушайте, я не хочу быть причиной ваших несчастий. Страшно подумать, как вы будете потом жалеть! Я не навлеку на вас позор и бесчестье. Поймите, я незаконнорожденная! И тут ничего не поделаешь. Когда вы примете это как неоспоримый факт?

— Да, я знаю. Вы незаконнорожденная. Ну и что? Кому это интересно? — пожал плечами Тайсон.

— Всем, кого я знаю, — честно ответила она. — В детстве Донателла дразнила меня ублюдкой и смеялась, смеялась... Тогда я не догадывалась, чем мне это грозит. Не воспринимала слова Донателлы всерьез — ведь она была всего лишь маленькой девочкой, гораздо младше меня. В конце концов пришлось спросить дядю Лайона. Он объяснил, что у меня нет отца. С того дня все изменилось. Я поняла, что окружающие: слуги, тетка и дядя — обращались со мной иначе, чем с остальными. И что мне позволено жить в Велленс-Мэнор только потому, что моя мать — сестра хозяйки дома, — — Согласен, это не слишком приятно, но теперь все в прошлом, Мэри Роуз. Мне жаль, что вам пришлось страдать, но отныне с этим покончено. Повторяю: кому какое дело?

— Неужели не видите? Вы принадлежите к благородному английскому роду, в котором мне не место — Ну что, выговорились?

— Вы сейчас похожи на страдальца, терпеливо пытающегося урезонить истеричку.

— Вы — истеричка? Помнится, вы заверяли Эриксона в своем полном спокойствии. Впрочем, не важно. Как викарий, я привык иметь дело с истеричками, хотя, по правде говоря, не хотел бы жениться на таковой. Возможно, моя первая жена была несколько..., нет, не стоит об этом. Вы скорее показались мне весьма здравомыслящей и рассудительной, Мэри Роуз. И имя у вас прелестное. А глаза куда красивее моих, хотя голубые глаза Шербруков славятся по всей южной Англии, — усмехнулся Тайсон. — Мне совершенно все равно, есть ли у вас отец. Это не играет никакой роли. Да и в Англии никто не узнает о вашем происхождении. Еще раз прошу — будьте моей женой.

— Вы меня не знаете.

Тайсон улыбнулся и обнял ее за плечи.

— У нас еще будет время узнать друг друга в ближайшие сорок лет. Я, по-моему, не храплю, иначе Мегги и ее братья непременно сказали бы мне, поскольку имеют привычку забираться в мою постель в холода. Еще у меня есть две кошки, Эллис и Монро. Правда, они не скаковые, но...

— Скаковые кошки? — удивилась Мэри Роуз. — В жизни не слышала ничего подобного! Чтобы кошки участвовали в бегах? Они всегда делают только то, что им нравится. Признайтесь, что разыгрываете меня!

— Вовсе нет. Кошачьи бега весьма популярные в южной Англии. Сезон длится с апреля по октябрь, соревнования проходят по субботам близ Истборна. Если хотите, я попытаюсь достать вам такого котенка, но его придется тренировать. Я знаком с братьями Харкер, самыми известными заводчиками кошек. Они живут в Маунтвейл-Холле.

Обрадованная девушка не задумываясь выпалила:

— О Господи! Подумать только, скаковой котенок! Какое счастье иметь такое существо! — Она резко осеклась и как-то сразу поникла. — Нет, я не стану думать о таких вещах. Все это не правильно, нехорошо. Я не изменю своего решения, Тайсон.

— Не думайте, что задача так уж легка. Братья Харкер далеко не всякому доверяют тренировать скаковых котят.

— Перестаньте! Я не хочу думать о котятках, не хочу! Без всякого сознательного намерения, просто желая положить конец бесплодному спору, Тайсон еще крепче сжал ее плечи, привлек к себе и, наклонив голову, прижался сомкнутыми губами к ее губам. На него вдруг снизошло откровение. Тело словно ожило, пронзенное непонятными ощущениями, такими сильными, что Тайсон пошатнулся, охваченный невероятно острым наслаждением, подобного которому он еще не знал.

— Открой рот, — хрипло приказал он, молясь всем своим существом, чтобы она послушалась.

К его величайшему удивлению, мягкие полные губы раскрылись, и его язык нежно коснулся нижней, прежде чем проникнуть вглубь. Ему показалось, что он умрет на месте от всепоглощающей, безграничной радости. Но даже и смерть будет сейчас благом.

Тайсон отстранился. Его сердце бешено колотилось, он задыхался, не в силах прийти в себя, чувствуя себя совсем молодым, сильным, но так и не поняв, что с ним творится. Как бы то ни было, он не хотел, чтобы это кончалось. И был бы рад взорваться от избытка эмоций.

— Я не представлял... — начал он, глядя на нее, потрясенный тем, что происходит. Тело мучительно ныло от невозможности коснуться ее, ласкать ее язык своим.

Тайсон, досадуя на себя, тряхнул головой, опустил руки и поспешно отступил. Господи, как все болит!

— Просто не представлял, — повторил он, и это было чистой правдой. Он в самом деле не понимал, что случилось, только знал, что это нечто поразительное, великолепное. И все еще дрожал от пережитого потрясения.

Губы Мэри Роуз заблестели от поцелуя. Тайсон молча наблюдал, как она подносит ко рту пальцы, словно тоже никак не может осознать, что с ней было. Потом она недоуменно моргнула и уставилась на него, отчего Тайсон затрепетал еще сильнее, едва не плача от мучительного желания. — Это.., так мило, Тайсон. — пролепетала она.

Мило? Она считает это милым? Да он трясется как осиновый лист! Тот взрыв, который едва не убил его, — всего лишь милый? Как новая шляпка?

Он снова не сумел совладать с собой. Рванул ее на себя, обнял и принялся иступленно целовать, гладя по спине. Единственное, на что у него хватило воли, — не опускаться ниже талии. Она ему пока не жена.

Но он не мог не целовать эти сладкие губы, маленький подбородок, нос, лоб, веки. Сколько еще предстоит увидеть, ощутить, попробовать на вкус!

— Будь моей женой, — прошептал он, почти не отрываясь от ее губ. — Я больше не вынесу этого, Мэри Роуз. Ты должна мне уступить. Все будет хорошо. Ты станешь вести ученые беседы

с Максом, а его будет распирать от гордости. Эллис и Монро захотят по ночам спать у тебя в ногах. И все мы будем жить долго и счастливо. Выходи за меня.

Честно говоря, он был уверен, что упадет и скончается на месте, если она опять ему откажет, не пожелает стать его женой и принадлежать ему вечно.

Тайсон не мог остановиться. Он продолжал осыпать ее поцелуями, пока она не застонала прямо ему в губы. Этот еле слышный звук послал по всему его телу волну нерассуждающего вожделения. Только нечеловеческим усилием воли ему удалось сдержать себя.

Тайсон проворно отскочил, дыша тяжело, как загнанная лошадь. Прошло не меньше минуты, прежде чем он взял себя в руки и улыбнулся. Мэри Роуз побледнела. Спаситель, да он ее перепугал!

— Я хочу делать это с тобой, пока мы оба не состаримся и не умрем, — сказал Тайсон и не узнал собственного голоса.

— Я... — Она судорожно сглотнула. — Мне тоже очень хотелось бы. Со мной никогда такого не было. Мне двадцать четыре года, никому не нужная старая дева — так все говорят. Я и не знала, что один человек может подарить другому все эти безумные ощущения. Я не хочу, чтобы это кончалось. Не понимаю, что со мной творится!

— И что именно ты ощущаешь? Возможно, он напрасно спросил, но слова свои назад не возьмет. Он должен узнать.

Под его ошеломленным взглядом Мэри Роуз прижала руку к животу и легонько надавила. Сама она явно не сознавала, что делает. В отличие от Тайсона. Он едва не лишился чувств и сжал кулаки, чтобы снова не наброситься на нее, не швырнуть на мягкую, податливую перину.

— Это как голод. Внутри горит, и почему-то хочется коснуться тебя..., везде.

Невероятным усилием воли он заставил себя сдержаться. Самообладание. Контроль над собой. Немало лет прошло с тех пор, когда он еще позволял себе поддаться этим восхитительным чувствам, которые дарили ему крылья, заставляли вопить от счастья, Только бы не спугнуть ее, подумал Тайсон и осторожно начал:

— Мэри Роуз, будь ты моей женой, ты имела бы право касаться меня где угодно. Поверь, муж и жена могут доставить друг другу непередаваемое наслаждение, по крайней мере я так слышал. Думаю, мы с тобой это сумеем.

— Я боялась, когда Эриксон пытался меня обнять, как ты сейчас. Нет, не боялась..., умирала от ужаса. Разве не удивительно, что с тобой все по-другому? Я больше ни о чем не могу думать. Послушай, Тайсон.. Ты не поцелуешь меня еще раз? Позволишь мне прижаться к тебе всем телом? Ты так отличаешься от меня...

«Господь свидетель, я не перейду ту границу, за которой уже не смогу сдержаться?».

— Я обниму тебя и поцелую, если ты обещаешь стать моей женой, Мэри Роуз. Я викарий и не стану вести себя подобным образом, пока Господь не благословит наш союз. Надеюсь, ты понимаешь, какими обетами я связан. Я совершал в этой жизни много грехов. Но опозорить тебя, уступить недостойному вожделению? Нет, на это я не пойду.

— Понимаю, — вздохнула она, чуть не плача и в то же время искренне им восхищаясь. — Я

тоже не святая. Сколько лет я завидовала Донателле! Иногда грубо разговариваю с мамой. Будь у меня пистолет, умей я его заряжать и стрелять, наверняка прикончила бы Эриксона.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю, получится ли из меня хорошая жена священника.

— Вздор! Ты всего лишь человек, Мэри Роуз, и отнюдь не обязана быть святой. Зависть, гнев, раздражение — вполне естественные эмоции, которые испытывает каждый из нас. Так уж мы созданы. Хочешь знать, что я вижу, глядя на тебя? Прекрасную молодую женщину. Я не слепой. Мне нравится смотреть на тебя. Я все в тебе обожаю; твои волосы, таинственные глаза, лукавую улыбку, особенно носик, такой прямой, узкий и изящный.

Она едва сдерживала смех. В то же время ей хотелось упасть на колени и расплакаться от счастья.

— Тайсон, да перестань же!

— Ни за что! Я вижу безграничную доброту твоей души. Ни злобы, ни подлости, только любовь. Ты слишком долго оставалась одна. Никто о тебе не заботился, не лелеял. Еще мне кажется, что ты очень глубоко все чувствуешь и, возможно, питаешь кое-что и ко мне.

Как ни странно, в этот момент он вдруг понял, что был прав, предлагая этой девушке, о существовании которой неделю назад еще не знал, стать его женой. Именно это — самый разумный шаг в его жизни. То, чего он желал. Он также хотел любить ее, пока они оба не упадут без сил.

Тайсон смутно припомнил то безумное желание к Мелинде Беатрис, которое обуревало его, когда ему было всего двадцать лет и он считал ее своей богиней. Тогда он молился, чтобы Господь позволил ему совершить великие подвиги во имя любимой. Но Господь не ответил на его моления.

Очевидно, все дело в том, что он женился на Мелинде Беатрис очень давно, когда они были совсем молоды. Он старался как мог, но, к сожалению, был плохо подготовлен к семейной жизни. Неопытный мальчишка, он просто не знал, как справляться с неприятностями, трудностями и проблемами, как семейными, так и своей паствы. Потом он стал отцом, а Мелинда Беатрис умерла.

Но теперь все по-иному. Он стал другим. Во многом. Самом важном. И изменили его дети. Они сделали его жизнь богаче, научили состраданию, участию, терпению. Помогли и его прихожане. Он старался быть хорошим человеком, поступать по справедливости, быть им настоящим духовным наставником.

Но никогда раньше он не испытывал простой радости, которую может принести другое человеческое существо, Никто не дарил ему бесконечного тепла, любви и заботы, невыразимой радости жизни. А разве можно забыть волнение, возникавшее при одном взгляде на ее лицо, озаренное улыбкой! Она так неожиданно вошла в его жизнь и наполнила ее новым смыслом, возродив потребность оберегать и защищать. Эта хорошенькая девушка, вернее, взрослая двадцати четырехлетняя женщина, стоявшая перед ним в просторной ночной рубашке, оказалась единственной, кого он хотел видеть рядом всегда. «Боже милостивый, помоги мне убедить ее стать моей женой!»

Велленс-Мэнор

— Она не хочет выходить за меня.

Сэр Лайон с брезгливой гримасой оглядел молодого человека, понуро сидевшего перед ним. Он был так уверен, что Эриксон добьется своего благодаря не только красивой внешности, но и полному отсутствию совести! Считал, что он исполнит поручение как нельзя лучше. Но Эриксон оказался полнейшим неудачником.

— Встань и расправь плечи, черт бы тебя побрал! — приказал сэр Лайон. — Ты еще и не пытался как следует. Увези ее от этого проклятого викария — и дело с, концом!

Эриксон поднял голову.

— Он даже не позволил мне остаться с ней наедине. А его дочь защищала Мэри Роуз чуть не собственным телом! Что мне оставалось делать? Сбить с ног служителя Господня? Запереть маленькую девочку в кладовой?

— Нет, разумеется! Да если бы ты отважился на такое, тебя бы повесили вниз головой!

Сэр Лайон залпом выпил рюмку лучшего французского коньяка, озабоченно потер подбородок и укололся об островок щетины, которую его камердинер Мортимер, пропади он пропадом, пропустил сегодня утром во время бритья, и задумчиво заметил:

— Непременно должен быть способ добраться до нее, похитить из Килдрамми. И викарию придется отступить. Проклятие! Поверить не могу, что она действительно бросилась в реку! Я всегда считал Мэри Роуз покорной, скромной малышкой.

— Она изменилась, сэр! — выпалил Эриксон с таким ошеломленным видом, словно для него самого это было новостью. Но он сказал чистую правду. Вместо того чтобы оцепенеть от страха, как лань при виде охотника, Мэри Роуз удрала в сосновый лес, а потом не побоялась прыгнуть в речку. — Я помню ее маленькой девочкой, — со вздохом продолжил он. — Она и впрямь была тихой, послушной, как вы и сказали. И всегда держалась в сторонке, наблюдала, слушала... Может, она менялась постепенно, понемногу, так, что мы просто не замечали. Но с тех пор стала совершенно другой и отдалилась от нас. Я пробовал все — и ласку, и грубость. Ничего не помогло. Как вам известно, на прошлой неделе она от меня сбежала. И вчера тоже. Не успел я ее поймать, как она кинулась в воду, а течение там бешеное. Но она сильная. Сумела сама, без всякой помощи, выбраться на берег.

Сэр Лайон брезгливо поморщился.

— Она женщина. Нужно схватить ее и держать покрепче, чтобы не улизнула.

Эриксон уставился в пустое жерло камина, затем перевел взгляд на огромный портрет Уильяма Тэтчера Велленса, прадеда хозяина дома, похотливого старого негодяя, наплодившего в округе невиданное количество бастардов.

— В детстве мы с Йеном облазили каждый уголок Килдрамми в поисках потайных ходов, но не нашли ни одного и не встретили никаких призраков. Только все перемазались в паутине и вспугнули полчища крыс. Зато узнали, как проникнуть в замок через узенькую, обвитую плющом дверь, ведущую в закрытый сад как раз под окнами библиотеки. Майлз Макнили, управляющий Килдрамми, вечно там торчит, но я слышал, что скоро он уезжает.

— Да, получил наследство, — кивнул сэр Лайон. — И довольно большое. Впрочем, Майлзу нет дела до Мэри Роуз.

— Самое странное, что ему как раз есть до нее дело. Он вечно спрашивает о ней, при каждом удобном случае встречается с Мэри Роуз и ее матерью. Когда Мэри Роуз была маленькой, он постоянно привозил ей подарки — конфеты и тому подобное.

Эриксон поднялся и начал беспокойно расхаживать по комнате.

"По виду настоящий герой, — подумал сэр Лайон. — Молодой красавец с ясными глазами, высоким лбом и благородной внешностью. Куда привлекательнее, чем бедняга Йен, который слишком много пил. Непонятно, каким образом он ухитрился свалиться с обрыва. Но Йен давно мертв, а живое — живым. Сейчас важнее всего, что Эриксон готов жениться на его племяннице, не обращая внимания на ее позорное происхождение. И милая Донателла воспрянет духом. Он увезет ее в Эдинбург, представит всем завидным женихам от двадцати до восьмидесяти лет. Ее будут обожать, бросаться к ее ногам, слагать в ее честь оды, баловать. Может, тогда она хоть немного успокоится, забудет, что кузина каким-то образом ухитрилась украсть у нее Йена. Никто не поверит, что такое могло произойти. Однако произошло. Сам сэр Лайон не мог взять в толк почему. Правда, теперь вряд ли кто-то помнит, что Йен страдал по Мэри Роуз. Нет, видя кузин вместе, всякий считает, что это Донателла потеряла своего трагически погибшего жениха. А Донателла, благослови Господь ее светлое сердечко, никогда не поправляет соседей, спешащих выразить соболезнования по поводу кончины Йена.

— Сейчас нам не до Макнили, — сказал сэр Лайон, очнувшись от дум. — Пожалуй, твой план не так уж плох. Однако как тебе известно, Гриффины вернулись, а кроме того, к викарию приехали погостить лорд и леди Ашбернем, его сестра и зять. В доме также полно слуг, так что придется быть крайне осторожным. Кстати, ты уже знаешь, как выкрасть ее оттуда?

— Нет, но что-нибудь придумаю. Время не ждет.

— Верно, — согласился сэр Лайон. — Да и у меня есть кое-какие замыслы, которые я попробую осуществить.

Ни один из собеседников не заметил Донателлу, которая подслушивала под дверью гостиной Килдрамми. Голосок Мэри Роуз напоминал тоненький стебель желтой розы, стоявшей в вазочке на каминной доске, когда она пролепетала:

— Вы в самом деле считаете меня, доброй? Брови Тайсона взлетели вверх.

— Доброй?

— Да, только сейчас вы утверждали, что я добрая. Хотелось бы знать: вы действительно этому верите?

Едва заметный намек на ехидство... Превосходно! Но он также расслышал робкую нотку надежды.

Тайсон рассмеялся, схватил девушку и прижал к груди. Потом стиснул ее талию и поднял Мэри Роуз высоко над головой. Волна рыжих волос скрыла ее лицо шелковистым покрывалом. Он с жадностью вдохнул ее сладостный запах, неповторимый запах женщины. Как давно с ним этого не было! Он ничего не забыл, но, поскольку воспоминания не сулили ничего хорошего, постарался спрятать их подальше, в самые укромные уголки души, и с тех пор боялся как огня.

Тайсон не сводил взгляда с девушки с такими густыми роскошными волосами, что хотелось зарыться в них лицом. Он уже не улыбался и выглядел куда более серьезным, чем викарий в церкви.

— С меня довольно, Мэри Роуз. Я не отпущу тебя, пока ты не скажешь «да», Она вцепилась в его плечи и задумчиво спросила:

— А ты правда попросишь котенка у братьев Харкер?

— Обещаю. Однако они могут счесть тебя недостаточно надежной и ответственной. Воспитание скакового кота требует немало труда и беззаветной преданности, а это означает, что ты должна изменить мнение о себе. Если ты сама не считаешь себя достойной, что подумают другие? Кстати, почему ты сомневаешься в собственной доброте?

— Ты первый, кто назвал меня доброй. Боюсь, остальные думают иначе.

— Не слушай никого, кроме меня, потому что я твой будущий муж и к тому же ни разу откровенно не солгал с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать, так что ты просто обязана верить моим словам.

— Не понимаю, что значит «солгать откровенно»?

— Ну, иногда приходится несколько затушевывать правду, чтобы не ранить чужьи чувства. Я научился этому очень быстро. Если не можешь солгать во спасение, лучше молчи. А теперь, дабы доказать свою любовь, даю слово, что, если братья Харкер сочтут тебя хорошей хозяйкой, а скаковой котенок не понравится Эллис и Монро, я жаловаться не буду и не отправлю бедняжку в конюшню.

Он был готов поклясться, что в этот миг ее глаза лукаво блеснули, совсем как у Синджен в лучшие минуты. Однако Мэри Роуз тут же опустила ресницы и пробормотала скромно, как монахиня:

— Если я скажу да, Тайсон, ты поцелуешь меня? «Боже милостивый!» — подумал он.

— погоди! Что, если мы поженимся, а потом ты решишь, что не слишком меня любишь?

— Ну что ты мне нравишься даже пальчики у тебя., на ногах, в том числе тот, который ты сломала в детстве.

Лукавое выражение исчезло из ее глаз. Мэри Роуз вцепилась в его сорочку и возмущенно воскликнула:

— Ты смотрел на мои пальцы?! С чего вдруг? Такое никому и в голову не придет! Когда это произошло?

— Мне пришлось обтирать тебя водой, чтобы снять жар, — деловито пояснил он. — И прекрати истерику. Я не мог никому поручить такое деликатное дело, кроме миссис Макфардл, а ее, по вполне понятным причинам, не позвал. Ты ведь не слышала, чтобы я жаловался или упрекал тебя в том, что ты не давала мне спать всю ночь. Как видишь, характер у меня добродушный.

— Ты видел мой сломанный палец, — растерянно повторила она. Он в жизни не видел более смущенного лица. И наверное, даже больше, чем палец.

— Ну.., честно говоря, да.

— Какой позор, Тайсон! До этого никто не видел меня без одежды. Ужас! Ведь ты мужчина!

— И с этим ничего не поделаешь. Мэри Роуз, если ты немедленно не согласишься, я могу тебя уронить. Хотя ты не слишком толста, мои силы на исходе.

Но она никак не могла решиться. Наконец, к его, величайшему облегчению, медленно кивнула — скорее себе, чем ему, — и прошептала:

— Хорошо, Тайсон. Говорю «да», но лишь потому, чтобы ты не сгорбился раньше времени, как дряхлый старикашка, и не принялся со стонами хвататься за спину.

— Тогда говори.

— Да. Во мне живет надежда на лучшее. Кроме того, я так смущена, что готова проглотить язык. Ладно, сделаем все как полагается. Я стану вашей женой, сэр, и буду молить Бога, чтобы вы не пожалели о своем благородстве.

Он неохотно поставил ее на пол, разжал руки и, чтобы доказать, что он держит слово, приник к ее губам.

День выдался прекрасный. Солнце струилось сквозь выходящие на запад окна. Не успели графиня Ашбернем и Мегги покинуть комнату, как Донателла, с жалостью взглянув на кухню, объявила;

— Выглядишь ты хуже некуда, Мэри Роуз. Хочешь, я расчесу тебе волосы?

Мэри Роуз только усмехнулась. Еще совсем недавно, скажи ей Донателла что-нибудь подобное, она почувствовала бы себя совершенным ничтожеством, чем-то вроде валяющейся под ногами сливовой косточки. Но теперь никакие скрытые оскорбления кухни ее не трогали. Она не сомневалась, что безобразно растрепана, но это сейчас не имело значения ни для нее, ни для Тайсона. Мэри Роуз была счастлива.

— Это так мило с твоей стороны, Донателла, — сказала она. — Сама ты выглядишь такой красивой, когда солнце играет в твоих волосах.

— Спасибо.

— Как моя мать?

— Безумна, как всегда, — небрежно бросила Донателла, подходя к туалетному столику и беря щетку. — Правда, она почти все время молчит. Мама сказала ей, что ты навещаешь подругу в Килдрамми. Больше ничего не потребовалось. Она вышла из комнаты, мурлыча что-то себе под нос.

Щеткой пользовался хозяин дома, решила Донателла, заметив в щетине светлые волоски. Тайсон Шербрук — настоящий красавец и, очевидно, давно нуждается в жене. Правда, он викарий, а значит, скорее всего человек безвольный, слабый, чьи мысли устремлены к возвышенному и духовному. Зато им будет легко управлять. Что ж, об этом стоит подумать!

Она вытащила застрявшие волосы и с легкой улыбкой шагнула к кровати.

— Миссис Макфардл сказала, что ты должна убраться из постели викария. Визжит на весь

замок, что ты не имела права туда ложиться, что скоро все об этом узнают и репутация бедного лорда Бартуика погибнет.

— Меня это не удивляет. Она на все способна, Кроме того, я чувствую себя гораздо лучше и, возможно, уже вечером переберусь в спальню Мегги. В ее кровати, как и в этой, может спокойно поместиться человек шесть.

Донателла цела рядом и принялась работать щеткой. Что за банальный цвет волос! Как у половины шотландцев!

— Мегги — это дочь викария?

— Да. Чудесная девочка. И такая умная! Очень любит отца.

Донателла дернула колтун. Мэри Роуз поморщилась. Но Донателла осторожно распутала клок волос.

— Недавно я видела Эриксона. Он приезжал к папе. Ах, Мэри Роуз, бедняга так расстроен!

Донателла почувствовала, как кузина сжалась от страха, но не выпустила из рук щетки.

— Мэри Роуз, что с тобой? Неужели ты его боишься? Смешно! Он ничего тебе не сделает. Я уверена, что Эрик-сон тебя любит. Оставь эти глупости, выходи за него и увидишь, он будет прекрасным мужем.

— Не думаю, — медленно протянула Мэри Роуз, глядя перед собой. — Я знаю, что ты умеешь вертеть мужчинами, вечно заставляешь их плясать под свою дудку. Но я? Мне такое в жизни не удастся! Кроме того, я никогда не считала, что Эриксон меня любит. Тут ты ошибаешься.

— Почему же он так стремится жениться на тебе?

— Не знаю. Но даже если я и выйду за него, представить не могу, что возьму над ним верх. Ты — дело другое. Ты очень сильная, Донателла.

— Женщина должна быть сильной, иначе превратится в грязную тряпку, о которую вытирают ноги все, кому не лень.

Она снова зацепила колтун, и снова Мэри Роуз поморщилась.

— Я почти закончила. Сиди смирно. — В твои годы я ни о чем подобном не думала. И всегда восхищалась твердостью твоего духа, — призналась Мэри Роуз.

Она представила Тайсона, вытирающего об нее ноги, и покачала головой, в глубине души сознавая, что он никогда не сделает ничего подобного.

— Я не могу выйти за Эриксона, — вздохнула она, сжав руку кузины. Кожа на голове горела огнем. Пожалуй, довольно с нее родственных забот. Донателла опустила щетку.

— Ну вот, теперь его волосы смешались с твоими. Мэри Роуз упрямо покачала головой:

— Я не любила и не люблю Эриксона. Кстати, ты ошибаешься относительно его чувств ко мне. Если бы он в самом деле пылал ко мне страстью, вряд ли попытался бы изнасиловать.

— Изнасиловать? — звонко рассмеялась Донателла. Какой приятный звук! И насколько все

меняется, когда вместе с ним с губ слетает омерзительное слово.

— Вот именно. Причем дважды. Слава Богу, что оба раза мне удалось ускользнуть.

— Да, я слышала об этом, — кивнула Донателла, понижая голос и почти касаясь губами уха Мэри Роуз. — Слышала также, что он изумительный любовник. Спал со многими деревенскими девицами, и поверь, после первой же ночи они ходили за ним по пятам.

Она деликатно повела плечами.

— Может, тебе следовало бы просто довериться ему? Позволь Эриксону взять тебя. Наслаждайся им, используй. Мужчины такие дурачки, когда дело доходит до главного. Я научу тебя, как ими управлять.

— Не имею ни малейшего желания лечь с Эриксоном Макфайлом. Даже представить себе такое не могу'. — Мэри Роуз нахмурилась, глядя на клонившееся к горизонту солнце. — Никак не пойму, почему ему взбрело в голову жениться на мне. Все это не имеет никакого смысла. Я незаконнорожденная. Он действительно пытался меня изнасиловать. Порядочный человек этого не сделает.

— Влюбленному можно многое простить, — возразила Донателла. — Я всегда считала, что влюбленный мужчина поразительно глупеет. Может, мне следовало бы предложить ему свою помощь? Подсказать, как отрезвить тебя? Вероятно, мои методы оказались бы куда более эффективными.

— Я бы предпочла, чтобы ты этого не делала.

Донателла наморщила носик.

— Для мужчин любовь и похоть — зачастую одно и то же. Я сама не раз это наблюдала. Говоря по правде, это даже забавно. Кстати, Эриксон приезжал сюда. Видел тебя больную и все же не отступился. Разве это не говорит о том, что он ослеплен своим чувством?

— Нет.

Донателла подошла к длинному ряду окон, распахнула одно и высунулась наружу.

— Я всегда любила Килдрамми. Еще с детства знала, что здесь мое место и что когда-нибудь он будет моим. Ну разве не странно, что вес так обернулось? Я рассчитывала выйти за Йена и стать здесь хозяйкой, но ничего не вышло. Бессмысленная смерть! Но теперь здесь другой хозяин, к тому же неженатый. Приехал сюда, словно зная, что я рядом, что именно этого хотела. Ты заметила, какие у него глаза? Невероятной голубизны. И он такой стройный. Ни капельки жира, а это уже чудесно!

Донателла обернулась, чтобы проверить, какое действие произвели ее слова на Мэри Роуз, сидевшую поджав ноги.

— Я подумаю обо всем этом, — продолжала она. — Постараюсь проводить больше времени с лордом Бартуиком. Буду наблюдать, как он постепенно глупеет по мере того, как сладострастие берет над ним верх. Ну разве это не забавно? Викарий, возделующий к женщине! Возможно ли такое? Правда, не могу представить себя матерью десятилетней девчонки.

— У него еще двое маленьких сыновей, Макс и Лео. Девяти и семи лет.

Донателла изогнула бровь.

— Трое детей?! Не знала, что викарий способен так неистовствовать в супружеской постели! Интересно, какая у него была жена? Он что-нибудь рассказывал про нее?

— Никогда.

— Впрочем, она уже в могиле, так что это не важно. Думаю, тебе следует прямо сейчас собраться и поехать со мной, Мэри Роуз. Если ты боишься, что Эрик-сон скрывается вблизи Велленс-Мэнор, готовый схватить тебя и увезти, не волнуйся, я сумею защитить свою родственницу. Надеюсь, ты мне доверишься?

Сердце Мэри Роуз забилося с бешеной силой. Донателла хочет вернуть ее в Велленс-Мэнор? Зачем? Что-то тут не так.

Она решительно покачала головой.

— Не могу.

— Значит, останешься и погубишь репутацию бедного викария?

Послышался тихий стук. Мэри Роуз очень захотелось подбежать к порогу, распахнуть дверь, впустить того, кто стоял за ней, но сил не было. Именно поэтому Тайсон покинул ее. Сказал, что она должна поспать. И она послушалась. Дремала, пока Мегги и Синджен не привели к ней Донателлу.

Она, разумеется, не думала увидеть Эриксона, но тем не менее тряслась от страха. Сжалась в комочек на большой кровати, ожидая сама не зная чего. Это оказался Тайсон. Мрачный, не улыбающийся.

Коротко кивнув Донателле, он сказал:

— Мэри Роуз, мне жаль прерывать ваш разговор, но только что приехала ваша мать и хочет вас видеть. Что вы собираетесь делать?

— Мама здесь? Я должна поговорить с ней, Тайсон.

— Разумеется, — кивнул он. — Кстати, моя спина уже отошла после тяжелых испытаний.

Сознавая, что Донателла следит за каждым его жестом, он тем не менее вынул из гардероба халат и протянул Мэри Роуз.

— Вы можете встать? Прекрасно, сейчас я сам его на вас надену.

— Как приятно, когда мужчина хоть изредка, но готов прислуживать даме, сэр, — насмешливо заметила Донателла. — Позвольте мне помочь. Я отведу Мэри Роуз вниз.

— В этом нет нужды, — отказался Тайсон, не оборачиваясь. — Стойте смирно, Мэри Роуз, и не вздумайте упасть в обморок. Держитесь за меня.

Он ловко набросил на нее халат и стянул его поясом.

— Правда, ноги у вас голые, но халат длинный и теплый, так что вы не замерзнете. Готовы?

Мэри Роуз кивнула. Тайсон подхватил ее на руки и вынес из комнаты, оставив Донателлу у окна. Она недоуменно хмурилась, пытаясь понять, что тут происходит.

— Я с радостью стану твоим слугой навсегда, — шепнул Тайсон, шагая по длинному коридору. — А знаешь, когда я иду, ты не кажешься такой уж тяжелой.

Мэри Роуз блаженно улыбнулась и на мгновение прислонилась головой к его плечу. Теплое дыхание согрело его шею. Ей вдруг захотелось, чтобы Тайсон не выпускал ее из объятий, пока выдержит спина. Она вдыхала мужской запах, резковатый, свежий, словно дыхание снега в зимнем воздухе.

— Твоя мать — настоящая красавица, — сказал Тайсон, спускаясь по главной лестнице. Парадные двери были открыты, впуская яркие солнечные лучи.

— Это все знают. Кстати, что будет с ней, когда мы поженимся?

— Придется подумать. Не волнуйся, Мэри Роуз, все образуется.

Образует ли? Ее мать — женщина странная. В худшем случае она действительно безумна, хотя более вероятно — просто пользуется своей мнимой болезнью, чтобы добиваться своего. Ее мать, которая никогда не покидала Велленс-Мэнор. Ее мать, упорно не называющая имени ее отца. И теперь она приехала сюда. Трудно поверить! Что случилось?

Глава 17

Последний раз Гвинет Фордайс сидела в карете полгода назад. Ужасное, изнурительное, тяжелое путешествие в Абердин, на похороны матери. Она ненавидела старуху, но знала, что им с сестрой придется надеть траурные платья, вуали и разыгрывать скорбь, прикладывая платочки к глазам.

Она изумленно раскрыла рот, увидев, как новый лорд Бартуик выходит из замка, держа на руках закутанную в его халат Мэри Роуз. Ноги дочери были неприлично голыми. В мгновение ока Гвинет догадалась, что между этим человеком и ее дочерью что-то есть. Нет, ничего противозаконного, ведь он английский священник! Но при этом не очень похож на человека, всего лишь пытающегося защитить женщину. Ни один из тех, кого знала Гвинет, не станет носить на руках босую девчонку.

Кучер сэра Лайона открыл дверцу, и Гвинет подала ему руку, безмолвно приказывая помочь ей выйти. Глядя на трогательную сцену, она сухо и твердо приказала:

— Ты немедленно вернешься со мной в Велленс-Мэнор, Мэри Роуз. Прости, дорогая, но я твоя мать и не могу позволить тебе жить в одном доме с холостым мужчиной. Он викарий, но его духовное звание не играет роли. По округе и без того ползут нежелательные слухи.

— Здравствуй, мама. Прости, что показываюсь в таком виде, но я еще не совсем здорова.

— Ты прекрасно выглядишь, Мэри Роуз. На твоих щеках играет румянец, ты просто цветешь здоровьем. Вижу, у тебя даже ноги не замерзли. Насчет одежды не волнуйся. Мы отправимся прямо в Велленс-Мэнор, и ты сразу ляжешь в постель. Викарий, пожалуйста, усадите мою дочь в карету.

— Боюсь, что не смогу, мэм, — отказался Тайсон. — Мэри Роуз не чувствует себя в безопасности в доме дяди.

— Вздор! Я ее мать, и она обязана слушаться меня. Здесь нет замужних дам, которые могли бы опекать ее. Немедленно идем, Мэри Роуз!

— Здравствуйте, мадам. Я леди Ашбернем, сестра его светлости. Он специально пригласил меня, чтобы соблюсти правила приличия.

«Превосходно», — подумала Гвинет, улыбаясь прелестной молодой женщине, стройной, длинноногой, полной энергии и так похожей на викария. Да, те же самые поразительно голубые глаза, что у брата.

Какое счастье! Она сдержала обещание, данное сестре и Лайону. Честно следовала их инструкциям. Спорила, отдавала дочери приказы — и вот что из этого вышло!

Она едва удержалась от смеха. Теперь ее миссия выполнена. Присутствие леди Ашбернем успокоит самых строгих критиков, и даже Лайон будет вынужден признать, что свояченица сделала все возможное.

— Рада познакомиться с вами, миледи, — сказала она, любуясь ослепительной улыбкой молодой дамы. Красавцы оба — что брат, что сестра. А викарий к тому же человек сообразительный.

— Мне пора ехать. Мэри Роуз, постарайся не слишком докучать его милости.

— Хорошо, мама. Ты не останешься на чашечку чая?

— О нет! — отказалась мать и кивнула кучеру, который помог ей подняться в экипаж, Гвинет поправила шаль, разгладила ленты на шляпке, наблюдая, как Мэри Роуз застенчиво улыбается викарию.

«Будь счастлива, дорогая», — подумала она, помахав дочери.

— Это твоя мать, Мэри Роуз? — осведомилась Синджен, Девушка кивнула, недоуменно глядя вслед шлейфу пыли, поднятому каретой. Сначала мать говорила все, что полагается, якобы желая вернуть ее в Велленс-Мэнор. Но на самом деле она вовсе не хотела, чтобы дочь ехала. Почему?

— Когда мы только познакомились с твоей матерью, она мне не очень понравилась, — признался Тайсон, — но сегодня, даже когда она говорила нелепости, мне показалось, что она искренне довольна создавшимся положением. Да, оригинальная женщина. Совсем не похожа на тех мамаш, с которыми мне довелось сталкиваться, но любит тебя. Интересно, что бы она придумала, если бы Синджен так и не объявилась?

— Мегги вбежала в гостиную и потащила меня за собой. Сказала, что я должна взять на себя роль дуэньи, потому что сама она чересчур молода и из-за этого никто не принимает ее всерьез, и буквально вытолкнула меня во двор. — Синджен проводила экипаж недоуменным взглядом и покачала головой. — Она не хотела, чтобы ты с ней ехала, хотя делала вид, что возмущена. Ну разве не странно?

— Нет, — решительно возразил Тайсон. — Гвинет Фордайс знает, что Эриксона вскоре наверняка пригласят в Велленс-Мэнор и позволят похитить Мэри Роуз. Она как может

защищает дочь.

Во двор небрежной походкой вышла Мегги и, не глядя на взрослых, направилась к стаду гусей, громко загомонивших при виде девочки. Эта сценка раз повторялась за последние три дня. Только вчера гуси донимали Мегги оглушительным гогогом, пока она не скормила им весь хлеб, который удалось стащить из кухни. Девочка уже хорошо познакомилась с грозными птицами. Сейчас они окружают ее и потянутся к ней клювами.

— О Господи, — ахнула она, — совсем забыла! — Подобрал юбки, она метнулась к замку. — Сейчас принесу им хлеба.

— Мэри Роуз, а вдруг они ущипнут тебя за кривой палец? — поддел девушку Тайсон.

— Какой палец? — заинтересовалась Синджен.

— Только этого не хватало! Не дразнись, Синджен, пожалуйста! Представляешь, Тайсон успел увидеть мои пальцы.

— Правда? Как интересно! Можно подробнее?

— Помолчи, Синджен! А вот и Донателла. Я рад, что она спустилась. Надеюсь, ты успела насладиться ее обществом? — спросил Тайсон у Мэри Роуз.

— Более чем. Она уговаривала вернуться с ней в Велленс-Мэнор. Похоже, там все без меня истосковались. Как твоя спина?

— Думаю, что сумею дотащить тебя до гостиной и влить в рот чашку чая. Я слишком измучен, чтобы одолеть лестницу.

Синджен, тихо ахнув, уставилась на брата, преспокойно поднимавшегося на крыльцо. Сегодня он ведет себя не как обычно. Не зануда с вечно поджатыми губами, от которого и улыбки не дождешься. Нет, теперь он просто светится и, похоже, совершенно переменился: весел, остроумен. И самое главное — кажется по-настоящему счастливым! Сколько лет она его таким не видела, теперь уже и не вспомнить. Она была совсем девчонкой, когда Тайсон решил пойти по пути служения Богу и стал до того серьезным и благочестивым, что просто руки чесались придушить его.

Синджен немедленно дала себе слово, что, если понадобится, убьет любого, кто посмеет обидеть Мэри Роуз.

Войдя в гостиную, они первым делом увидели Донателлу, стоявшую рядом с Колином в весьма интимной позе: подавшись вперед, она положила руку на его рукав. Синджен с одного взгляда оценила обстановку. Донателла в самом деле была прелестна, да и Колин совсем не выглядел несчастной жертвой, как в тех случаях, когда дамам удавалось загнать его в угол.

— Не возражаешь, если я врежу твоей кухне по физиономии? — осведомилась Синджен у Мэри Роуз.

— Может, не надо? Видишь ли, Синджен, его светлость поразительно красив, а Донателла обожает красивых джентльменов.

— Ну, уж этот красавец не для нее, — заверила Синджен и направилась прямехонько к мужу и маленькой потаскушке, которая цеплялась за его рукав, чересчур громко смеясь какой-то

шутке Колина, возможно, не такой уж и остроумной. Зато сам он выглядел так, словно считал себя самым очаровательным и остроумным мужчиной во всем мире.

— А вот и Колин, любовь моя, — сладким тоном начала Синджен, — любовь всей моей жизни, мужчина, бесконечно восхваляющий мою красоту. Надеюсь, ты помнишь, что обещал сходить со мной в ту пещеру, о которой рассказывала Мегги? Она скрыта от посторонних глаз, ее никто не посещает. Там мы могли бы.., ах, не важно, не хочу быть неделикатной. Зато вполне готова доставить тебе несказанное удовольствие.

Она подвинулась ближе, почти оттолкнув Донателлу, приподнялась на цыпочки и прошептала:

— У меня такие планы на тебя, что ты голову потеряешь.

— Я вижу тебя насквозь, дорогая, — усмехнулся Колин, глядя жену по щеке. — Так и скажи, что ревнуешь. И несмотря на то что мы давно женаты, твоя ревность по-прежнему безмерно меня радует. Пещера, говоришь? И я потеряю голову?

— Ну да, — кивнула Синджен, хватая его за руку и поворачиваясь к Донателле с солнечной улыбкой, которая, как она надеялась, уравновесит убийственный холод в глазах. — Простите нас, но мы, можно считать, новобрачные и поэтому ищем темные, уютные уголки. Мой муж — весьма требовательный джентльмен. Так что прощайте, мисс Велленс.

— А я думала, что у них уже несколько детей, — пробормотала Донателла, озадаченно глядя на дверь. — Хотела бы и я уединиться с ним. Что за красавец! Мэри Роуз, ты, похоже, уже совсем поправилась. Готова вернуться со мной в Велленс-Мэнор?

— Мисс Велленс, — вежливо начал Тайсон, опуская Мэри Роуз на диванчик, обитый темно-синей парчой, — боюсь, вы слишком торопитесь. Вам пока придется обойтись без кухни.

— И долго, сэр?

— Я еще не решил. Посмотрим. Когда Мэри Роуз соберется домой, вам сообщат. Вы же вольны ехать в Велленс-Мэнор.

Донателла, кажется, растерялась, чего на памяти Мэри Роуз с ней не бывало. Кухина всегда знала, что делает, но на этот раз столкнулась с более сильным и хитрым противником. Нерешительно кивнув Мэри Роуз, она вышла из комнаты. Воцарившееся молчание прервал Паудер, который, покинув свой вечный пост у входа, приковылял в гостиную и, вежливо кашлянув, сообщил:

— Милорд, миссис Макфардл рвет и мечет. Не знаю, что ей и сказать. Без вас тут не обойтись.

— Спасибо, Паудер, — поблагодарил Тайсон, осторожно взял старика за руку и повел к знаменитому стулу у входа. К счастью, он был достаточно мягким, иначе худосочный Паудер на нем не усидел бы. — Мэри Роуз, — попросил он на ходу, — побеседуй с моей дочерью, когда она накормит гусей и соизволит вернуться.

— Я тоже присоединюсь к их беседе, — вызвался Майлз Макнили, входя в холл и улыбаясь при виде дворецкого, голова которого уже склонилась на грудь.

Тайсон разыскал миссис Макфардл на просторной кухне и без лишних предисловий хладнокровно объявил:

— Мэри Роуз лежит на диване в гостиной. Она, вне всякого сомнения, уже успела проголодаться. Если через десять минут вы не принесете ей поднос с пирожными и горячим чаем, то немедленно покинете Килдрамми. Если же, внося поднос в гостиную, вы не выкажете Мэри Роуз всяческого почтения и не станете мило улыбаться, то также немедленно покинете Килдрамми. Надеюсь, я достаточно ясно выразился, миссис Макфардл?

— Но она незаконнорожденная, милорд! Ей нельзя тут находиться. Общество порядочных людей не для нее. Здешние жители считают вас чересчур мягким, а многие называют распутником.., но это ведь не правда, да? Наверное, раз уж вы викарий, вам стоит следить за собой, чтобы не слишком ревностно заботиться о людях, которые этого не заслуживают. Да, все дело в излишке доброты, милорд. Лорд Бартуик не должен так себя вести. Мэри Роуз не подобает спать в вашей постели. Если она все еще настолько больна, что не может вернуться домой, пусть ночует со слугами. Всего один лестничный пролет, на третьем этаже. Там есть очаровательная комната, которая...

Тайсон снова ощутил непривычную ярость, поразившую и возмущившую его, — эмоциональную реакцию, вмиг уничтожившую всякий самоконтроль, которым он раньше так гордился.

— Довольно, миссис Макфардл, — процедил он. — Должен сообщить, что Мэри Роуз согласилась стать моей женой, Экономка застыла на месте. В ее глазах появился ужас.

— Либо вы примете ее как свою госпожу, леди Бартуик, и станете обращаться с ней соответственно, либо вы уволены, и немедленно. Решение за вами. А теперь мы ждем чая в гостиной. Десять минут, миссис Макфардл, не больше.

Круто повернувшись, Тайсон направился к выходу. За его спиной раздался тихий возглас изумления. Он остановился и счел нужным добавить:

— Вы первая, кто услышал эту новость. Могли бы поздравить меня и пожелать счастья.

— О Господи, — вздохнула экономка. — Подобные перемены крайне нежелательны. Я так и знала, что англичанин принесет нам одни несчастья. Однако если вам так угодно, поздравляю вас, милорд.

За перепалкой с миссис Макфардл Тайсон совершенно забыл о миссис Гриффин. Войдя в гостиную, он обнаружил, что та сидит в глубоком кресле с выцветшей обивкой, которое по ее приказанию мистер Гриффин придвинул к дивану, где лежала Мэри Роуз. Как раз в тот момент, когда в дверях появился Тайсон, миссис Гриффин, постукивая палкой по ковру, визгливо объявила:

— С меня довольно, Мэри Роуз! Ты поедешь со мной: в Эдинбург.

— Мэри Роуз согласилась стать моей женой, миссис Гриффин.

Мегги живо откликнулась:

— Правда, папа? Какая чудесная новость! Мэри Роуз, ты действительно выйдешь за папу? И будешь жить с нами? — Она пересекла гостиную, на бегу стряхивая крошки с юбки, бросилась на пол рядом с Мэри Роуз и обняла ее колени. — Вот уж не ожидала! Какое счастье!

Нам будет так весело вместе... Я ужасно счастлива! — Дитя, немедленно придержи язык. Тебе следует сидеть в детской и читать книгу или что там еще полагается делать детям...

Тайсон, не в силах сдержаться, усмехнулся:

— Миссис Гриффин, моя дочь хочет поближе познакомиться с будущей мачехой. Кстати, скоро подадут чай. Паудер, в чем дело?

Старик дворецкий прислонился к косяку, радостно улыбаясь и показывая последние оставшиеся зубы.

— Поздравляю, милорд! Это просто чудесно! Теперь я стану еще нужнее, чем прежде. Может, Мэри Роуз возьмет меня в горничные.

Миссис Гриффин, словно ее и не прерывали, надменно продолжала:

— Мэри Роуз, мы покидаем замок через полчаса, сразу после того как выпьем чай. Конечно, ты для меня тяжелое бремя, но я всегда выполняла свой долг. Ты можешь быть моей компаньонкой, камеристкой и даже растапливать камин по утрам. Я готова платить тебе..., немного, чтобы хватило на кое-какие пустячки. А теперь вставай и одевайся. Ты должна...

— Мегги, — перебил Тайсон, — я хочу, чтобы ты вышла во двор и проверила, хорошо ли наелись гуси. Нет, не спорь со мной. Иди, и все.

Все молчали, пока девочка с явной неохотой не вышла из комнаты. Макнили проводил Паудера на его законное место. В гостиной остались только Гриффины, Тайсон и Мэри Роуз. Жаль, что ей придется выслушать это! Но необходимо расставить точки над и.

— Я больше не желаю этого терпеть, миссис Гриффин, — объявил Тайсон и, взглянув на Мэри Роуз, едва не сорвался. Она плакала, беззвучно, бесшумно, только по щекам непрерывно струились слезы. Сколько жестокости ей пришлось вынести за ее короткую жизнь! Злобные слова, терзавшие душу и ранившие так сильно, что она не сумела скрыть боль. Тайсон считал, что она могла бы уже привыкнуть, но, как оказалось, ошибался. Он испытывал непреодолимое желание прикончить сначала миссис Гриффин, а потом экономку.

Ярость сделала его сильным и безжалостным. Готовым ринуться в битву и не щадить никого, — Я хочу, чтобы вы немедленно убрались из моего дома. Даю вам пять минут, не больше. Вы мерзкая, грязная старуха. Никогда не встречал людей, более отвратительных, чем вы и ваш муж. Не желаю больше вас видеть. Двери Килдрамми отныне для вас закрыты. Надеюсь, я достаточно ясно выразился?

Миссис Гриффин, побагровев от бешенства, вскочила, но Тайсон хладнокровно продолжал;

— Вон из моего дома — оба и если вы посмеете вернуться, я велю удалить вас силой. Нет..., собственноручно вышвырну за ворота.

За спиной раздался изумленный возглас миссис Макфардл. Взглянув на часы, Тайсон увидел, что она опоздала как минимум на пять минут. Что ж, предлог идеальный.

— Миссис Макфардл, — с расстановкой произнес он, — вы последуете за миссис Гриффин. Кажется, она нуждается в компаньонке, судомойке, горничной и камердинере. Не сомневаюсь, что вы одна сумеете достойно выполнить все обязанности разом, и тогда она даже соизволит заплатить вам..., немного, чтобы хватило на кое-какие пустячки. Как только гостиная опустела, Тайсон запер двери и подошел к Мэри Роуз, которая по-прежнему жалобно всхлипывала, вытирая глаза рукой. Еще не до конца успокоившись, Тайсон мягко сказал:

— Мне так жаль, Мэри Роуз. Это я виноват. Следовало сразу заткнуть рот старой ведьме, а еще лучше — выгнать ее, когда она переступила порог моего дома во второй раз. Дорогая, прости меня. Я был слеп, совершенно слеп. Твоя вторая мучительница, миссис Макфардл, тоже уберется. Он опустил на диван рядом с ней. В ее глазах застыла боль.

— Мэри Роуз, — прошептал он, сажая ее к себе на колени и принимаясь укачивать. — Все будет хорошо. Я позабочусь о тебе. В твоей жизни отныне не будет ни жестокости, ни ненависти. Доверься мне, милая!

Он прижался щекой к ее макушке. Мэри Роуз молчала, безвольно лежа в его объятиях. Тайсон не знал, сколько это продолжалось, и очнулся, лишь услышав голос Мегги и легкий стук в дверь. Он отстранился и посмотрел в лицо Мэри Роуз. Она выглядела измученной, смирившейся, побежденной, и у него сжалось сердце. Но он не станет ее жалеть. Ни к чему хорошему это не приведет.

Тайсон чмокнул невесту в нос.

— Не знаешь, кто мог бы приготовить нам ужин?

Глава 18

Мэри Роуз услышала легкий шум, скорее — шорох, совсем близко, почти над ухом. Похоже, мужской голос, едва слышный, что-то ей объясняющий, но что?

Она вздрогнула, сообразив, что это не сон, и хотела крикнуть, но сильный удар оглушил ее и она упала на подушки.

Эриксон откинул волосы с ее лба и с минуту смотрел на ее тускло освещенное единственной свечой лицо. Он должен был сделать это, другого пути не было.

Он отшвырнул одеяло и выругался себе под нос. Опять она в рубашке этого чертова викария! Ничего, он заодно напаялит на нее и его халат. Он завернул Мэри Роуз в халат, взвалил на плечо и, подойдя к двери спальни, осторожно выглянул наружу. Никого. И не так уж темно, поскольку несколько спален стояли открытыми и в окна лился лунный свет. Даже свеча не понадобится!

Все, что остается сделать, — это дотащить Мэри Роуз до библиотеки и вынести в сад через скрытую шторами дверь. А там уже совсем легко: рядом увитая плющом калитка и лошадь, привязанная неподалеку от замка. Все идет как по маслу. Он придумал превосходный план. Жаль, что пришлось ударить ее, чтобы не завопила, но все это пустяки, а потом она, конечно, простит его. Новобрачная просто обязана прощать своего мужа! Интересно, а его мать простила отцу хоть пустяковый проступок? Нет, такое даже вообразить невозможно! Эриксон твердо верил, что отец и умер потому, что пытался любым способом сбежать от жены. Было уже за полночь. Все спали. Эриксон немного помедлил, прислушиваясь, и вспомнил, как вчера за ужином мать рассказывала, что все в округе только и говорят что о новом лорде Бартуике, который выгнал из своего дома не только Гриффинов, но и бедняжку миссис Макфардл, честно трудившуюся в замке много лет. Эриксон всегда ненавидел миссис Макфардл, эту старую змею, за то, что она плохо обращалась с Мэри Роуз. Он задумчиво нахмурился. По правде говоря, экономка ненавидела всех, особенно детей. Мэри Роуз... Сейчас ее обмякшее тело давит ему на плечи, волосы щекоют щеки. Нет, он не будет терзаться угрызениями совести. Все равно другого выхода не было. Один шаг, второй..., нужно ступать потише. Мэри Роуз не так много весит, он вполне способен вынести ее из замка. Но тут он услышал звонкий смех, доносившийся из комнаты, расположенной дальше по коридору, Женский смех. Неужели в

такой час кто-то может смеяться? Повод вполне очевиден. Его подозрения подтвердились, когда снова раздалось хихиканье, а затем он услышал мужской голос. Кто-то пробежал босыми ногами по деревянному полу. Эриксон замер в неудобной позе посреди коридора, гадая, что теперь делать, когда дверь проклятой комнаты распахнулась и оттуда выбежала женщина в развевающемся белом одеянии, все еще хохоча и оглядываясь на мужчину, спешившего за ней по пятам. Эриксон даже рот раскрыл, увидев, что преследователь совершенно голый. Сначала ему показалось, что это викарий забавляется подобным образом, но мужчина был ему не знаком. Должно быть, это сестра викария и ее муж. Но что они делают тут ночью, да еще в таком виде? Спаситель, неужели в их спальне нет кровати?! Женщина неожиданно метнулась в тень и застыла как статуя. Сейчас она была всего футах в десяти от Эриксона. Муж в костюме Адама подбежал к тому месту, где она стояла, но остановился, поднял повыше свечу и встретился лицом к лицу с незванным гостем. Это несправедливо, дьявол, это просто несправедливо! Эриксон в сердцах выругался во весь голос. Проклятие. Он столько трудов положил на обдумывание деталей! И все шло идеально, пока шлюха-удача не изменила ему и он не наткнулся на влюбленную парочку, вздумавшую пошалить в коридоре.

— Она моя, пропадите вы все пропадом! — завопил он вне себя от бешенства и отчаяния прямо в лицо Колину. — И никто мне не помешает!

В первый момент Колин не поверил собственным ушам.

— Ах ты, гнусный слизняк, подлый ублюдок! Никак выкрал Мэри Роуз? Синджен, немедленно сюда!

Эриксон краем глаза заметил мелькнувший белый подол. Мужчина вручил жене свечу, но Эриксон не стал ждать. Повернувшись, он ринулся прочь со всей возможностью, хотя бежать мешала Мэри Роуз. За ним по пятам гнался обнаженный незнакомец.

Тут Мэри Роуз, очнувшись, застонала и стала вырываться.

— Нет, Эриксон! Ты сума сошел! Отпусти меня, дурак! Она билась так сильно, что он пошатнулся, но не упал. Тогда она вцепилась ему в волосы и стала дергать изо всех сил.

— Черт, Мэри Роуз, да прекрати же! И успокойся. Мы уйдем отсюда вместе.

Они все-таки рухнули на пол, да так неудачно, что Эриксон придавил Мэри Роуз. Та закричала. Колин растерянно стоял над ними, а Синджен в широкой белой рубашке, обвившейся вокруг ног, держала над ними свечу.

— Он раздавит меня, — с трудом проговорила Мэри Роуз. — Хорошо, что вы подросли вовремя, хотя не пойму, как вы здесь оказались.

— Не важно, — отмахнулся Колин, становясь на колени рядом с Эриксоном, который продолжал лежать неподвижно, глядя на врага снизу вверх.

— Какой позор! — возмущился незадачливый похититель— Хоть бы прикрылся. Негоже стоять с голым задом! Неужели у тебя совести нет? Здесь дамы.

— Закрой глаза, — велел Колин, обращаясь к Мэри Роуз. Она немедленно послушалась. Колин схватил Эриксона за шиворот, дернул на себя. Завязалась потасовка. Эриксон был силен, дрался, не соблюдая правил, и, возможно, сумел бы вывернуться, если бы не Синджен. Увидев, что кулак Эриксона врезался в живот мужа, она взвизгнула и запустила в противника подсвечником. Тяжелое основание ударило его в скулу. Подсвечник отскочил на пол и

покатился, изрыгая огненные брызги.

— Осел безмозглый! Оставь в покое Мэри Роуз! — завопила храбрая дама, вцепившись в Эриксона ногтями. Он понял, что попал в переplet. Невозможно бороться с обезумевшей женщиной, тем более что пахнет от нее восхитительно, чем-то вроде фиалок, а это очень отвлекает. Да еще ее муж пытается оторвать ему руку!

Эриксон в отчаянии ударил женщину в плечо, отбросив на обнаженного мужчину, вскочил и снова пустился бежать. Правда, он не знал, как выбраться из замка, но это его не остановило.

Вдруг прямо перед его носом распахнулась дверь, и оттуда выскочил человек, на ходу застегивая штаны. Викарий! Хорошо, что не совсем голый.

— Я ее оставил, — поспешно пробормотал Эриксон, раздумывая, не сбить ли ублюдка с ног, да так, чтобы два часа провалялся без чувств, но почему-то не решился. Казалось бы, служитель Божий не может выглядеть грозным и разъяренным, но, как выяснилось, всякое бывает.

Эриксон быстро повернулся и снова наткнулся на Колина и Синджен. Все трое повалились на пол. Тайсон увидел, что навстречу ему спешит Мэри Роуз, подняв подол выше колен одной рукой и держа в другой злополучную свечу, которая, к счастью, не наделала пожара и не потухла, хотя пламя угрожающе колебалось.

— Он пытался похитить ее, Тайсон — крикнул Колин, вставая и подавая руку жене. — А ты, Мэри Роуз, поскорее закрывай глаза.

На этот раз она не послушалась, а сняла с себя халат Тайсона и бросила Колину. Тот со смехом накинул его и плотно запахнулся. Все четверо окружили Эриксона, у которого хватило ума не сопротивляться. Похоже, он верно оценил обстановку и помял, что ему не выстоять. Он до сих пор не мог поверить, что проиграл, и осыпал проклятиями себя, упрямство Мэри Роуз, а заодно сэра Лайона — за то, что втравил его во все это. Тайсон, расставив ноги и подбоченившись, молча смотрел на Эриксона. Под его упорным взглядом тот с каждой минутой все больше терял уверенность в себе. Очень тихо, голосом, совершенно не похожим на свой обычный, Тайсон осведомился:

— Он причинил тебе боль, Мэри Роуз?

— Ударил по голове, чтобы я не кричала, но не слишком сильно.

— Эриксон, ты пытался похитить ее и изнасиловать?

— Нет, провались ты в ад! — прошипел Эриксон, неподвижно лежавший на полу. — Я собирался снова сделать ей предложение. Неужели ты не понимаешь? Я с ума по ней схожу и должен ее получить. Не буду я ее насиловать, если она одумается, послушается разумного совета и согласится стать моей женой. Кровь Христова, я хочу ее! Никто не посмеет назвать мою жену ублюдком. Она будет в безопасности. Я сумею ее защитить.

Кровь громко стучала в висках, и с Тайсоном вдруг случилось то, чего никогда не бывало за всю его взрослую жизнь. Он потерял самообладание и не помня себя набросился на Эриксона, схватил за воротник и рывком поставил на ноги.

— Все это ложь, и ты сам это знаешь. Не понимаю, с чего вдруг ты воспылил к Мэри Роуз такой страстью, но обязательно выясню, прежде чем позволю тебе покинуть Килдрамми. А скорее всего, жалкое подобие человека, я тебя просто прикончу.

Он не слышал ни воплей Мэри Роуз, ни голоса сестры, умоляющей его успокоиться, вспомнить, кто он. Но сумел расслышать просьбу Колина:

— Когда разделаешься с ним. Тайсон, отдай мне. Я dokonчу то, что ты начал.

С тех пор как Тайсон покинул родной дом, он ни разу не ударил человека. Дома он, естественно, каждый день боролся с братьями и, чтобы победить, научился драться так же отчаянно, как они. Теперь Тайсон колотил Эриксона кулаками куда попало; в лицо, в живот, в пах, ударил о стену и даже улыбнулся, когда его голова со стуком врезалась в дубовую панель. Но Эриксон, немного оправившись, тоже не стоял смиренно и отвечал ударом на удар.

— Давай-давай, — подбадривал Тайсон и, схватив его за правую руку, стал отгибать ее до тех пор, пока Эриксон не ухитрился лягнуть его в ногу и вырваться.

— Я ничего такого не сделал! — завопил Макфайл, целясь кулаком в скулу Тайсона. К счастью, тот в самый последний момент успел перехватить его руку.

— Поганый ублюдок! — прошипел Тайсон и, снова накинувшись на него, принялся месить, как тесто. Он пришел в себя, только когда чьи-то руки оттащили его, попытался высвободиться и вдруг донял, что это плачущая Мэри Роуз. Мэри Роуз плачет? Но почему? Они спасли ее, и теперь он расправляется с Макфайлом, которого следовало бы удушить еще при рождении. Тайсон стряхнул девушку и сдавил Эриксона железной хваткой. Тот, успев немного отдышаться, ударил Тайсона в живот, и мужчины покатались по полу, отчаянно ругаясь. Наконец Тайсон ухитрился прижать Эриксона спиной к коврику и уселся на него верхом, ощутив в этот момент безумную радость. Улыбнувшись поверженному врагу, он принялся обрабатывать его физиономию.

— Довольно! — взмолилась Мэри Роуз. — Оставь его, Тайсон.

— Верно, сейчас моя очередь, — согласился Колин, подходя ближе. — Она права, Тайсон. Довольно с него. Ты, пожалуй, слишком увлекся. Дай и мне возможность потрудиться над ублюдком.

Но Тайсон, даже не поднимая головы, снова оглушил Эриксона, уже почти бесчувственного и не имевшего сил сопротивляться.

— Хватит, — вмешалась Синджен, стоявшая над братом с удивленно раскрытыми глазами. Она не могла понять, что происходит. Тайсон буквально измочалил шотландца, но не пожелал остановиться. Хорошо еще, что он просто держит Эриксона за шею и не пытается его задушить. Ну вот, кажется, брат приходит в себя и вновь обретает самообладание. Увы, она ошиблась. Он снова душил Эриксона.

Синджен положила руку на его обнаженное плечо и очень мягко сказала:

— Тайсон, дорогой, успокойся. Все кончено. Ты достаточно его наказал. Прекрати, иначе потом не простишь себе, уж я-то тебя хорошо знаю. Не хочу, чтобы ты терзался сознанием собственной вины и думал, что твоя душа будет гореть в аду. Остановись. Немедленно.

Ее слова растопили остатки ярости, заставили викария ощутить во всем теле боль от ударов противника. Сердце забилось ровнее. Тайсон поднялся, встал над Эриксоном и, не повышая голоса, объявил:

— Если ты когда-нибудь посмеешь подойти к Мэри Роуз ближе чем на пятьдесят футов, считай

себя мертвецом.

— Мы тоже не будем сидеть смиренно. У кого-то обязательно найдется нож или ружье, — поддакнула Синджен. — Господь простит моему брату его поступок, потому что такой злобный пакостник, как ты явно должен гореть в адском огне.

— Кстати, — вмешался Колин, — я, как и мой шуринок, сгораю от желания узнать, для чего тебе вдруг понадобилась Мэри Роуз. Истинно влюбленный не пытается взять девушку силой или похитить против ее воли. Почему тебе так срочно захотелось жениться на ней? Ну, признавайся же, и, может, мы сохраним тебе жизнь.

Эриксон, весь в крови, лившейся из сломанного носа и раскроенной губы, покрытый синяками и ссадинами, едва мог говорить.

— Вы ошибаетесь, — промямлил он, — У меня нет никаких корыстных мотивов. Я люблю ее и хочу на ней жениться. Честное слово, я не лгу! Других причин, кроме моей искренней привязанности, нет.

Он взглянул на Мэри Роуз, белую как полотно, стоящую в чересчур длинной и просторной рубашке, и вдруг воскликнул:

— Ты должна согласиться! Должна, иначе мне конец! Колин нахмурился.

— Твои красивые уверения — ложь. Я это чувствую. Не пытайся меня обмануть. Эриксон мгновенно осекся, — Мэри Роуз, поднеси свечу ближе, — попросил Колин, — чтобы я смог получше рассмотреть этого идиота. Прекрасно. В таком виде он мне даже больше нравится. А тебе, Мэри Роуз?

— Нет.

Колин вгляделся еще пристальнее.

— Пожалуй, она права. Уж поверьте, сэр, мы выьем из вас правду. Берегитесь, иначе я буду держать вас, пока Тайсон станет вколачивать вас в пол. Понял, ты, двуличная тварь?

Эриксон тяжело вздохнул, догадываясь, что так просто от него не отстанут.

— Мне больше нечего сказать, — упрямо повторил он, — Я совершенно невинен, если не считать моей страсти к Мэри Роуз.

Колин присел на корточки, схватил Эриксона за грудки, слегка приподнял и с силой ударил головой об пол. Эриксон взвыл.

— В тебе нет ни капли любви к Мэри Роуз и, вполне вероятно, ни к какой другой женщине. Выкладывай правду, причем немедленно, если не хочешь, чтобы я вышиб из тебя мозги!

Тайсон прислонился к стене, молча наблюдая за происходящим.

— Чертов священник! — завопил Эриксон. — Как ты можешь позволять этому типу так обращаться со мной? Я и без того полумертв после того, как ты меня отделал! Останови его, ради Бога! Останови!

— И не подумаю, пока не признаешься, — отмахнулся Тайсон, с преувеличенным вниманием рассматривая сбитые костяшки пальцев.

— Мне не в чем признаваться, мерзавцы вы такие!

— Пожалуй, я сменю тебя, Колин, — решил Тайсон, шагнув к дерущимся.

Мэри Роуз и Синджен бросились на помощь, встав между мужчинами и Тайсоном. Обе женщины смотрели на Эриксона, как на противного слизняка, выползшего из-под камня.

Колин снова наклонился и попытался его встряхнуть. Эриксон застонал.

— Довольно! Дьявол, у меня и без того все зубы шатаются! В сотый раз повторяю: мне нечего сказать! А если вы меня убьете, вас повесят.

— Тайсон, ты куда?

— Стожу за ружьем. Нельзя допустить, чтобы он в один прекрасный день опять попытался изнасиловать Мэри Роуз и принудить выйти за него. Нет, уж лучше отделаться от него раз и навсегда, тем более что он не хочет открыть нам истинную причину того спектакля, который так мелодраматически разыгрывает. Ничего другого не остается.

— Будем тянуть жребий, кому стрелять, — оживился Колин.

— Я тоже хочу участвовать, — заявила Мэри Роуз. — Надоело его бояться! Всех все равно не повесят.

— Не повесят, — согласилась Синджен. — Иди за ружьем, Тайсон.

Эриксон переводил растерянный взгляд с одной мрачной физиономии на другую. Похоже, они не шутят. Значит, в самом деле все кончено.

Он прерывисто вздохнул.

— Чтоб вам сгореть в аду! Я должен жениться на Мэри Роуз, потому что она вовсе не бедна. Наоборот, богата, очень богата. Отец оставил ей деньги.., нет, я не знаю, кто он, только ее матери это известно, ведь это она задирала перед ним юбки. Как бы то ни было, в Английском банке лежит куча денег. По завещанию Мэри Роуз получит их, либо когда выйдет замуж, либо по достижении двадцати пяти лет. Мне нужны ее деньги, неужели не понятно? — Эриксон взглянул на девушку, чье лицо оставалось в тени. — В следующем месяце тебе как раз исполнится двадцать пять, Мэри Роуз. Если до тех пор ты станешь моей, я получу твое состояние. У Донателлы всего пять тысяч фунтов, этого мне мало.

— И о какой же сумме идет речь? — осведомилась Синджен.

— Не знаю. Сэр Лайон утверждал, что о сотнях тысяч. Старик, назначенный душеприказчиком, не пожелал сказать, сколько именно, только уверял, что даже самый алчный человек будет доволен.

Новая волна ярости застала глаза Тайсона красной пеленой, а сердце билось так, словно вот-вот выскочит из груди. Отодвинув женщин, он наклонился, дернул Макфайла на себя и снова стал орудовать кулаками, не соизмеряя сил и без всякой жалости. На этот раз его оттащил Колин. Тайсон замахнулся было и на него, но Синджен отчаянно закричала:

— Остановись, брат! Все кончено. По крайней мере теперь мы знаем правду. Этот гнусный червяк проиграл по всем статьям!

Мэри Роуз осторожно протиснулась между мужчинами, обняла Тайсона и прижалась губами к его голой груди. Он стиснул ее в объятиях, вдыхая нежный аромат, зарываясь лицом в душистые локоны.

— Ты вступил в сговор с дядей Мэри Роуз? — продолжал допрашивать Колин, зорко следя за Эриксоном, хотя понимал, что тот вряд ли способен улизнуть в таком состоянии. Но если это все же произойдет, Тайсон не совладеет с собой и придушит негодяя. Нельзя этого допустить. Ни в коем случае. Подобный поступок навсегда уничтожит Тайсона, раздавит его душу, обречет на вечное проклятие.

— Д-да, — выдавил из себя Эриксон, понимая, что отпираться бесполезно. — После свадьбы я должен отдать ему десять тысяч фунтов, а за это он обещал обеспечить мне доступ в Велленс-Мэнор, чтобы я попытался убедить Мэри Роуз, потому что в любом другом месте она не пожелала бы меня слушать.

— А Донателла? Ведь ты всегда хотел именно ее, не так ли? — удивленно спросила Мэри Роуз.

Эриксон потер ноющую челюсть, вытер окровавленный нос и презрительно бросил:

— Да ты ничто в сравнении с ней! Ты не глупа, Мэри Роуз, и не слепа. Наверняка сама восхищалась ее красотой. Мэри Роуз слегка подняла брови.

— Ничего не понимаю. Женившись на мне, ты упустил бы Донателлу. Она ни за что не согласилась бы стать твоей любовницей. Даже получив мои деньги, ты все равно был бы несчастен. — Об этом обещала позаботиться моя мать. Она женщина волевая и уверила, что в скором будущем все устроится отлично. Якобы все деньги получит она, а мне достанется то, о чем я мечтаю. Следовательно, Донателла была бы моей.

— Ты хочешь сказать, что твоя мамаша задумала расправиться с Мэри Роуз? — ахнула Синджен. Она с отвращением взирала на негодяя, не в силах поверить, что на свете существует подобное зло.

Эриксон пожал плечами и болезненно поморщился. На его теле не осталось живого места, и даже колени он ушиб, когда пытался сбросить с себя проклятого викария.

— Глупости! Моя мать не убийца. Не знаю, что она намеревалась делать, но убивать?..

Синджен размахнулась и от души пнула Эриксона ногой под ребра. Тот застонал, хватаясь руками за живот.

— Снова лжешь, ты, жалкий.., даже слова не подберу! Совершенно очевидно, что — либо твоя мамаша, либо ты расправились бы с Мэри Роуз и тогда ты завладел бы не только деньгами жены, но и Донателлой. Ад и проклятие, какой же ты подлец! Что же до твоей ведьмы-матери, ее и пристрелить не жалко. Причем немедленно!

— Не могу поверить, — прошептала Мэри Роуз, не отрываясь от груди Тайсона. — Значит, я богата? Почему мама никогда об этом не говорила? Заставила меня поверить, что мы просто бедные родственницы, во всем зависимые от ее сестры и дяди Лайона!

— Возможно, твоя мама боялась, что ты ей не поверишь, — высказал предположение Тайсон. — Ведь верно?

— Скорее всего ты прав. Но она могла хотя бы попытаться.

Мэри Роуз ощутила привычную боль. Никогда ей не понять маму, никогда!

— Но откуда дядя Лайон узнал о деньгах? — Твоя мать сама ему сказала после того, как он пригрозил выкинуть вас обеих из Велленс-Мэнор, — с трудом шевеля разбитыми губами, ответил Эриксон. — Думаю, он хотел переспать с Гвинет, а она ему отказала. Трудно судить ее за это. Он старик, весь в морщинах и со зловонным дыханием. Она уверила его, что денег там целые горы, потому что твой отец очень богат. Пообещала, что поделится с зятем, если он оставит вас в покое. Вот он и придумал план, как добраться до денег, но только съездив в Эдинбург и убедившись, что она не соврала.

Он неловко повернулся на бок и, кряхтя, стал подниматься.

— погоди! — воскликнула Мэри Роуз. — Если слухи о наследстве исходят от моей матери, возможно, это не правда. Всем известно: она не в себе, причем довольно давно. Что, если она просто упростила того человека в Эдинбурге подыграть ей?

Эриксон покачал головой:

— Нет. Твой дядя нашел и расспросил человека, который должен исполнить волю покойного. Он тоже не сказал, кем был твой отец, но подтвердил, что на твое имя положены деньги, и весьма солидные.

Мэри Роуз недоуменно заморгала, не в силах осознать сказанное. Она больше не бедная родственница! Теперь ей все нипочем!

— Но ты должен был жениться, прежде чем ей исполнится двадцать пять, или не получил бы ни пенса? — уточнил Колин.

Эриксон кивнул, стоя на четвереньках и тяжело дыша.

— А как же, — вмешалась Синджен. — Иначе Мэри Роуз забрала бы деньги и уехала с матушкой куда глаза глядят.

— поверить не могу, — призналась Мэри Роуз. — В жизни такого не предполагала! Наверное, отец любил меня, если оставил столько денег...

Тайсон хотел посоветовать ей не слишком обольщаться, но промолчал и хищно уставился на шею Эриксона, Воображая, как сжимает пальцы и медленно-медленно его душит... Нет, нельзя находить радость в чем-то подобном. Священник должен нести добро! Он остановился перед Эриксоном и взглянул ему в глаза:

— Тебе известно, что мы с Мэри Роуз собираемся обвенчаться? Она станет моей женой. Ты проиграл. Все кончено.

— Да, миссис Макфардл разнесла по всей округе, что вы женитесь на ублюдке и что она ничего не понимает. Не иначе как Мэри Роуз обманом заставила вас сделать предложение. Специально облилась водой из реки, вывалилась в колючках и явилась в замок в надежде, что вы ее пожалеете. А потом ухитрилась соблазнить. И поскольку вы викарий со своими понятиями о чести и благородстве, то и посчитали себя обязанным жениться.

Тайсон невольно расхохотался и крепче обнял Мэри Роуз.

— Скажи, Эриксон, ты можешь представить ее соблазняющей кого бы то ни было?

Эриксон был вынужден покачать головой. Его тут же затошнило. В животе словно кишки переплелись. Ребра, кажется, переломаны. Он старался не шевелиться. Он не унижит себя окончательно, выbleвав на пол Килдрамми содержимое желудка!

Но сил не осталось. Эриксон со стоном привалился к стене и закрыл глаза.

— Поэтому я и действовал быстро, — пробормотал он. — Обвенчайся вы — и все пропало бы.

— Понятно, — кивнул Тайсон. — Хотя ты мог бы попытаться убить меня.

— Нет, я не преступник.

— Теперь я богата, — ошеломленно прошептала Мэри Роуз. — И тебе... — не разжимая объятий, она прильнула к Тайсону, — тебе незачем жениться на мне. — Она немного отстранилась и подняла глаза на Тайсона. — Я возвращаю вам слово, сэр. Вы свободны.

— Ни за что! — воскликнул Тайсон. — Такая свобода мне не нужна!

Эриксон, лежа на боку, держался за живот.

— Верно, Мэри Роуз, тебе совсем не нужно за него выходить. Советую хорошенько подумать. Ты знаешь викария всего неделю, а меня — всю жизнь. Я всегда был добр к тебе, никогда не издевался и не дразнил. Мы вместе плавали с дельфинами. Это я научил тебя плавать, помнишь? Послушай, викарию ни к чему деньги. Ему нужна лишь покорная паства, которой он может внушать страх перед Богом. Для этого существуют церкви. Как только люди входят туда, огромные двери закрываются и выйти уже нельзя. Тогда викарий волен грозить прихожанам вечными муками за грехи, взывать к их совести. Но стоит наполнить блюдо для сбора пожертвований, он сразу добреет. Людям становится легче, а он чувствует себя выше всех окружающих.

— Странно, что до сих пор никто не попытался воздать тебе и твоей матушке по заслугам, — удивился Колин.

— Моя мать никому не желает зла. Она всего лишь хочет, чтобы ее сын был счастлив, но и сама не желает доживать свои дни в бедности. Она мечтает посещать балы и рауты в Эдинбурге, познакомиться со знатными людьми, войти в светское общество. Мэри Роуз, викарий не нуждается в тебе, не то что я. Он служитель Божий, хотя едва меня не прикончил, за что и будет жариться в аду. Но все равно он не настоящий мужчина, с которым женщина может обрести наслаждение. — Он помолчал и вдруг в отчаянии выпалил:

— Пожалуйста, выходи за меня! Освободись от него, не позволяй себя отговорить! Я бы взял тебя силой, только если бы ты отказала, и...

Синджен снова лягнула его, на этот раз с куда большим ожесточением.

Глава 19

Наутро за столом Майлз Макнили красочно, во всех подробностях поведал, как провожал домой Эриксона Макфайла. Выяснилось, что его любящая матушка не спала, поджидая сына — Он и рта не успел раскрыть, чтобы объяснить, — рассказывал Майлз, — как она высунулась в окно и подняла страшный визг. Орала, словно ее резали. Если бы меня не подмывало скрутить его в бараний рог, может, я пожалел бы беднягу. Майлз покачал головой и уставился на свою яичницу, сожженную почти до черноты.

— Эта женщина — ходячий кошмар. Обозвала сына идиотом, болтливым ослом, гнилым плодом своего чрева. Я сбежал при первой возможности. Странно, у Эриксона репутация человека сильного и решительного, но, очевидно, против матери он ничто.

Он снова с сомнением оглядел яичницу, положил в рот кусочек, поперхнулся и схватил стакан с водой. Мэри Роуз болезненно сморщилась. Никто из присутствующих не осмелился повторить подвиг Макнили.

— Простите, Майлз, — взмолилась она. — Я никогда раньше не готовила яичницу. По-моему, она немного пережарена.

— Разве что чуточку, Мэри Роуз, — успокоил ее управляющий. — Не волнуйся, все знают, что ты старалась.

Он улыбнулся девушке открытой, ясной улыбкой, отчего Тайсон ощутил укол ревности. Невероятно! Похоже, он сошел с ума от любви.

Тайсон в замешательстве опустил голову и уставился на свои грязные сапоги. Нашел к кому ревновать! Макнили годится Мэри Роуз в отцы.

— Майлз прав, — сказал он. — Не стоит беспокоиться. Мы все благодарны тебе за заботу.

— Я не знала, что тебе пришлось готовить, Мэри Роуз, — вмешалась Синджен. — Не слишком ли рано ты поднялась с постели?

— Ничего, Синджен, я прекрасно себя чувствую.

— Тем не менее, пока мы не найдем кухарку, я сама займусь обедом. Колин, подтверди, пожалуйста, что я прекрасно готовлю.

Колин поперхнулся кофе, и причиной тому были не столько претензии жены, сколько отвратительный запах и вкус напитка. Он кашлял так громко и долго, что Мегги была вынуждена хлопнуть его по спине.

Когда Колин немного пришел в себя и, с отвращением глядя на кофе, принял поданный племянницей стакан воды, девочка спокойно объявила;

— Я слышала, как Паудер толковал с Макнили о новой кухарке. Оказывается, миссис Голден — она живет в деревне — нужны деньги, чтобы содержать внуков. Паудер считает, что она с удовольствием согласится работать в Килдрамми прямо с сегодняшнего дня, а значит, тете Синджен не придется стряпать. Паудер сказал также, что из миссис Голден выйдет превосходная экономка.

Воцарилось молчание, которое в конце концов нарушил Тайсон, — Мегги, — торжественно провозгласил он, — несмотря на наши споры, твое вечное непослушание и проказы, признаю, что был прав, привезя тебя сюда. Ты стала для меня неоценимым помощником, так что прими мою благодарность.

— Спасибо, папа, — не моргнув глазом кивнула Мегги. — Цель моей жизни — служить тебе.

Раздался такой смех, что стол зашатался. Мегги же с видом превосходства обвела взглядом присутствующих: маленькая королева, которой удалось произвести фурор.

Три часа спустя миссис Голден, весело напевая себе под нос, уже хлопотала на кухне. Аромат печеного хлеба поплыл по замку. Однако веселилась только она одна. Тайсон, стоя на пороге замка, что было мочи кричал на Мэри Роуз:

— Никуда ты не едешь, понятно? Откуда взялся экипаж? Ты остаешься здесь и идешь со мной к алтарю! Не желаю, чтобы меня освобождали! Я целовал тебя.., не только, по крайней мере в своем воображении. Ты скомпрометирована. Мало того, видела меня без рубашки, обнимала, прижималась, дышала в мое голое плечо! Это уже перешло всякие границы! Твоя репутация навеки погублена! Немедленно возвращайся в замок, иначе хуже будет!

Но Мэри Роуз продолжала упрямо идти к наемной карете, неся саквояж, одолженный ей Майлзом.

— Ну папа, не может она остаться, — убеждала отца подбежавшая Мегги. — Она сказала, что честь душит ее. Тогда я не поняла, что она имеет в виду. О Господи, по-моему, это Макнили помог ей, и все потому, что Мэри Роуз уговорила. А сам Майлз скрывается — наверное, боится, что ты задашь ему такую же трепку, как Эриксону Макфайлу. Не отпускай ее, папа. Останови!

В этот момент Тайсону вдруг показалось, что земной шар пошатнулся на своей оси и вот-вот сбросит его. Подумать только, он, священник, стоит на крыльце подбоченясь, с красным от гнева лицом и разоряется, словно рыбная торговка! И при этом отчетливо ощущает, как кипит кровь в жилах. Совершенно дурацкое положение!

Мегги продолжала теревить его за рукав.

— Пожалуйста, папа, не пускай ее! Мэри Роуз хочет совершить благородный поступок, но иногда не понимает, что и благородство может быть глупым.

— Да, Мегги. Ты права, это больше чем глупость, и я не дам Мэри Роуз ее сотворить, — заверил Тайсон, устремляясь вперед. — Мэри Роуз, стой на месте!

Она уже протянула руку кучеру, чтобы он помог ей подняться в карету, но подоспевший Тайсон сгреб его за воротник и отшвырнул с такой силой, что несчастный приземлился прямо в грязь.

— Попробуй только...

— Тайсон, откуда ты взялся? Ты, кажется, намеревался побывать в деревне.

— Я и побывал, а теперь, благодарение Богу, вернулся. Верно Мегги сказала, такого идиотизма я от тебя не ожидал. Мэри Роуз. Идем со мной, но девушка стояла на своем. Послушай, все изменилось. Ты сам это понимаешь. Неужели ты не можешь внять голосу рассудка? Я вовсе не так глупа, какой кажусь. Зачем упорствовать? Тебе ни к чему такая жена, как я. Забыл, что я незаконнорожденная? Твой брат, граф Нортклифф, в ярости сорвал бы с себя парик и втоптал бы в землю, будь это в прошлом веке. Пойми, ты не можешь ввести в семью ублюдка, это издевательство...

Во дворе появилось стадо гусей. Впереди переваливался вожак Уилли, гогоча так громко, что Тайсон сам себя не слышал. Мегги пронзительно завопила:

— Папа, я схватила ее саквояж! Нет-нет, Уилли, не смей щипаться! Я дам тебе хлеба, только потерпи!

Краем глаза Тайсон увидел, как его дочь, преследуемая гусями, с усилием тащит саквояж к дверям.

— С меня хватит, — процедил он, оборачиваясь к Мэри Роуз.

Не тратя лишних слов, он перебрал девушку через плечо, головой вниз.

— Тайсон, Боже мой, разве священникам такое к лицу? Немедленно поставь меня! Это просто смешно! Я выполняю свой долг. Мистер Макнили с таким трудом раздобыл для меня экипаж...

И тут Тайсон дал себе волю. К его величайшему изумлению, рука поднялась сама собой и отпустила увесистый шлепок по аппетитной попке.

— Ты никуда не едешь!

К еще большему его изумлению, ладонь задержалась на ягодицах куда дольше, чем было необходимо. Он тут же отдернул пальцы, словно обжегшись, уставился куда-то вдаль и, преисполнившись решимости, зашагал к замку. Мэри Роуз попыталась брыкаться. Безуспешно. Принялась молотить его кулачками, но, поскольку боялась сделать ему больно, ничего не получалось. Виляя вниз головой, она увидела Мегги, тащившую саквояж, окончательно распоясавшихся гусей, Уилли, бесцеремонно хватавшего девочку за ноги. Пыль летела столбом, и Мэри Роуз подумала, что обязательно посадит во дворе кусты и деревья. Но все эти мысли быстро вылетели у нее из головы, потому что от тряски в животе стало как-то противно, а голова закружилась. Кучер с трудом поднялся, отряхнул штаны и, пораженный, уставился вслед мужчине, к тому же священнику, который бесцеремонно взвалил даму на плечо и теперь нес куда-то в сопровождении маленькой девочки с саквояжем и целой орды гусей, поднявших куда больший шум и гам, чем его дражайшая женушка в минуты ссоры. Майлз, как оказалось, стоял в холле за дверью. Паудер, восседавший на стуле, с некоторым любопытством взирал на суматоху. При виде хозяина Майлз виновато пробормотал:

— Мне очень жаль, милорд, но Мэри Роуз... она особенная и не хочет, чтобы вы считали себя обязанным...

— Майлз, — перебил Тайсон, не глядя на управляющего и продолжая шагать к лестнице, — вы уволены.

— Но, милорд, через две недели я и так уезжаю. Мегги ухитрилась втолкнуть саквояж в двери. Уилли, оставшийся на крыльце, громко жаловался. Паудер, соизволивший наконец встать, махал на гуся скрюченными руками.

— Кыш, гнусная ты птица! Обжора этакий! Оставь в покое девочку! В дверях показался желтый клюв Уилли. Гусак гоготнул и ретировался. Это было так уморительно, что Тайсон захохотал. Женщина, которую он держал на плече, собиралась от него уйти, и все же он умирал от смеха. Он чувствовал ее живот. Если он опустит Мэри Роуз чуть пониже, ее лицо коснется его бедра. Он обнимал ее ноги, и от сознания близости его трясло. Что с ним творится? Мегги, его драгоценная девочка, не выпускала из рук саквояж. Паудер неодобрительно качал головой, видя, как она надрыдается. Макнили молча наклонился и подхватил ношу.

— Спасибо, мистер Макнили, — поблагодарила Мегги. — Зря вы поддались на уговоры Мэри Роуз и наняли экипаж. Не стоило вам соглашаться. Она обещала папе выйти за него, и я уже написала братьям, что скоро у нас будет новая мама.

— Может быть вы хотите, чтобы я отправил ваше письмо?

— Да, сэр, это очень любезно с вашей стороны. О Господи, Мэри Роуз, что в этом саквояже? Он весит больше меня!

— Я дал ей два своих подсвечника. Довольно дорогих, Мэри Роуз хотела заложить их в Эдинбурге, — сознался управляющий. — Поскольку я еще не получил наследства, денег у меня почти нет. Не отдать ли их вашему отцу в возмещение за беспокойство?

Мегги, особа весьма практичная, замедлила шаг и кивнула:

— Думаю, этим вы отчасти загладите свою вину. Подумать только, два проклятых подсвечника! Это уж слишком!

Тайсон почувствовал, что его снова разбирает смех, и плотнее сжал губы. Немного успокоившись, он осведомился:

— Насколько я понимаю, на деньги, вырученные за подсвечники, ты собиралась прожить до дня рождения? Мэри Роуз кивнула, насколько позволяла ее поза.

— И написала бы матери, чтобы узнать имя поверенного? Еще один молчаливый кивок.

— А потом явилась бы к нему неожиданно-негаданно? И получив наследство, увезла бы мать в Эдинбург?

Кивок.

Тайсон подошел к лестнице, остановился и бросил через плечо, вернее, поверх попки Мэри Роуз:

— Вы остаетесь служить у меня, Майлз, по крайней мере еще на две недели.

— Спасибо, милорд. Пойду рассчитаюсь с кучером. Оставьте саквояж. Я сам отнесу его в спальню Мегги.

— Не нужны мне ваши подсвечники, — угрюмо бросил Тайсон, — только дайте слово, что спрячете их от Мэри Роуз.

— Клянусь, милорд! Теперь я и сам вижу, что был не прав. Больше я не стану ее слушать, — Все же один раз послушали, сэр, — напомнила Мэри Роуз, поднимая голову.

Тайсон снова представил Мегги, дергавшую за ручку саквояжа, и с улыбкой покачал головой. Больше всего в этот момент ему хотелось погладить ягодицы Мэри Роуз. До него даже не дошло, что похоть — смертный грех, и, именно его он в данный момент совершает. Единственное, о чем он мог думать, — это о соблазнительной близости попки Мэри Роуз. И только когда он передал незадачливую беглянку с рук на руки Синджен с наказом повалить ее на пол и сесть сверху, если снова вздумает натворить глупостей, осознание совершенных грехов новой тяжестью легло на душу. Список рос час от часу. Он наверняка истерзал бы себя раскаянием, не сообщи Паудер о приезде гостей. При виде сэра Лайона Тайсон решил, что предпочтет провести остаток дня в составлении перечня своих прегрешений, чем вытерпит хоть полчаса в обществе этого человека. Однако на сей раз с ним прибыла Гвинет. День клонился к вечеру, и по замку разносились соблазнительные запахи. Хлеб благоухал так, что все домочадцы невольно принюхивались. Сэр Лайон тоже с удовольствием вдыхал аромат свежееиспеченного хлеба. Тем временем Тайсон проводил будущую тещу в гостиную. Интересно, почему в прошлый раз она отказалась войти, а сейчас вдруг согласилась? Мэри

Роуз, к счастью, была наверху, в спальне Мегги, которая по приказу отца развлекала будущую мачеху, не сводя с нее влюбленных глаз. Синджен, как доложили Тайсону, то и дело заглядывала в комнату с целью убедиться, что Мэри Роуз не сбежала через окно. Колин в это время пребывал в конюшне, решая, каких лошадей необходимо приобрести для Килдрамми, — Сэр Лайон, матушка Мэри Роуз, — поприветствовал Тайсон, так и не удосужившийся узнать ее имя. — Спасибо, Паудер.

— Я поднимусь в вашу спальню, милорд, и вычищу одежду.

— Превосходная мысль, Паудер. Я хотел поблагодарить вас за прекрасно выглаженные галстуки, — кивнул Тайсон и обратился к гостям; — Где бы вы хотели сесть? Сейчас попрошу миссис Голден заварить чай.

— Миссис Голден не следовало быть здесь, — раздраженно бросил сэр Лайон, но, сообразив, что неудачно начал беседу, постарался загладить резкость; — Миссис Макфардл, невзирая на все ее достоинства, — редкостная стерва. Пожалуй, неплохо, что вы от нее избавились. Кстати, хлеб пахнет восхитительно.

— Я попрошу подать его к чаю, — предложил Тайсон и вышел, чтобы отдать распоряжения Паудеру, который еще не успел приступить к чистке одежды хозяина.

Когда викарий вернулся, Гвинет Фордайс призналась:

— Не поверите, но мне самой не раз хотелось воткнуть ей нож под ребро. Все эти годы она была непростительно груба с моей дочерью. Меня она побаивалась, считая сумасшедшей.

— Не сомневаюсь, что она сможет быстро найти выгодную должность, — отозвался Тайсон и, усадив гостей, сам встал у камина.

Сэр Лайон откашлялся, бросил косой взгляд на Гвинет и торжественно начал:

— Милорд, насколько я понимаю, прошлой ночью здесь было беспокойно. Небольшие неприятности?

— Ничего такого, чего мы не смогли бы уладить. — заверил Тайсон и замолчал, ожидая, что последует дальше. Сэр Лайон собрался с духом:

— Как дядя и опекун Мэри Роуз я готов дать свое позволение на ее брак с вами, если она выплатит мне некоторую сумму из денег, оставленных ей отцом, в возмещение расходов, которые я понес, все эти годы обеспечивая Мэри Роуз и ее дражайшую матушку жильем, одеждой и пропитанием. Двадцать пять лет, не забудьте! Точнее, почти двадцать пять.

— Понятно, — кивнул Тайсон. — Особенно если учесть, как вы были добры и милосердны к свояченице и ее дочери. По-видимому, сознания собственного благородства вам недостаточно.

— Нисколько. Скажи ему, Гвинет.

Мать Мэри Роуз медленно поднялась и пронзила взглядом сэра Лайона. Ее все еще прелестное лицо исказилось ненавистью.

— Вот как? Сказать ему? Что именно, Лайон? Что я всегда считала тебя напыщенным, наглым болваном, готовым на все ради денег? Что ты просто жалкий гнус, который пытается выманить деньги у лорда Бартуика?

Физиономия сэра Лайона пошла красными пятнами. Тайсон испугался, что его хватит удар. Но сэр Лайон каким-то образом сумел справиться с эмоциями.

— Неблагодарная! — завопил он. — И это награда за то, что я открыл двери своего дома тебе и твоему ублюдку? Никогда ни в чем не отказывал? Вы были членами моей семьи!

Его и без того красные щеки побагровели. Тайсон привстал, готовый подхватить беднягу, если тот рухнет на пол.

— Будь ты проклята, Гвинни! Я начинаю верить, что ты так же нормальна, как все окружающие, и никогда не была безумной, а просто притворялась, чтобы самой не заботиться о своей бедной дочери!

— Тут ты совершенно прав, — не стала отпираться Гвинет. — Иначе как бы я сумела уберечься от тебя и твоих мерзких ласк? Только вот сделала глупость, рассказав тебе о деньгах Мэри Роуз. Мне и в голову не приходило, что ты пойдешь к Эриксону и уговоришь его ради денег жениться на моей дочери. До чего же ты подл!

— Ложь! Это ложь! — взвыл сэр Лайон. — Замолчи немедленно! Черт возьми, мне необходимы деньги! — Задыхаясь от злости, он подскочил к Тайсону. — Послушайте, милорд, если я не получу полагающихся мне денег, то выдам Мэри Роуз замуж за Эриксона!

Тайсон спокойно смотрел на размахивавшего кулаками краснолицего здоровяка и молчал, пока лицо противника не приобрело более естественный цвет, а потом знаком велел ему сесть.

— Десять тысяч фунтов, не так ли? Именно эту сумму вам обещал Эриксон Макфайл?

Гвинет Фордайс порывисто вскочила из-за стола и с такой яростью ринулась на зятя, что Тайсон счел нужным вмешаться:

— Мэм, пожалуйста, успокойтесь. Мне нужно сказать кое-что вам обоим. То, что, возможно, вам не известно. Я уже списался с Доналдом Макреем, эдинбургским поверенным Тайронна Бартуика, и он сообщил, что у Мэри Роуз Фордайс нет законного опекуна, поскольку вы никогда не претендовали на это звание. Следовательно, сэр Лайон, вы не имеете никакого права требовать денег. Советую вам просить прощения у Господа за столь недостойное поведение.

Он умолчал о том, что сам будет молиться с утра до вечера, прося отпустить ему грех лжи, придуманной в самый последний момент. Однако, судя по виду сэра Лайона, эта ложь во спасение попала в цель.

— При чем тут опекунство? — возмутился сэр Лайон. — Это совсем не обязательно! Я ее дядя! Гвинет, ты немедленно все уладишь, иначе ноги твоей не будет в Велленс-Мэнор! Проклятие, да десять тысяч — всего лишь малая часть того, что оставил девчонке отец!

Гвинет в упор смотрела на зятя и улыбнулась Тайсону;

— Милорд, он заставил меня поехать с ним, надеясь на мою помощь. Не знаю, каковы его намерения, но вряд ли они честны. По правде говоря, сама не знаю, сколько именно денег оставил Мэри Роуз ее отец. Он просто заверил меня, что сумма значительная. Надеюсь, вы не будете возражать, если мы с дочерью переберемся в Килдрамми?

— Буду в полном восторге, — заверил Тайсон с поклоном.

Гвинет обернулась к зятю:

— А ты позволишь мне забрать наши пожитки из своего драгоценного особняка? И дашь экипаж, чтобы я смогла добраться до Колдрамми?

Сэр Лайон понял, что должен согласиться, иначе уже сегодня все соседи будут считать его не только олухом царя небесного, но и последним хамом.

— Разумеется, — процедил он, мечтая удушить мерзавку. Но сначала нужно все хорошенько обдумать. Дело пошло не так, как он рассчитывал. Его планам грозит крах. Не стоило впутывать сюда Гвинет. С самого начала было ясно, что она предаст его. Черт, он по-прежнему хотел ее, но при мысли о жертвах, на которые придется пойти, чтобы сократить расходы, всякое желание пропало. Едва сдерживаясь, чтобы не нагубить, он попрощался с лордом Бартуиком, проклятым викарием, которого, как ему казалось, будет легко перехитрить и запугать, и проводил Гвинет к карете. Выходя, он снова ощутил восхитительный аромат свежее испеченного хлеба и только сейчас сообразил, что не попробовал ни кусочка. Вечером Гвинет Фордайс с тремя лакеями прибыла в Килдрамми в нагруженной доверху карете.

Глава 20

Утром Тайсон сидел в библиотеке, сочиняя письмо Доналду Макрею. Ему хотелось в конце концов докопаться до сути дела.

— Милорд, — робко позвала с порога Мэри Роуз.

Тайсон поднял брови:

— Так официально?

— Мне кажется, ты все еще сердисься на меня за вчерашнюю попытку побега, хотя я уверена, что так было бы лучше всего. Благороднее. Вчера вечером ты не хотел со мной говорить, мало того — избегал. Поэтому я и пришла к тебе.

— «Я уверена», — передразнил он, опуская перо на подставку из оникса и откидываясь на спинку кресла. — Что ты собираешься предпринять? Еще раз покаяться? Застрелишься, чтобы не дать мне пожертвовать собой? Или просто не одобряешь еще чего-то, на что я решился ради тебя?

— Нет, — покачала она головой, теребя кружево на манжете. Сегодня на ней было одно из тех платьев, которые привезла Гвинет. — Кстати, спасибо за то, что принял мою мать. Она очень счастлива. Мегги полюбила ее с первого взгляда, а мама считает, что Мегги — самый умный и способный ребенок во всей Шотландии. У Мегги появилась новая бабушка и, слава Богу, вполне нормальная. — Помолчав, она робко спросила:

— Это правда? Моя мать действительно притворялась сумасшедшей?

Тайсон кивнул.

— Что ж, ее можно понять. Беременная, незамужняя — что ей оставалось делать... Но почему именно безумие? Ведь она жила с сестрой и зятем!

Тайсон вздохнул:

— Очевидно, твой дядя хотел затащить ее в свою постель, вот и прибегнул к шантажу. Но твоя мать оказалась умнее. Не имея другого оружия, она притворилась сумасшедшей. Ну а потом это вошло у нее в привычку, Мэри Роуз задумалась.

— Мне кажется, — глубокомысленно изрекла она наконец, — на свете найдется не слишком много порядочных джентльменов.

— Глупости! — возразил Тайсон. — Когда приедем в Англию, тебя будет окружать целая толпа порядочных джентльменов. Сколько хочешь, столько и будет. Взять хотя бы моих братьев. Ты с ними подружишься, не говоря уже об их женах и детях. Признаю, однако, что такие люди, как твой дядя и Макфайл, разочаруют кого угодно.

— Не пойму, почему отец не помог маме.

— Вероятно, он был женат.

— Да, но все же... Я тут размышляла, Тайсон...

— Пощади меня. Неужели еще один план побега?

— Нет, я подумала, что в следующем месяце, когда мне исполнится двадцать пять, я отблагодарю тебя за доброту ко мне и маме. Это так великодушно! О, я...

У Мэри Роуз задрожал подбородок, и она никак не могла с собой справиться. В горле почему-то застрял комок. Но Тайсон безжалостно пригрозил;

— Если собираешься заплакать, я перекину тебя через плечо, подъеду к реке и швырну в воду. Посмотрим, сколько тебе понадобится времени на этот раз, чтобы выбраться на сушу. Подумай, сколько неприятностей ты мне причинила просто потому, что я поступаю не так, как ты хочешь. Пойми же, что именно я — конец всех бед, твоих и твоей матери. Ну вот, опять слезы. Немедленно прекрати!

Мэри Роуз жалобно шмыгнула носом.

— Уже что-то. А теперь не мешай. Я пишу письмо, чтобы проверить: вдруг моя вчерашняя ложь окажется правдой? Скорее всего так и есть. Твой дядя не пытался оспорить мои слова, но на всякий случай лучше иметь письменное свидетельство.

— Ты солгал? — ахнула Мэри Роуз. — Намеренно? О, Тайсон, это я во всем виновата. Из-за меня ты согрешил против Господа, хотя священники...

— Замолчи и послушай.

Он поведал весьма правдоподобную историю, которую сочинил специально для ее дяди.

— Мне никто никогда не говорил, что сэр Лайон — мой опекун, — удивилась Мэри Роуз. — Представить невозможно, чтобы он вдруг захотел им стать. Наоборот, его смущало, что под его крышей живет незаконнорожденная племянница. Стыд был так велик, что ему трудно было проявлять щедрость. А что, если Йен узнал про деньги?

— Понятия не имею. Спрошу мистера Макрея, если хочешь. Кстати, я раздобыл специальное разрешение, и мы поженимся в воскресенье. Сегодня утром я поговорил с преподобным Макмилланом, очень милым старым джентльменом, который утверждает, будто знает тебя с

пеленок, и считает, что ты будешь прекрасной женой для vicария, пусть и чужеземного. Однако его волнует, что я из самых благородных чувств чересчур тороплю тебя, а ты еще можешь передумать. Я заверил преподобного, что твое самое горячее желание — выйти замуж за vicария, а именно за меня, и переехать в южную Англию, где тебя не будет знать ни одна живая душа, обрести новых родственников и стать матерью троих приемных детей. Кажется, ему очень хотелось рассмеяться, и он, бедняга, кашлял так сильно, пытаюсь сдержаться, что мне даже пришлось колотить его по спине.

Мэри Роуз стояла молча, бледная, с еще заметными синяками, исхудавшая, в чересчур просторном голубом платье, и не смеялась. Даже не раздвинула губ в улыбку.

— Сдавайся, Мэри Роуз, сдавайся, — посоветовал Тайсон очень мягко. — И выходи за меня. Нам будет хорошо вместе.

Он не сводил с нее глаз.

— Хорошо, Тайсон, — едва слышно прошептала она наконец. — В воскресенье мы обвенчаемся.

Церемония проходила в гостиной Килдрамми. Достопочтенный Тайсон Эдвард Таунсенд Шербрук, преподобный Шербрук из Гленклоуз-он-Роуэн, брат графа Нортклиффа, женился во второй раз на Мэри Роуз Фордайс, девице из Велленс-Мэнор. Гвинет деликатно сморкалась в прелестный кружевной платочек, Колин Кинросс выступал в роли шафера и стоял позади жениха, негромко произносившего обеты. Подружка невесты Синджен Кинросс стояла подле Мэри Роуз и легонько сжимала ее руку каждый раз, когда нужно было отвечать. Родственники невесты не явились, прислав свои поздравления и отговорившись срочными делами. В связи с этим хозяева не испытывали ничего, кроме облегчения. От Макфайлов же вообще не было никаких известий. Миссис Голден приготовила чудесный свадебный обед, а Майлз достал из тайников с полдюжины бутылок шампанского. Кухарка наняла в деревне еще шесть помощниц, причем не на время, а на постоянную работу, что оказалось весьма кстати, ибо у Тайсона почти не осталось чистых сорочек, а новобрачные собирались остаться в Килдрамми до середины сентября, то есть еще на две недели. Кроме Майлза, на венчании присутствовал еще один гость — Доналд Макрей, поверенный Бартуиков. Учитывая, что сегодня был день свадьбы преподобного Тайсона и мистер Макрей не хотел омрачать его делами, он просто сообщил:

— У вас нет причин волноваться. Как выяснилось, сэр Лайон никогда не был опекуном вашей жены. Он вам солгал. Так что ваш.., э-э.., обман, как выяснилось, просто верное умозаключение.

За столом Макрей пил шампанское бокалами и не сводил глаз с Гвинет Фордайс. Мегги шепнула отцу, что готова побиться об заклад; поверенный прикончил не меньше бутылки.

Вечером Мегги самолично проводила молодоженов в огромную спальню, непрерывно болтая и смеясь.

— Похоже, тетя Синджен и тебя угостила шампанским, не так ли, Мегги?

— Ну.., да, папа, дала.., самую чуточку. Ужасно противная штука, и теперь я никак не могу замолчать. — Мегги просияла и крепко обняла мачеху. — Мы прекрасно уживемся, Мэри Роуз. Макс и Лео поймут, что я хорошо сделала, привезя тебя домой. Ну как, поговорим о твоих новых обязанностях папиной жены?

Мегги уселась посреди кровати, скрестив ноги и улыбаясь отцу и новобрачной. Тайсон не знал, что ответить. Мэри Роуз тоже растерялась. Тайсон наконец собрался с мыслями, но тут в дверь

постучали.

— — Войдите.

В комнату заглянула Гвинет:

— А, Мегги, милая, вот ты где! Мне так нужна твоя помощь! Опять эта злосчастная головная боль, вызванная, должно быть, чересчур назойливым вниманием мистера Макрея. Ты не сделаешь мне холодный компресс?

Мегги, не зная, какому из дел отдать предпочтение, перевела взгляд с отца на Гвинет и вздохнула:

— Папа, Мэри Роуз! Не возражаете, если я поухаживаю за миссис Фордайс? Она теперь моя бабушка. Нельзя допустить, чтобы она страдала, если я могу облегчить ее муки.

— Совершенно верно, Мегги. Ты так добра! Прекрасный поступок.

Тайсон поцеловал дочь.

— Увидимся утром, дорогая. Мы с Мэри Роуз желаем тебе спокойной ночи.

Мегги недоуменно нахмурилась и, совсем как отец, вопросительно склонила голову набок.

— Мэри Роуз, разве ты не идешь со мной в нашу спальню? Почему мы вообще явились в папину комнату?

— Мегги, — осторожно начал Тайсон, — Мэри Роуз теперь моя жена. Это означает, что она всегда должна находиться рядом, и днем, и ночью. Отныне она и спать будет со мной, на этой кровати.

— Но, папа, я...

От двери донесся приглушенный смех. Вошедшая Гвинет протянула Мегги руку.

— Дорогая, мне становится все хуже. Пойми, твоей новой маме нужно привыкнуть к твоему папе. В этом смысл супружеской жизни. Теперь они должны много времени проводить вместе, чтобы узнать друг друга получше, поговорить о разных важных вещах. Но ты не должна ни о чем беспокоиться, хорошо?

— Л-ладно, — нерешительно согласилась Мегги. — Ты хочешь остаться с папой, Мэри Роуз? Вы будете разговаривать всю ночь?

— Да, милая.

Мегги приподнялась на цыпочки, и Тайсон, прижав ее к себе, поцеловал в лоб, — Спокойной ночи, детка. До завтра. Гвинет попрощалась и увела девочку.

— Не слишком романтично, верно? — вздохнул Тайсон. Мэри Роуз молчала. Судя по ее виду, у нее от страха поджилки тряслись. Впрочем, и Тайсон чувствовал себя не в своей тарелке. Стараясь преодолеть неловкость, он быстро подошел к камину и стал разводить огонь. Несмотря на то что было только первое сентября, в воздухе заметно похолодало.

Встав, он обернулся к жене. Мэри Роуз по-прежнему не двигалась с места. Тайсон шагнул

ближе, сжал ее плечи и тихо сказал:

— У тебя нет причин бояться. Если ты не хочешь, чтобы я сегодня был с тобой, стоит только сказать.

Едва эти слова сорвались с языка, Тайсон пожалел, что сказал их. В безмолвной тревоги он ждал, пока она, все еще перепуганная, обдумывала его предложение. Наконец Мэри Роуз с трудом выговорила:

— Когда ты обнимал и целовал меня.., это было так приятно. Теперь, когда мы женаты, думаю, следует идти до конца. Так полагается.

— Верно, но особого значения это не имеет. Все равно никто не узнает. Тебе решать, Мэри Роуз. Мы еще не настолько хорошо знаем друг друга. Если ты предпочтешь отложить...

Тайсон поспешно закрыл рот. Зачем он говорит всю эту чушь? Неужели окончательно потерял голову?

Мэри Роуз кивнула и нервным движением стиснула руки. На ней по-прежнему было прелестное бледно-розовое подвенечное платье, сшитое матерью, с водопадом кружев у выреза и ниспадающее до пола. Удивительно, как этот цвет сочетался с ее рыжими волосами!

Тайсон откашлялся и, надеясь, что не слишком похож на человека, обуреваемого похотью, выдавил:

— Я весьма неравнодушен к тебе, Мэри Роуз. И ты ко мне тоже. Понимаю, что тебе немного известно о супружеских отношениях.

Его драгоценная невеста нетерпеливо отмахнулась:

— Возможно. — Она подошла к нему ближе. — Ты не можешь поцеловать меня? Пожалуйста.

Как не исполнить такую просьбу?!

Вскоре Тайсон понял, что хочет ее больше всего на свете. Хочет так, как никого и никогда не хотел раньше.

Но она невинна! А он помнил Мелинду Беатрис, ее боль, душераздирающие рыдания, когда он вошел в нее, рыдания, когда вышел, рыдания, когда захотел ее снова, так сильно, что едва не взорвался.

Тайсон покачал головой. Тогда он был совсем мальчишкой и не умел дарить и получать наслаждение. Правда, с тех пор он вряд ли узнал больше. Но нужно признаться, в первые месяцы после свадьбы он любил послушать разговоры братьев о постельных играх, что случалось нередко. Так что с теорией все обстояло прекрасно.

— Позволь, я расстегну твоё платье. А потом, если пожелаешь, выйду в коридор, пока ты переодеваешься.

Мэри Роуз подняла свои роскошные волосы, и Тайсон удивился ловкости собственных пальцев, молниеносно справившихся с бесчисленными пуговками. Когда ее белая спина обнажилась до пояса, он заставил себя отступить.

— Ну вот и все. Жаль, что я не догадался поставить сюда ширму.

Он поспешно вышел и долго бродил по коридору. Внимание его привлек тихий женский голос. Синджен! Они с Колином о чем-то разговаривают в спальне, и дверь даже не заперта!

Он, викарий, строго журивший детей за подслушивание, подкрался ближе к соблазнительной щели. — Но, Колин, Тайсон был совсем юнцом, когда женился на Мелинде Беатрис. Что он знает? Всегда был таким благочестивым и правильным, что даже не думал о подобных вещах. Он совсем не такой, как Дуглас, Райдер или ты! Я просто вне себя от тревоги, что он...

Она не договорила, но Тайсон и так все понял. Да и что тут понимать? Все яснее ясного.

— Послушай, Синджен, — возразил Колин. — Тайсон отнюдь не простака и не глупец. Не забывай, он Шербрук, а я клянусь, что искусство любить женщину у Шербруков в крови. Перестань зря беспокоиться. Пойдем в постель, и я позволю тебе совратить меня, если обещаешь действовать очень медленно, чтобы у меня хватило времени подготовиться и подобающим образом ответить на твои ласки.

Синджен хихикнула.

— Ты уверен, что все обойдется? Может, тебе стоит поговорить с Тайсоном, поинтересоваться, есть ли у него вопросы? Вдруг он хочет кое-что обсудить... Колин, подожди! Что ты делаешь? О Боже, ты ужасно порочен!

Снова послышался смешок, затем наступило молчание. Нет.., кто-то со свистом втянул в себя воздух.

Тайсон торопливо отступил. Значит он обладает врожденным умением ублажать женщин? Почему же потерпел столь сокрушительное поражение с Мелиндой Беатрис? Правда, это было так давно... Синджен права. На что способен зеленый юнец, неопытный, раздираемый бушующими чувствами, которые не в силах контролировать, терзаемый похотью до такой степени, что едва не расплескал семя себе на живот?

Вероятно, следует больше доверять себе. Как говорил его братец Райдер, «если мужчина сумел рассмешить женщину, значит, он завоевал ее!»

Смех. Как, черт возьми, заставить женщину смеяться, когда чресла горят огнем желания? Когда думается только о том, как погасить этот огонь?

Тайсон вернулся в спальню. Мэри Роуз лежала посреди кровати, вжавшись в подушку и натянув одеяло до подбородка. Тайсон улыбнулся жене и обошел комнату по кругу, по пути гася, свечи. Оставив последнюю, горевшую около кровати, он отодвинулся в тень, разделся, натянул ночную рубашку и направился к Мэри Роуз.

— Я не стала надевать твою рубашку, — сказала она. — Думаю, тебе она идет больше.

Тайсон откинул одеяло, лег и взглянул в ее прелестное лицо.

— Интересно, что мы познакомились совсем недавно. Мэри Роуз выпростала руку из-под простыни и легонько коснулась его щеки.

— Да. Это пугает меня и одновременно заставляет верить, что тут не обошлось без вмешательства Господа. Ты такой красивый, Тайсон.

При этих словах в его душе что-то, дрогнуло.

— Не хочу, чтобы ты думала, будто я женился на тебе только из соображений чести, желая защитить, спасти от подлых махинаций твоего мерзкого дяди и Эриксона Макфайла. Ты мне совсем не безразлична, Мэри Роуз, И я очень рад, что отныне ты моя. — На секунду отведя глаза, он добавил:

— Теперь Мы муж и жена. Или викарий и жена, если так тебе больше нравится.

Шутка явно вышла неудачной, поскольку не вызвала ничего, кроме жалобной улыбки.

— Я почти не вижу тебя, Тайсон.

— Ну.., нельзя же любить друг друга при ярком свете, — пояснил он, хотя был уверен, что братья занимались этим в любое время суток, даже в саду, под толстыми дубами. Но только Не он. Тайсон всегда считал, что жену необходимо уважать, оберегать от мужской похоти и не оскорблять ее скромности.

— Не хотелось бы шокировать или смущать тебя, — пробормотал он с постным видом.

— Спасибо, — поблагодарила она немного странным тоном. Причины он не понял и поэтому поспешно попросил:

— Пожалуйста, не бойся меня. Пусть я не очень хорошо разбираюсь в подобного рода вещах, но готов попытаться. И сейчас буду целовать тебя, пока не доберусь до твоего кривого пальчика, который тоже поцелую.

Мэри Роуз улыбнулась. Ага, почти смеется!

— Хорошо, — выдохнула она, обнимая его.

— На вкус ты настоящая клубника, — объявил Тайсон, — а волосы мягче, чем у моей кобылки.

Она хихикнула, когда он наконец коснулся ее груди, и тут же вздрогнула. Тайсон на мгновение закрыл глаза, соображая, что теперь делать. Он догадывался, что начал правильно, но насчет дальнейшего не был уверен.

— Лежи смирно, и я попытаюсь не сделать тебе больно.

Он поднял подол ее рубашки, ощутил мягкую плоть и мысленно взмолился, чтобы она была готова для него. Чтобы ей было не слишком больно. Она не отстранилась, не попыталась вырваться. И так горячо его целовала, что он снова чуть не потерял самообладание. Как долго он обходился без этого! Как давно не был с женщиной! Сейчас Тайсон боялся, что из-за своей неопытности может оттолкнуть Мэри Роуз, не даст ей желанного наслаждения. Что ж, он сделает все возможное. Вернее, все, что пожелает, и вряд ли это будет так уж плохо. В конце концов, недаром он принадлежит к роду Шербруков!

Момент настал. Тайсон сцепил зубы и вошел в Мэри Роуз, стараясь двигаться помедленнее. Кровь оглушительно стучала в висках, похоть почти ослепляла, но решимость не причинять жене лишних страданий оказалась сильнее. Он мужчина, не мальчик, когда-то едва не изувечивший Мелинду Беатрис.

Слегка продвинувшись вперед, он замер.

— Мэри Роуз?

Она смотрела прямо на него, но не улыбалась, как в тот раз, когда была готова осыпать его поцелуями, даже если при этом он снова проник бы языком в ее рот. Нет, она окаменела от ужаса и лежала под ним, как замерзшее бревно.

— Ч-что?

— Я в тебе. Еще совсем чуть-чуть. Ты молодец, прекрасно держишься. Я ощущаю барьер твоей невинности. А ты? Ты чувствуешь, как я в него упираюсь?

— Да.

Это оказалось последней каплей. Мужчина и викарий не выдержал, позабыв свои благие намерения. Он больше не мог терпеть и ворвался в ее тело, как в покоренный город. Господи Боже, он взял ее, сделал своей!

Сердце гулко билось, а тело.., он никогда еще не был таким энергичным, сильным, словно жизнь началась только с этой минуты. Он балансировал на краю обрыва и мечтал слететь вниз, прямо сейчас, но услышал плач.

— Мэри Роуз! С тобой все хорошо?

— Да, Тайсон, клянусь. Эта история с невинностью.., далась не так-то легко, но теперь ты не двигаешься и все не так уж плохо, — откликнулась она и восхищенно добавила:

— Я примерно знала, что происходит между мужчиной и женщиной, но представить не могла, каково это на самом деле.

О Боже, он совсем обезумел от вожделения, от потребности, пожирающей его заживо. Тайсону казалось, что он вот-вот умрет. Перестанет существовать.

Все закончилось слишком скоро. Он никогда не думал, что может быть вот так. Нет, он все-таки скончался, но смерть была ослепительно прекрасна.

Он балансировал над ней, опираясь на локти и тяжело дыша. Сердце бухало в груди, в голове не осталось ни одной связной мысли. Он все забыл.., или никогда ничего подобного не испытывал. Великолепно.., более чем великолепно...

Мэри Роуз не шевелилась.

Как только он смог говорить связно, из горла вырвалось виноватое бормотание:

— Прости, что сделал тебе больно. Больше это не повторится. Ты меня простишь?

— Да, разумеется. Ты мой муж, а в супружеской жизни случаются вещи, не всегда приятные.

— Я так и не рассмешил тебя, — пожаловался он, осторожно выходя из нее. Потом лег рядом и привлек жену к себе, только сейчас сообразив, что неизвестно когда успел стащить ночную рубашку и теперь лежит голый. Одно это способно выгнать ее из спальни. Еще минута — и Мэри Роуз сбежит!

— Позволь, я надену рубашку, — пробормотал Тайсон, но она, по-прежнему уткнувшись в его плечо, качнула головой.

— Нет, пожалуйста, не надо. Ты такой теплый и мускулистый, Тайсон. Мне нравится

чувствовать твои мышцы под ладонями.

Тайсон едва не проглотил язык. Женщина.., его жена.., сказала ему такое...

Он ничего не ответил. Не нашел слов. Благодарит ли в таких случаях мужчина?

Тайсон не знал. Однако был бесконечно рад, что Мэри Роуз не успела снять рубашку. Это даже к лучшему, если учесть, какую струнку она затронула своими словами. Это грех, да, грех, и мысли его греховные: он не имеет права думать о том, что хочет проделать это снова. Ужасно, грубо и бесчеловечно.., но приятно, так приятно, что он едва не застонал. Нет, пора спать. Мэри Роуз нужно отдохнуть, ей требуется время, чтобы простить его за все, что он с ней сделал... Хотя, похоже, она вовсе не так расстроена.

Тайсон задул последнюю свечу, лег на спину и почувствовал, как она прижалась к нему, мягкая, теплая, с упругими нежными грудями. Слава Богу, что на ней рубашка!

Он знал, что должен сказать что-то. Трудно просить ее доверять ему, когда речь идет о плотских утехах, тем более что он показал себя невежественным грубияном, но все же стоило попытаться.

— Верь мне, — прошептал он, попробовал поцеловать ее в губы, но промахнулся и вместо этого чмокнул в щеку, — Верь мне.

— Я бы доверила тебе собственную жизнь, Тайсон. — Она откинулась, обдавая его теплым дыханием, и он вздрогнул, боясь проронить хоть слово, Не умолять же, чтобы она позволила еще раз взять ее!

Вместо этого Тайсон вновь прижал Мэри Роуз к себе. Вонзиться в теплую, податливую плоть.., прямо сейчас. Он вспомнил, как Дуглас и Райдер толковали о том, что негоже мужчине становиться свиньей, что это недостойно.

Он долго лежал неподвижно, прежде чем уснул. В отличие от Мэри Роуз. Она размышляла, глядя в темноту и преодолевая искушение поцеловать мужа. Как странно.., он был в ней, по-настоящему был в ней, касался.., целовал... И это оказалось не слишком ужасно. Он даже наслаждался всем, что проделывал. Да и для нее это тоже было не так уж плохо.

Мэри Роуз вздохнула, только сейчас почувствовав, какая она мокрая и липкая внутри.

Услышав ровное дыхание мужа, она осторожно отодвинулась, встала и, сняв рубашку, вымылась. Мышцы ныли, внизу живота саднило. Все это так непривычно!

Мэри Роуз поспешила надеть рубашку. В большой комнате было холодно: огонь в камине давно погас. Она снова скользнула в постель и прильнула к мужу. Как приятно!

Мэри Роуз положила ладонь на его грудь. Ей почему-то захотелось передвинуть руку ниже, но это уже неприлично, Она не должна испытывать подобные желания!

Засыпая, она радостно улыбалась. Тайсону она и в самом деле небезразлична. Он извинялся за то, что сделал ей больно, но Мэри Роуз сомневалась, что он был искренен в своем раскаянии. Когда он просил прощения, в его прекрасных глазах светилось победное торжество. Очень странно. Хотя он мужчина, а мужские чувства и поступки ей неведомы. Сумеет ли она когда-нибудь постичь его мысли?

В спальню проникли первые бледные лучи рассвета. Тайсон мгновенно проснулся, с удовольствием ощутил рядом с собой прелестное мягкое тело, но тут же сообразил, что замерз. Не хватало еще, чтобы Мэри Роуз простудилась! Он потихоньку поднялся и на цыпочках прошел к камину. Пока огонь разгорелся, Тайсон, вернувшийся в постель, окончательно продрог. Немного согревшись, он повернулся на бок.

— Мэри Роуз, — прошептал он, и от одного звука ее имени его плоть поднялась и стала тверже, чем черные базальтовые скалы за замком. Теперь он уже пылал, пылал с головы до ног, раскалился от внутреннего жара, словно печка, которую разожгли так быстро, что она вот-вот взорвется.

Тайсон не стал ждать, пока Мэри Роуз пошевелится, и начал целовать бледное спокойное лицо, обрамленное растрепавшимися рыжими волосами. Странно, что на ней его рубашка, но сейчас это не важно. Рубашка слетела в один миг. И Мэри Роуз не сопротивлялась, не трепетала от страха, не пыталась остановить мужа, только подняла бедра, чтобы помочь ему раздеть ее. Едва она осталась обнаженной, он рывком привлек ее к себе, наслаждаясь каждой минутой близости. Тайсон застонал, поняв, что она отвечает на его поцелуи. Желание кружило голову, почти лишая сознания, и он уже не думал, что сейчас утро, что он шокирует жену, что она сгорит со стыда, осознав, как жадно муж разглядывает ее тело.

Мэри Роуз, обезумев, отвечала поцелуем на поцелуй, бесстыдно и раскованно.

— Откройся, я хочу ощутить твой вкус, — тихо попросил Тайсон, вздрагивая от силы своих ощущений, и стал целовать ее груди, лихорадочно глядя нежное тело. Мэри Роуз едва слышно замурлыкала, и все это, вместе взятое: довольные звуки, ее рот и руки, ласкавшие его живот, — чуть не довело новоиспеченного мужа до умопомрачения. Он попытался выгнуться, чтобы она могла касаться его еще и еще.

И тут Тайсон в самом деле едва не превратился в свинью. Почти.

Тяжело дыша, он отстранился, и внезапно все стало совершенно ясно. Он хотел целовать ее.., везде.., чего никогда не хотел прежде. Никогда раньше с ним такого не случилось, но теперь он жаждал этого больше всего на свете. Все казалось таким естественным, он просто обязан был это сделать, если хотел и дальше жить и дышать.

Тайсон сползал по телу жены все ниже, целовал и мял ее живот и бедра, обдавая жаром своего дыхания, пока не прижался губами к влажным горячим створкам. Мэри Роуз словно оцепенела, но продолжалось это всего секунду.

— О Господи! — простонала она, вжимаясь в его рот и ощущая, как длинные пальцы проникают в самую ее суть. — Тайсон! — вскрикнула Мэри Роуз, когда поняла, что с ней происходит нечто невероятное, и вцепилась в его волосы.

Она упала на подушки, повторяя его имя снова и снова, умоляя не останавливаться, не останавливаться, пожалуйста, только не останавливаться... Она металась, извивалась под ним, желая одного: чтобы это продолжалось вечно.

Тайсон остро ощутил ее лихорадочное наслаждение, омывавшее его сладостной волной, и это потрясло его до глубины души. За всю жизнь ему не довелось испытать такого. Когда она затихла, он медленно поднял голову и посмотрел на нее в проникавшем сквозь окна утреннем свете. Лицо Мэри Роуз покраснелось, губы раскрылись, взгляд мечтательно затуманился.

— Господи, — повторила она, протягивая ему руки. Тайсон в мгновение ока очутился в ее объятиях.

— Надеюсь, тебе и это понравится, — прошептал он, вонзаясь в нее и начиная двигаться, быстро и резко. На этот раз он уже не сомневался, что минуты его сочтены. Но какая разница? Он готов покинуть эту землю.

Когда он выгнул спину и закричал что-то бессвязное, она прижала его к себе и стала целовать грудь, гладить спину, просунула руку между их телами и слегка ущипнула живот.

Он тяжело упал на нее, положив голову на подушку. Но Мэри Роуз продолжала ласкать его, изредка целуя то в ухо, то в висок — куда могла дотянуться.

— Совершенно невероятно, — пробормотала она:

— Я понятия не имела, что между мужем и женой бывает такое.

Тайсон тоже не имел и сейчас никак не мог опомниться. Он подумал о своих братьях, светских мужчинах, обожавших женщин. Они не стеснялись рассуждать на подобные темы, он же всегда считал, что потакать своим желанием грешно, и даже то, что его братья наслаждаются любовными играми в супружеской постели, не избавляет их от необходимости покаяния. Тайсон сознавал свое превосходство над Дугласом и Райдером, понимая, что они в отличие от него не умеют управлять телесными порывами посредством ума, духа и интеллекта. Разве любовь не грех, если она заставляет мужчину забыть, на каком он свете, пусть на миг, но отринуть самое важное, что есть в жизни, рассуждал викарий.

Неужели он был таким напыщенным идиотом? Невыносимым, омерзительным ханжой?

Тайсон снова затвердел, прямо в ней, и невольно рассмеялся, впервые за тридцать один год ощутив невероятное счастье быть мужчиной, который дарит женщине такое же наслаждение, какое получает от нее.

Наконец ему удалось немного овладеть собой, — Мэри Роуз, — прошептал он между легкими поцелуями-укусами, — чувствуешь, как я заполнил тебя?

Он снова задвигался, легко, неспешно, стараясь не застонать от удовольствия.

— Да, — кивнула она, приподнимаясь и целуя его в плечо. — Конечно. Это восхитительное ощущение, Тайсон. Спасибо за то, что подарил мне все это...

Он увидел их прижатые друг к другу тела и вдруг понял, что и это с ним тоже впервые.

— Тебе больно?

— Немножко, но это не важно. Мне ужасно все нравится, Тайсон.

Он снова рассмеялся и поцеловал ее. Ему внезапно захотелось снова коснуться заветного местечка, увидеть ее извивающейся от наслаждения. Так он и сделал, наблюдая, как глаза Мэри Роуз затуманиваются. В этот миг не было человека счастливее его. Конечно, нет ничего дурного в том, что муж наслаждается своей женой! Глупо было думать иначе...

Вернул его к действительности громкий стук. Тайсон открыл глаза, но не пошевелился.

— Мне все равно, что происходит, даже если это вернулся Эриксон с намерением снова

похитить тебя. Ни за что не сдвинушь с места! И ты тоже. Поскольку ты лежишь подо мной, тебе ничего не грозит.

Мэри Роуз расплылась в улыбке, стиснула мужа в объятиях и крикнула;

— Кто там?

— Это я, Мегги!

Тайсон лукаво прищурился, — У меня есть дочь и два сына, только я почему-то не могу вспомнить их имена. Хорошо еще, что Мегги догадалась постучать!

Они едва успели отпрянуть друг от друга, когда дверь приоткрылась и в щель просунулась голова Мегги.

— Доброе утро. Знаете, уже почти восемь! Принести вам завтрак? Мэри Роуз, ты как? Неужели вы все еще разговариваете? Что ты ему рассказываешь? Тебе по-прежнему нравится папа?

— Она обожает меня, — со вздохом заверил Тайсон. — И мы хотели бы позавтракать.

— Успокойся, Мегги, твой папа мне по-прежнему нравится.

Дверь закрылась. Тайсон повернулся к жене, привлек ее к себе, так что ее стройное тело прижалось к нему. Прикосновение груди и стройных бедер свело его с ума.

— Так что ты думаешь о супружеской жизни?

— Я солгала Мегги, — призналась Мэри Роуз, откидывая одеяло. — Ее папа мне не просто нравится. Пока что супружеская жизнь кажется великолепной. Никогда в жизни не испытывала ничего подобного. Она уже хотела встать, но вспомнила, что обнажена, и застыла. Обернувшись, Мэри Роуз увидела, что ее муж лежит голый, со сбившимися к ногам простынями, и взирает на нее с таким видом, словно не знает, что делать.

Она тоже уставилась на него, но не на лицо, а гораздо ниже, и он замер. Впервые женщина видела его без одежды и, похоже, весьма этим заинтересовалась. Мелинда Беатрис всегда отводила глаза, когда по чистой случайности заставала мужа в костюме Адама.

— Мэри Роуз?

— Ты прекрасен, Тайсон! — воскликнула она, вставая, и попыталась было прикрыть грудь руками, но тут же уронила их и вызывающе выпрямилась. — По-моему, глупо смущаться — ведь ты уже раздевал меня во время болезни.

— Верно, — словно откуда-то издали услышал Тайсон свой голос и снова посмотрел на Мэри Роуз. — Но теперь все по-другому. Ты улыбаешься мне, такая теплая и живая, твое лицо раскраснелось, а волосы просто восхитительны!

Она взвизгнула и бросилась к тазику с водой, рядом с которым оставила свою ночную рубашку. Наспех оделась и случайно взглянула на воду.

— Тайсон, о Боже, Тайсон! — жалобно вскрикнула она, и он моментально оказался около нее. Она молча показала на красные разводы.

— Это потому, что ты была невинна, — с облегчением пояснил он. — Ничего страшного,

уверяю тебя, не о чем волноваться.

Мэри Роуз повернулась, очень пристально оглядела его сверху вниз, в основном изучая то, что внизу, и Тайсон, невольно покраснев, прижал ее к себе, желая скрыть тот явный факт, что снова объят желанием. Он вдохнул знакомый запах ее волос, запах летней розы, своего семени и ее наслаждения.

— Ты уже простила меня, Мэри Роуз? Она слегка отстранилась.

— О да. Ты самый лучший муж на свете! И самый красивый. Мужчина... Ты так от меня отличаешься. Я обожаю тебя, Тайсон!

Она неожиданно протянула руку и коснулась его. Тайсон застонал и дернулся, но не отступил, продолжая сжимать ее в объятиях, втайне желая, чтобы она снова дотронулась до него, и понимая, что лучше бы она этого не делала.

Все это время он молчал, не зная, что сказать. Она считает его прекрасным? Ласкает его мужскую плоть?

Он стиснул Мэри Роуз еще крепче, мечтая подмять ее под себя.

Но тут, к счастью, явилась Мегги. Тайсон отпустил жену, вздохнул и взял халат со стула.

— Тебе письмо от Дугласа, — сообщила Синджен, когда новобрачные, держась за руки, с блаженными улыбками на физиономиях спустились вниз. При этом они старательно делали вид, что не слишком смущаются. Со двора вошел Колин, растрепанный, в одних черных вязаных лосинах и просторной белой рубашке.

— Доброе утро, — приветствовал он родственников. — Насколько я понял, вы вполне здоровы и счастливы?

— О да, — заверила Мэри Роуз. — Все великолепно.

И тут же стыдливо вспыхнула, так что ее лицо сравнялось по цвету с пламенем волос. Тайсон, не раздумывая, поцеловал ее. Какая она красивая! Сверкающие зеленые глаза, смеющийся рот... Он женатый человек, и его жена изумительна!..

Как быстро все меняется! Он стал лордом Бартуиком, приехал в Шотландию и нашел себе невесту. Промысел Господень еще неясен, но, пока Мэри Роуз принадлежит ему, Тайсону, все будет хорошо.

Колин оглядел довольную парочку и лукаво подмигнул жене.

— Ничуть не удивлен, — заметил он, обращаясь ко всем сразу, в том числе к Паудеру, дремавшему на стуле. — В конце концов, Тайсон — тоже Шербрук.

— Помолчи, зятек. Ты смущаешь мою жену, — добродушно остановил его Тайсон и, взяв у Синджен письмо, стал читать. — Дуглас немного зол на меня, но уверяет, что скоро успокоится, поскольку Оливер ждет не дождется, когда окажется в Килдрамми и приступит к исполнению обязанностей управляющего. Кстати, он уже на пути в Шотландию и должен скоро приехать. Побросал все вещи в саквояж и на следующее же утро отправился в дорогу. Дуглас считает, что я у него в долгу.

Оливер прибыл в тот же день. При виде Килдрамми он просиял и разразился восторженными воплями.

— О, преподобный Тайсон — восклицал он, энергично тряся руку хозяину. — Это куда больше, чем я заслуживаю. А вы, сэр, должно быть, мистер Макнили? Надеюсь, вы не уедете, пока я не усвою достаточно, чтобы не разорить это прекрасное поместье?

— Ни за что, — со смехом отозвался Майлз. — Только когда буду убежден, что вы поднимете хозяйство на новую высоту.

При виде Мэри Роуз молодой человек остановился как вкопанный и вытаращил глаза.

— Оливер, — встревожился Тайсон, — что с тобой?

— Оказывается, вы женаты, милорд... Я не представлял вас с женщиной, то есть с женой...

— Рада познакомиться, Оливер, — улыбнулась Мэри Роуз, протягивая ему руку.

— Пора, — сказал Тайсон жене. Она понимала, что пора, и все же боялась — боялась того, что сейчас узнает.

Мистер Макрей уехал. Колин и Синджен отправились на прогулку верхом, Мегги помогала Паудеру складывать галстуки Тайсона, миссис Голден готовила ужин, новая горничная стирала, а Оливер и Майлз Макнили заперлись в библиотеке, обложившись счетными книгами.

— Я попросил твою мать встретиться с нами, — сообщил Тайсон, сжав руку Мэри Роуз. — Она считает, что настало время все раскрыть тебе.

Как ни странно, Макнили тоже находился в гостиной вместе с Гвинет и медленно поднялся, когда хозяйка вошли в комнату. Тайсон ничего не сказал по этому поводу, ожидая, что последует дальше. Мэри Роуз посмотрела на мать, потом на Майлза.

— Сэр, вы мой отец? — вырвалось у нее.

— Хотел бы, но, увы... — развел руками Майлз, — я приехал в Килдрамми когда тебе было уже десять. Но зато твоя дорогая матушка только что согласилась стать моей женой.

Мэри Роуз покачнулась, и Тайсон заботливо поддержал ее.

— Значит, вы всегда были так добры ко мне именно потому, что любили маму?

— С давних пор. Однако до последнего времени мне нечего было предложить ей. Теперь, унаследовав поместье и деньги, я счел себя вправе выяснить, как она ко мне относится. Видишь ли, выйди она за меня раньше, ей пришлось бы жить в Килдрамми, потому что дома для управляющего здесь нет.

Помолчав, он улыбнулся Гвинет и продолжил:

— Что же до тебя, Мэри Роуз... В тот момент, когда я увидел тебя, эти прекрасные растрепанные волосы, маленькое личико, тощую фигурку, слетевший с длиннющей ноги башмачок, широкую улыбку, которой ты меня одарила, я влюбился с первого взгляда. А зубы! Идеально ровные и такие белоснежные! Нет, дорогая, я люблю тебя просто потому, что ты есть. Надеюсь, ты согласишься иметь меня в качестве отчима?

Мэри Роуз обернулась к матери, молча сидевшей на диване. Сегодня на Гвинет было чудесное платье из светло-голубого муслина, в котором она выглядела хотя и бледной, но счастливой.

— Да, дорогая моя, я очень хочу выйти замуж за Майлза. Видишь ли, он полюбил меня, потому что с ним я всегда была обычной, нормальной женщиной. Нам пришлось долго ждать, но теперь все отлично устроилось.

— Поздравляю вас обоих! — воскликнул Тайсон. — Мэри Роуз, что ты думаешь обо всем этом?

— Не знаю, что и сказать. Столько событий сразу! Я рассчитывала, что мама поедете нами в Англию и я не буду одинока в чужой стране, но...

— Дорогая моя, — прошептала Гвинет, раскрывая дочери объятия, — если это необходимо, мы можем подождать. Я отправлюсь с тобой и твоим мужем.

Но Мэри Роуз покачала головой.

— Нет, мама, это было бы верхом эгоизма с моей стороны. Я очень счастлива и желаю тебе того же. Ты это заслужила!

Она вдруг представила мать и Макнили в постели: их тела прижаты друг к другу, губы Майлза ласкают грудь матери... Нет, такое вообразить невозможно!

— Ну и ну, — прошептала она, уставясь на носки своих туфель.

— Превосходно! — объявил Тайсон. — Такое событие надо отпраздновать шампанским. Но сначала покончим с делами. Мадам, Мэри Роуз давно пора узнать о своем отце и о тех деньгах, что он ей оставил.

— Да, — кивнула Гвинет, — вы правы. Но это такая трагедия, которая может глубоко ранить Мэри Роуз.

— Ранить? Да я столько лет пыталась выведать хотя бы его имя!

— Видишь ли, твой отец — это дед Йена. Тайсон удивленно посмотрел на тещу.

— Вы хотите сказать, что старый Тайронн был отцом Мэри Роуз? Что это он оставил ей деньги?

— Да, — кивнула Гвинет. — Когда мы встретились, ему было уже за шестьдесят. Жена умерла, и он отчаянно пытался получить еще наследника, а может, и не одного. Это превратилось у него в манию. Я приехала погостить к сестре, и она познакомила меня с Тайронном. Я имела несчастье увлечься им.

Тонкие руки взлетели, как крылья бабочки, и Гвинет поспешно отвернулась к окну, чтобы скрыть волнение.

— Никогда не забуду, как он твердил мне, что хочет сыновей, и как можно больше, ибо жизнь настолько ненадежна и хрупка, что ни за что нельзя поручиться даже при том количестве наследников мужского пола, которые в то время у него были.

Она умоляюще взглянула на дочь.

— Я отдалась ему, Мэри Роуз. Так ты появилась на свет. Он отказывался жениться на мне, пока не удостоверится, что родился мальчик. Узнав о тебе, он сказал, что найдет другую женщину,

которая родит ему сына. Позже Тайронн сообщил о вкладе, который внес на твое имя, а взамен потребовал, чтобы я никому не говорила о нашей связи. Я возненавидела его настолько, что хотела убить, но все же молчала, потому что он обещал обеспечить тебя только на этих условиях. Наверное, боялся, что ты встанешь на пути его наследников. У меня не оставалось выбора. Пришлось переехать к сестре и притворяться безумной, чтобы отделаться от сэра Лайона.

— Мама, — еле слышно прошептала Мэри Роуз, — мне так жаль...

— Погоди, дорогая, это еще не все. Речь пойдет о Йене. Как тебе известно, Тайронн больше не женился. Столько мальчиков; сыновья, внуки, племянники, кузены.., и все умерли, один за другим. Йен, единственный из оставшихся в живых, намеревался жениться на тебе, но это, как ты понимаешь, было невозможно. Вы в слишком близком родстве.

— Йен умер, — грустно напомнила Мэри Роуз, — Напился и упал с обрыва.

— Возможно, — кивнула Гвинет, — но я знаю, что в тот день Тайронн открыл внуку правду. А вечером Йен погиб. Для него все было кончено.

— Нет, не может быть! — ахнула Мэри Роуз. — Никогда не поверю, что Йен покончил с собой.

— Не знаю. Молюсь только, чтобы это было не так. Мэри Роуз молча шагнула к мужу. Тайсон привлек ее к себе и зарылся лицом в мягкие локоны.

— Это все, мадам? — спросил он.

— Да. Но я не знаю, сколько денег оставил Тайронн. Вполне вероятно, что много. Он часто намекал на огромное состояние. У меня записано имя джентльмена, единственного в целом свете, посвященного в эту историю. Я дам его тебе. Это твое право.

Глава 22

15 сентября 1815 года

Тайсон и Мэри Роуз вежливо откланялись и вышли из спальни поверенного, мистера Мортимера Палмера, настолько древнего и одряхлевшего, что он все дни проводил в постели, обмотанный шерстяными шальями. Он отдал Мэри Роуз толстый конверт, благословил ее на манер кардинала и при этом беспрестанно заходил в кашле, таком сильном, что Тайсон боялся, как бы поверенный не свалился на пол. Тайсон был несказанно рад, что старик дожил до их визита. Интересно, что случилось бы с конвертом, если бы мистер Палмер успел умереть?

Они направились пешком к Эбботсфорд-Кресент, городскому дому Синджен и Колина, наслаждаясь теплым солнечным днем и вдыхая запахи города. Тайсон вслушивался в певучие звуки шотландской речи, которую едва понимал, и то и дело оглядывался на мрачную громаду замка. Мэри Роуз молча шагала рядом, задумчиво наморщив лоб и прижимая к груди конверт.

— Не стесняйся, — с улыбкой посоветовал Тайсон, — открывай. И не тревожься, все обойдется.

Он повел ее в небольшой парк и усадил на скамейку.

— Я боюсь, — чуть не плача, призналась она, глядя на конверт, как на ядовитую змею, готовую вот-вот ужалить. — Пожалуйста, Тайсон, прочти ты. Тайсон разорвал бумагу. Внутри оказался единственный листок, обернутый вокруг еще одного, очень толстого, конверта. Тайсон

развернул листок и стал читать вслух:

Дорогая дочь!

Если ты читаешь это письмо, значит я умер, а тебе либо исполнилось двадцать пять, либо нашелся муж и для тебя. Твоя мать была неотразимой красавицей, и я надеялся, что она родит мне сына, еще одного наследника, но этого не случилось. Как оказалось, она зачала от меня дочь. Какая жалость! Однако именно поэтому я не смог жениться на ней. Она оказалась недостойной звания баронессы Бартуик. Но ты жива и здорова, так что мне, как человеку чести, пришлось обеспечить тебя приданым.

Твой отец, Тайронн, барон Бартуик.

Тайсон смял послание в комок и угрожающе потряс кулаком, обернувшись в ту сторону, где находился Килдрамми. Он хотел было выбросить письмо, но сдержался, прочел еще раз, уже про себя, и усмехнулся:

— Что за гнусный скряга! Негодяй считал несчастьем рождение дочери?! Слава Богу, что ты женщина, иначе мы не были бы вместе. А вид у тебя такой, словно ты сейчас в обморок упадешь! Послушай, старый Тайронн, этот жестокий, бесчувственный старик, был одержим манией иметь кучу наследников, куда более сильной, чем стремление дьявола заполучить христианскую душу. От его эпистолы так и веет невыносимым высокомерием. Не позволяй этому злосчастному письму тебя ранить. Твой отец, должно быть, окончательно помешался к тому времени, когда писал этот бред.

Мэри Роуз склонила голову, что Тайсон счел весьма привлекательным.

— Не позволю. Ни за что не позволю. Я хорошо помню, что Тайронн всегда казался мне странным. Он совсем не обращал на меня внимания — наверное, потому, что я была девочкой. Тогда я просто проходила мимо и тотчас про него забывала. Йен как-то рассказывал, что каждый вечер за ужином его дед собирал всех детей и расспрашивал их о здоровье. Йена это сместило. Он признался, что он и его кузены придумывали самые невероятные симптомы, только чтобы посмотреть, как старый Тайронн бледнеет, ломает руки и рассуждает о всяких смертельных болезнях. — Она замолчала и вопросительно взглянула на Тайсона. — Он и в самом деле жалок, ты не находишь?

— Да, и я рад, что он не омрачил твою жизнь. Вряд ли такой родитель способен что-то дать ребенку.

— Знаю. Куда лучше было наблюдать за ним на расстоянии и слушать всякие небылицы, которые ходили по всей округе. Среди соседей он слыл чудаком.

Тайсон протянул жене конверт поменьше, битком набитый. Мэри Роуз попыталась его открыть, но он был таким старым, что рассыпался в ее руках и оттуда вылетели банкноты. Ветерок закружил их, прежде чем они, словно снежинки, усеяли землю. Новобрачные собрали их, пересчитали... и залились смехом.

Тайронн, покойный лорд Бартуик, оставил своей дочери в приданое ровно сотню фунтов в банкнотах по одному фунту.

— Поразительно! — рассказывала позже Мэри Роуз своим новым родственникам — Синджен, Колину и Мегги. — Отсмеявшись, мы вдруг поняли, какую тонкую шутку сыграл отец. Представляете, что было бы, выйди я замуж за Эриксона? Он был так уверен в моем богатстве,

что пошел на все, пытаюсь меня похитить, — и что в результате? Ничтожная сотня фунтов.

— Ты откроешь матери правду? — спросил Колин.

— Нет, — вмещался Тайсон. — Мэри Роуз не хочет, чтобы стало известно о проделке старого скряги. Пусть лучше Эриксон всю жизнь гадает, какое состояние досталось бы ему в случае успеха его плана. Теперь он женится на Донателле и удовольствуется жалкими пятью тысячами. Интересно, что скажет на это его дражайшая матушка?

— Сомневаюсь, что она вообще раскроет рот, — возразила Мэри Роуз. — С Донателлой придется считаться. У матери Эриксона нет ни единого шанса на победу в этом поединке. Что же до дяди Лайона, ему придется затянуть пояс потуже и Начать экономить. Вряд ли его семье такое понравится.

— Сэр Лайон, возможно, немедленно выдаст Донателлу за Эриксона, — предположил Тайсон. — Что ж, Мэри Роуз, ты должна быть довольна: твоя мать счастлива с Макнили, поклонник кусает локти от злости, воображая, какая лакомая добыча ускользнула из его рук. Остается только освоиться в чужой стране, где ты отныне будешь жить.

Он погладил жену по щеке. Мэри Роуз вздохнула и потерлась о его ладонь.

— Мегги сказала: жена да прилепится к мужу. Так в Библии написано. Это означает, что жена должна следовать за мужем даже в змеиное гнездо.

— Я объясняла ей, папа, — вставила Мегги, — что там, где мы живем, змей почти нет.

Иден-Хилл-Хаус, Гленклоуз-он-Роуэн, южная Англия

— Кто вы?

Мэри Роуз, совершавшая прогулку по пасторату, огляделась и заметила долговязого мальчишку, стоявшего на голове за живой изгородью.

— Должно быть, трудно так стоять? — участливо спросила она, опускаясь на колени рядом с ним. Наверное, это Лео, маленький спортсмен, который любит лошадей, не знает ни слова полатыни, унаследовал жизнерадостный характер своего дяди Райдера и сводит сестру с ума своими выходками. Тайсон и Мегги говорили, что на время поездки в Шотландию оставили мальчиков в Нортклифф-Холле, у тети и дяди. :

— Нет, только для этого нужна крепкая голова. Папа говорит, что моя специально предназначена для стояния вверх ногами.

— Я Мэри Роуз.

— А меня зовут Лео. Вы пришли к папе? Ну конечно, ведь он викарий. Только теперь стал лордом, уехал в Шотландию, и я не знаю, когда вернется.

— Вообще-то...

— Лео, немедленно прими надлежащее положение!

— Папа! — Лео сделал грациозное сальто, приземлился и бросился на шею к отцу.

— Мы не думали... Макс предложил побиться об заклад, что ты приедешь в следующее воскресенье, но у меня осталось только три шиллинга и я не хотел рисковать. Потерять их — значит остаться совсем без ничего. Я знаю, папа, что Макс вечно жульничает, только доказать не могу.

— Теперь я дома и рад, что ты не потерял свои три шиллинга, — усмехнулся Тайсон, крепко обнимая сына. — Как я счастлив тебя видеть, Лео! Что ты здесь делаешь? Вижу, ты загорел и выглядишь потрясающе здоровым. Ты уже познакомился с Мэри Роуз?

— Она назвала свое имя, но и только; Надеюсь, это не гувернантка, папа? Макс наверняка выведет ее из себя, потому что хвастается, будто знает все на свете. Как бы она не огрела его чем-нибудь по голове! Только она не похожа на настоящую гувернантку, и выговор у нее смешной. Гувернантки все такие строгие и изъясняются правильно. А, наверное, это новая горничная! Кстати, дядя Дуглас позволил нам съездить домой, пока Макс занимается с мистером Харботтлом.

— Я немедленно сообщу твоему дяде, что мы уже вернулись, и вы останетесь дома, — пообещал Тайсон. — Представляешь, Лео, Мэри Роуз знает латынь лучше, чем Макс! Что ты об этом думаешь?

Лео внимательно оглядел незнакомку. Сегодня на Мэри Роуз было ее старое платье из светло-серого муслина, довольно поношенное, и теперь она пожалела, что не надела новый наряд, сшитый в Эдинбурге по настоянию Синджен.

— Не знал, что девчонки могут говорить на каком-то языке, кроме английского. Мистер Харботтл утверждает, что именно поэтому не берется их учить. Они просто ничего не понимают. Макс напомнил, что Мегги способна переспорить даже его, но мистер Харботтл не поверил. А вы и в самом деле как-то странно говорите.

— Потому что я шотландка, — пояснила Мэри Роуз, специально усилив акцент, — а мистер Харботтл, похоже, чересчур старомоден.

— Мегги считает, что он просто дряхлый болван и не способен отличить бобы от клубники. А вы правда из Шотландии? Папа привез вас из Килдрамми?

— Совершенно верно.

— Лео, — вмешался Тайсон, беря мальчика за руку, — это моя новая жена и твоя мама.

Лео замер, насторожился, окинул Мэри Роуз оценивающим взглядом и, по-видимому, не одобрил увиденного. Это его мать?!

Мальчик поскреб в затылке и задумчиво признался;

— Мы так долго обходились без мамы, что вряд ли она нам понадобится теперь. Нет, папа, мне она не нужна. Никому из нас. Да и как она может быть моей матерью, если я ее совсем не знаю?

— Прикуси язык, Лео! — строго приказала Мегги, подбегая к ним и потрясая кулаком у него под носом. — Я не знала, что ты здесь, иначе ни за не позволила бы Мэри Роуз бродить одной. Слушай, что я тебе скажу, олух: достаточно того, что я ее знаю. Именно такая мама нам нужна. И не вздумай ее обижать, иначе тебе плохо придется.

— Впечатляющее начало, — с нервным смешком заметила Мэри Роуз. Выглядела она не столько веселой, сколько ошеломленной, и Тайсон не мог ее за это осуждать.

— От меня тебе тоже достанется, Лео, — пообещал он. — Постарайся узнать новую маму получше. Я уверен, ты поймешь, какая она хорошая. Кстати, у Макса уже закончились занятия?

Лео, не отпуская руку отца, нахмурился и нехотя ответил:

— Макс сейчас с мистером Притчертом. По-моему, они обсуждают какой-то теологический трактат — естественно, латинский. — Обернувшись к Мэри Роуз, он пояснил; — Папин помощник. Младший священник. Это он отвозит нас в Нортклифф-Холл после уроков. Мистер Притчерт даже старше папы, но еще ни разу не женился. Может, вам стоит выйти за него, а не за папу?

— Брак — это навсегда, — возразил Тайсон. — Мистеру Притчерту придется найти себе другую невесту.

Лео судорожно вцепился в отца и внезапно выпалил:

— А ты можешь спорить на латинском?

— Никогда не пробовала, — призналась Мэри Роуз. — Случая не было. Может, Макс научит меня?

— И волосы у тебя рыжие, — подвел неутешительный итог мальчик.

— Лео, — зашипела Мегги, злобно прищурившись, — думай, что несешь! Жаль, что ты не получил моего письма, где я подробно описывала Мэри Роуз. Тебе давно пора научиться придерживать язык!

— Я ничего такого не сказал, — оправдывался малыш.

— Да, — кивнула Мэри Роуз, — волосы у меня очень рыжие. Тебе нравится такой цвет, Лео?

— У моей тети Алекс такие же. Твои, пожалуй, ярче, зато густые и курчавые, как у нее. Мой дядя Дуглас — он брат папы и граф — очень любит рыжих. Всегда играет с буклями тети Алекс. Однажды даже потерял о них щекой и лизнул. По-моему, это просто отвратительно!

Мэри Роуз чуть не расхохоталась, но заставила себя сдержаться. Чего она ожидала? Что мальчишки с первого взгляда будут очарованы ею и поклянутся в вечной любви? Вот он, Тайсон, и его дети. А она стоит одна, одна напротив этой троицы, стоит у того самого дома, где отныне ей придется жить.

— Папа стал другим, — пожаловался Лео. — Какой-то чудной и все время улыбается. Даже не отругал меня, когда я проговорился о пари на три шиллинга.

— Врешь ты все! Папа ничуть не изменился. И заткнись, слышишь? — прикрикнула Мегги. Она сверлила брата строгим взглядом, пока он не замолчал, а потом бросилась к Мэри Роуз, обняла ее и негромко спросила:

— Что ты думаешь о своем новом доме? Правда он чудесный? Столько плюща, и кирпич от старости немного выцвел... Это так красиво! Папа боится, что плющ заберется к нему в

постель и обовьет его, тогда Монро и Эллис не смогут спать у него на животе. Внутри тоже уютно, и места достаточно для всех нас. Правда, гостиная слишком темная, но, думаю, ты можешь приказать сжечь все шторы.

— Плюща и вправду немало, — кивнула Мэри Роуз, — Неужели шторы действительно надо сжечь?

— Думаю, да, — подтвердил Тайсон. — Я просто никогда об этом не думал.

— Это потому, что ты джентльмен, папа, а джентльмены не разбираются в таких вещах.

— Клянусь, Мегги, что теперь, когда Мэри Роуз здесь, я постараюсь смотреть на вещи с ее точки зрения. Давайте зайдём в дом, — предложил Тайсон, беря жену за руку. — Тебе нужно познакомиться с миссис Придай. Это наша экономка и кухарка. Есть еще две горничные, Белинда и Тутси, но они в доме не живут, а приходят из деревни, как и служанка Мэриголд. С конюхом Малколмом ты уже познакомилась. Надеюсь, миссис Придди понравится тебе больше, чем миссис Макфардл.

— Да, а Монро и Эллис? — напомнила Мегги. — Они любят папу. И поскольку тебе так нравится разговаривать с ним ночи напролет, Монро и Эллис, возможно, устроятся у вас в ногах и будут громко мурлыкать.

— Эллис сегодня утром выплюнул большой ком шерсти, — сообщил Лео. — Миссис Придди накричала на него и попыталась огреть метлой, но он успел удрать.

— В Эллисе, — улыбнулся Тайсон, подумав, что улыбка стала для него чем-то вполне естественным, — несомненно, течет кровь скаковых кошек. Он очень худой, длинный и бегаёт так быстро, что иногда не поймешь, где у него лапы, а где голова.

— Правда, обычно он ленится, — вставил Лео. — Как только я хочу поиграть с ним, задирает хвост и гордо удаляется. Папа, ты опять улыбаешься?

— Оставь папу в покое! — отрезала Мегги. — Эллис уходит, потому что ты ему до смерти надоел. Пора бы уже к этому привыкнуть.

— Я по крайней мере не расхаживаю по улице, показывая панталоны, и...

— Хочешь, чтобы я задала тебе трепку, маленький негодник?

— Сначала поймай!

Он сорвался с места, Мегги пустилась следом, и вскоре оба исчезли в саду. Тайсон покачал головой.

— Ничего, она его пощадит, — успокоил он жену и понял, что по-прежнему широко улыбается. До чего же приятно!

Познакомившись с Белиндой, Тутси и Мэриголд, которые хихикали и подталкивали друг друга локтями, поговорив с холодно-вежливой миссис Придди, Мэри Роуз наскоро обошла комнаты. Ровно через полчаса Тайсона остановила миссис Флейвобонн, требовавшая разговора наедине и только с викарием, а Мэри Роуз вместе с миссис Придди поднялись наверх. Они стояли посреди новой спальни Мэри Роуз, примыкающей к комнате Тайсона, когда в саду раздались крики Мегги. Миссис Придди извинилась, сказав, что должна немедленно освободить

преподобного Шербрука от этой назойливой липучки, миссис Флейвобонн, и оставила Мэри Роуз одну. Она подошла к окну и взглянула вниз.

— Тебе следует немедленно задраить люки, Лео, — наставительно заявила Мегги, тыча пальцем в грудь брата и толкая его в заросли пресловутого плюща.

— Подумать только, Мегги, он нашел ее в Шотландии! Не нужна нам другая мать. Все было так хорошо... Не хочу ее видеть! Ей здесь не место! Она чужачка и девчонка! Почему ты за нее заступаешься?

— Я тоже девчонка, осел ты этакий, и мое место здесь. Половина здешних жителей — тоже девушки или женщины! Пора бы уже привыкнуть.

Она снова толкнула его в грудь. На этот раз Лео приземлился задом прямо в розовый куст.

— Мне в попу шип вонзился! — завопил мальчик, вскакивая. — Совсем ни к чему убивать меня, Мегги, даже если она мне не нравится! Мы так давно не виделись... Ты должна бы мне обрадоваться!

— Радоваться такому безмозглому идиоту, как ты? — бросила презрительно Мегги и, нахмурившись, заметила; — А ты вырос. Всего месяц прошел, а ты уже выше меня. Но я по-прежнему могу тебе ноги переломать, так что не забывайся!

— Я стану таким же большим, как папа, — торжественно объявил Лео. — Может, уже в следующем месяце. Уж к Рождеству — наверняка. Скоро тебе не удастся меня победить!

— Я всегда смогу тебя скрутить, — пообещала Мегги, подбоченившись, — потому что я и папу перерасту. И попробуй сказать еще что-то плохое Максу о Мэри Роуз, когда тот вернется от мистера Притчерта, понял?

— Мэри Роуз! Какое дурацкое имя! Противное, мягкое такое, словно в ней совсем косточек нет. Должно быть, она такая же слабая и глупая! Зачем папа на ней женился? Говорю же, ни к чему нам никакая мать! И ни о чем таком мы его не просили. Зачем?!

— Папа женился на Мэри Роуз, чтобы спасти от того ужасного человека, который пытался украсть ее, чтобы заставить выйти за него замуж.

— Вот как! — воскликнул Лео, потирая пострадавшую часть тела. — Что ж, это я могу понять. Он женился, потому что чертовски благороден и пожалел ее. Хорошо еще, что человек может жениться всего один раз, иначе сейчас папа был бы уже женат на целой дюжине дам, которые обратились к нему за помощью. Ты заметила, Мегги, он почему-то все время смеется и шутит, а это как-то странно. Что случилось?

— Он счастлив. Может, немного изменился. Но мне это нравится.

— Пожалуй, мне тоже, — признал Лео.

— О Господи, — пробормотала Мэри Роуз, отскакивая от окна. Как ее угораздило подслушивать? И что имел в виду Лео, говоря, будто отец изменился? Ну конечно, он улыбается, смеется и шутит. Что же здесь странного? Он такой, какой есть.

Она подошла к двери, но остановилась в задумчивости. Так ей и надо! Лео — всего лишь маленький мальчик, и потребуется время, чтобы он к ней привык.

Мэри Роуз огляделась. Она и минуты не пробудет в этом ужасном месте! Миссис Придди сказала, что раньше здесь была спальня Мелинды Беатрис. Со дня ее смерти никто сюда не заходил. Разве миссис Шербрук не кажется, что комнатка — просто чудо?

Мэри Роуз вдруг затошнило. Сейчас ее вырвет! Если она останется здесь, непременно окажется на коленях перед ночным горшком. Не то чтобы обстановка была уродливой — просто стены, казалось, смыкались над ней, а неприятный, затхлый запах так и лез в ноздри.

Нет, все это чушь. Дело в том, что эта комната — чужая, Кого-то другого. Не ее.

Она по-прежнему не шевелилась, размышляя, что делать, когда дверь открылась, вошел Тайсон и с порога выпалил:

— Не желаю, чтобы ты спала здесь! Эта комната никогда мне не нравилась. Моя спальня достаточно велика для нас обоих. Почему бы не переделать эту комнату в гостиную? Если, ничего не получится, устроим здесь карцер, куда будем в наказание сажать мальчишек.

Мэри Роуз подбежала к мужу и, обняв, прижалась всем телом. Миссис Придди, стоявшая сзади, фыркнула и громко заметила:

— Вы быстро отделались от миссис Флейвобонн, преподобный Шербрук. В два счета выпроводили ее. Но это дом слугителя Господа. Пасторат. Оставайся вы холостым, преподобный Шербрук, вы были бы выше плотских радостей. Раньше вы руководствовались исключительно духовными соображениями. А к такому я не привыкла, сэр.

— Но я больше не холостяк, миссис Придди. У меня есть жена, — напомнил Тайсон и мысленно добавил: «Отныне я не чужд радостей плоти, особенно когда дело доходит до Мэри Роуз и ее совершенного тела».

Он медленно опустил руки и обернулся к экономке:

— Давайте покажем моей жене ее новую спальню. Миссис Придди снова фыркнула. Оба кота — Эллис, настолько тощий и длинный, что, казалось, он обвился вокруг Монро, черного как смертный грех и желтоглазого, растянулись на кровати Тайсона. Эллис приоткрыл один глаз, увидел хозяина и, оглушительно заорав, взвился в воздух. Тайсон поймал его и посадил себе на плечо.

— Ну, малыш, надеюсь, ты вел себя прилично? Кот замурлыкал неожиданно громко. Мэри Роуз даже вздрогнула.

— Он стащил свиную отбивную прямо с кухонного стола, — пожаловалась экономка.

— Да, миссис Придди, за ним нужен глаз да глаз. Тайсон почесал коту брюшко, погладил и посадил рядом с Монро, который, не мигая, озирал присутствующих.

— Монро не любит суетиться, — пояснил викарий, пощекотав ему шейку. Кот потянулся, но Тайсон продолжал ласкать его, пока Эллис не взревновал и не вцепился хозяину в руку.

— Погоди, вот окажемся с ними в постели, — подмигнул Тайсон, и миссис Придди неприязненно поморщилась.

— Просто дождаться не могу, — откликнулась Мэри Роуз, и Эллис вдруг потерялся головой о ее пальцы. Она погладила его, и Эллис вновь прыгнул хозяину на плечо.

Макс Шербрук, гордо выпрямившись и расправив плечи, упрямо стоял на своем:

— Девушки не говорят на латинском, — А эта девушка говорит! — весело возразила Мэри Роуз.

— Даже если они и способны запомнить слова, все равно не поймут их смысла.

Мэри Роуз удивленно вскинула брови. Таких напыщенных речей никак нельзя было ожидать от мальчика с голубыми глазами Шербруков и квадратным подбородком. Страшно представить, сколько сердец он разобьет, когда станет старше!

Мэри Роуз сосредоточенно потерла щеку.

— Кажется, я слышу проповедь почтенного, но несколько старомодного мистера Харботтла?

— Разумеется, нет, — запротестовал Макс, — хотя он никогда не упускает случая посетовать на слабости и несовершенство женского пола.

— Почему ты столь невысокого мнения о женском уме, Макс? — удивилась Мэри Роуз.

— Да, — подхватил Тайсон, входя в мрачную гостиную с обреченными на сожжение шторами. — Объясни, откуда ты набрался таких идиотских идей, сын мой?

— Ты сам гово... — Макс, пригвожденный к месту отцовским взглядом, неловко поежился. — Ну.., может, ты не совсем так выразился, но я в жизни не поверю, что ты полагаешь, будто девчонки, не считая Мегги, конечно...

— Конечно.

— В общем, девочки ни на что не способны, разве что рожать детей и...

— погоди, Макс. Я никогда в жизни не утверждал подобной чепухи и уж, разумеется, так не думаю. А теперь тебе лучше помолчать. Если ты продолжишь распространяться на эту тему, твоя матушка накажет тебя.

Макс, упрямо набычившись, исподлобья разглядывал отца.

— Лео болтал насчет того, что ты переменялся, но я подумал, что он, возможно, слишком долго стоял на голове. Не знаю, папа, но...

Макс осекся при виде лучезарной улыбки отца. Мэри Роуз поморщилась. Зря Тайсон так упорно называет ее их новой матерью — от этого мальчики не станут любить ее больше. Мало того, судя по их отношению, оба искренне жалеют, что не могут отправить ее обратно в Шотландию. Но она все же заставила себя рассмеяться и принялась кокетливо обмахиваться платочком.

— Макс, хватит. Все это не важно. Зачем спорить о латинском? Не слишком интересный язык, к тому же мертвый. Правда, на нем когда-то говорила половина Европы. Вот египетские иероглифы — дело другое. Как по-твоему, стоит ими заняться?

— Только не говорите, что разбираетесь в иероглифах или можете на них говорить, — фыркнул Макс, подняв брови совсем как отец.

— Ну, на них никто не говорит. Это такой способ письма, и пока на земле нет человека, который мог бы его прочесть. Правда, недавно был найден базальтовый манускрипт, названный Розеттским камнем. Я читала, что ученые его сейчас исследуют и что в нем, возможно, содержится ключ к расшифровке иероглифов. По-моему, над ним сейчас работает месье Шампольон.

Макс чуть придвинулся к ней. Ободряющий знак!

— А я слышал, что это просто картинки, а никакой не алфавит. Мистер Харботтл считает, что, раз египтяне язычники, нам лучше совсем их не знать.

После такого заявления Тайсон решил, что отныне не позволит мистеру Эллиасу Харботтлу открыть рот в присутствии Макса. Подумать только, он еще платил за уроки! Напрасно не удосужился обратить внимание, каким вздором наставник забивает голову его сына. Наверное, следовало бы напустить Мегги на мистера Харботтла. Уж она ему показала бы!

— Никто еще точно не знает, — мягко возразила Мэри Роуз, — были ли египтяне язычниками, действительно ли иероглифы — буквы когда-то существовавшего языка или просто картинки. Поскольку твой отец знаком со многими оксфордскими учеными, как только они что-то обнаружат, мы попросим его написать им и выяснить подробности.

— Пожалуй, — нерешительно протянул Макс. — Папа, ты правда расспросишь ученых? Это серьезное открытие, возможно, даже имеющее некий религиозный аспект, который наверняка вас заинтересует.

— Больше всего нас интересуешь ты, Макс, — пошутил Тайсон, но сын не поддержал шутки. Его яркие голубые глаза взволнованно блеснули.

— Только представь: рассматривать эти старинные символы и рисунки, учиться понимать их смысл! Пожалуй, пойду к мистеру Харботтлу и скажу, что важно знать обо всем, даже о язычниках.

Мальчик выбежал из комнаты, что-то бормоча себе под нос — верный признак того, что он пребывает в глубокой задумчивости. Придется найти для него другого преподавателя, хотя это нелегко: способные, знающие учителя так же редки, как алмазы на мостовой.

— Хорошо, что ты сумела отвлечь его, Мэри Роуз, — сказал Тайсон. — Молодец! Не думаю, что мистер Харботтл оказывает на моих сыновей положительное влияние, Жаль, что я до сих пор этого не видел.

Он нахмурился было, но тут же склонил голову набок и улыбнулся.

— О Господи, ну вылитая Мегги, — замороженно пробормотала Мэри Роуз.

— Ты о чем?

— Она точно так же наклоняет голову.

— Наверное. Но мне нужно кое-что тебе сказать. Никогда не думал, что твое имя противное и мягкое, словно в тебе косточек нет. Кажется, так выразился Лео? Но ты, разумеется, не подслушивала.

— Мне не следовало этого делать, — вздохнула Мэри Роуз, — но я просто не смогла

удержаться. По-моему, имя у меня самое обыкновенное.

— Пойми, это твой первый день здесь, — продолжал Тайсон, сжимая ее руку, — но уже весь Гленклоуз-он-Роуэн знает, что викарий привез новую жену. Миссис Флейвобонн скорее всего проговорила миссис Пэдуорти, и хотя та, по-моему, старше самого Мафусаила, ей ничего не стоит обежать всех соседей. Одному Богу известно, что они там наболтали. Миссис Придди известила меня, что здешние дамы в полном составе спешат сюда с пирожками, печеньем и, разумеется, лепешками, поскольку ты шотландка. Вряд ли мужья довольны столь массовым исходом, ибо наступает время ужина.

Мэри Роуз тихо охнула:

— Сколько у меня времени?

— Минут пять, не больше.

Тайсон оказался прав. Вскоре через открытые двери пастората заструился поток гостей, сжимавших в руках блюда и тарелки.

Когда все наконец собрались в гостиной и миссис Придди освободила дам от подношений, викарий вышел вперед и объявил:

— Леди, позвольте представить мою жену, Мэри Роуз Шербрук.

Мэри Роуз переступила порог. Сзади маячила Мегги, стараясь не попадаться отцу на глаза. Ободряюще махнув мачехе, она устроилась у окна.

— Счастлива познакомиться с вами, — проговорила Мэри Роуз, стараясь улыбаться как можно искреннее. — Очень мило с вашей стороны нанести мне визит. Ваша еда пахнет так аппетитно! Пожалуйста, садитесь. Я хотела бы узнать ваши имена.

Десять минут спустя Тайсон незаметно удалился, перед этим попробовав лепешку, от которой во рту остался неприятный затхлый вкус. Теперь он не сомневался, что все обойдется. Правда, некоторым гостям доверять опасно, но даже они ведут себя прилично. Больше всего его беспокоила мисс Гленда Стрепторп. Наверное, стоило предупредить Мэри Роуз. К тому же дамы как-то странно на него поглядывали. Да, нужно признать, он много улыбался и даже смеялся.., время от времени. Вот у них и был такой вид, словно он отрастил третье ухо. Неужели он настолько изменился всего за месяц?

Тайсон постарался не тревожиться о том, как именно Мэри Роуз справится с его прихожанами. По правде говоря, он вообще лишился способности думать о чем-либо, кроме брачной ночи, когда овладел своей невестой. Его собственное удовольствие при виде изумления в ее прекрасных глазах, когда она в восторге выкрикнула его имя, заставляло Тайсона считать себя лучшим любовником во всей Англии, возможно, таким же великолепным, как его братья. Он не мог насладиться женой с тех пор как они покинули Эдинбург, потому что Мегги во время путешествия ночевала в их комнате. Это было мучительно — сознавать, что Мэри Роуз совсем близко, но обнять ее нельзя: ведь Мегги спит на топчане возле их кровати. На третью ночь он так отчаялся, что едва не плакал. Утешало одно — Мэри Роуз тоже была не в восторге от вынужденного воздержания. Но теперь они дома, и все изменится. Может, в эту ночь он сумеет взять ее дважды. Вряд ли Господь посчитает, что он чересчур потакает своим желаниям. Тайсон оглядел кабинет, до самого потолка набитый книгами, по большей части невыносимо скучными. Вряд ли нормальному человеку придет в голову открыть какую-то из них, а для того чтобы прочесть все, не хватит и двух жизней. И все же это его дом, здесь он писал проповеди, а

потом читал их по воскресеньям пастве. Проповеди, в которых говорилось о деяниях, ожидаемых Господом от благородных созданий своих, о наказаниях, тяжких, но справедливых и о непрерывных требованиях Создателя к послушникам и ученикам.

Тайсон уселся за письменный стол. Ни пылинки. Словно он и не уезжал. Никаких признаков отсутствия хозяина, если не считать солидной стопки писем. Он вскрыл первое и стал читать.

Полчаса спустя в комнату ворвалась запыхавшаяся бледная Мегги.

— Папа, там миссис Биттли! Она так нестерпимо мила, просто патока сочится! Ну, знаешь, какая она, когда готовится изречь очередную гадость. Боюсь, она обидит Мэри Роуз!

Тайсон метнулся к двери в гостиную и, не входя, прислушался.

Миссис Биттли, сварливая злобная женушка сквайра Биттли, бывшая местным проклятием столько же лет, сколько прожил на земле сам Тайсон, стояла посреди гостиной. Фиолетовый шелк обтягивал невероятных размеров грудь, такого же цвета перо стояло дыбом в туго завитых буклях. Сжимая пухлыми пальцами пышку, она взирала на Мэри Роуз.

— Какая, должно быть, удача для вас, иностранки, чужачки, стать женой нашего дорогого викария, англичанина до мозга костей, — изрекла почтенная дама.

— Совершенно верно, миссис Биттли, спасибо, что упомянули об этом. Миссис Марком, еще чашечку чая?

— Нет, миссис Шербрук, благодарю. Вам, женщине, не знакомой со здешними обычаями, да еще не англичанке, вероятно, трудно привыкнуть к своему новому имени?

Мэри Роуз улыбнулась тощей как скелет женщине, такой светлой, что ее волосы в полумраке гостиной выглядели почти белыми.

«Завтра, — подумала она. — Завтра в этой комнате будет светло». Она покрасит стены в светло-желтый цвет!

Но тут же одернула себя. Нельзя забывать, что когда-то здесь была другая хозяйка, а сама она не прожила в этом доме и дня.

Обернувшись к Миссис Маркем, Мэри Роуз весело отпарировала:

— Думаю, первые недели после свадьбы и вам было странно слышать, как вас называют «миссис Маркем».

— Сейчас речь не об этом, — вмешалась миссис Биттли. — Вы признались, что родом из Шотландии, — значит, чужачка.

— По-моему, я и не пыталась это скрыть, — удивилась Мэри Роуз.

Миссис Пэдуорти, древняя старушка, крошечная и сгорбленная, взмахнула морщинистой рукой:

— Миссис Биттли, разве я не говорила вам, что обожаю шотландцев и их необыкновенную музыку? Эти божественные звуки издают странного вида воющие штуки. Волынки, кажется? Похоже на крик недорезанной свиньи. А шотландские пледы с дичайшей смесью цветов, которые горцы носили до той поры, как восстали против законного, данного нам Богом

монарха, так что пришлось придавить их шеи английским сапогом.., в году, кажется, семьсот сорок пятом?

— Простите, леди, что прерываю вашу оживленную беседу. Миссис Биттли, не хотите ли присесть? Миссис Пэдуорти, как ваш милый муженек? Надеюсь, здоров?

И без того тонкие губы почти исчезли, превратившись в ниточки.

— При последнем издыхании, викарий. Думаю, к тому времени, как я доберусь до дома, испустит последний вздох.. Раньше почему-то вы о нем не спрашивали.

— Будем молиться, чтобы он протянул как можно дольше, — сказал Тайсон — Миссис Биттли, вот свободный стул. Мегги упрекает меня в том, что я утаил от своих лучших друзей, желающих мне исключительно добра, как я попал в Шотландию и нашел себе там жену.

— Мы все знаем, викарий, — процедила миссис Пэдуорти. — Вы унаследовали шотландский титул и замок, от которого, вероятнее всего, остались одни руины и плесень. Вы поехали туда, потому что стали лордом Бартуиком. Других причин я не вижу.

Тайсон улыбнулся.

— Верно. Однако, встретив Мэри Роуз, я с первого взгляда понял.., нет твердо убедился, что она предназначена мне самим небом. Пришлось очень долго уговаривать ее выйти за меня замуж и переехать в Англию. Она приводила немало веских доводов; что не знает англичан, что для нее мы все чужаки, иностранцы, иной веры и воспитания и что англичане даже грешат по-другому, хотя подробно мы этого не обсуждали. Но я заверил Мэри Роуз, что все будут рады познакомиться с ней, подружиться, помочь войти в незнакомое общество, потому что мы, англичане, — народ Добродушный, щедрый и гостеприимный. Да... Что-то я чересчур разговорился, а ведь сегодня не воскресенье и это не проповедь, а всего лишь искренняя мольба о понимании и снисхождении. Простите, что потревожил вас, леди. Немедленно удаляюсь и предоставляю вам возможность лучше узнать друг друга.

Он чуть раздвинул губы. Эта типично воскресная улыбка, как предположила Мэри Роуз, предназначалась людям, почти решившимся на смертный грех.

— Вы совсем не похожи на себя, викарий, — заметила миссис Пэдуорти. — Обязательно расскажу мужу о вашем странном поведении, если, конечно, он будет еще жив к тому времени, как я вернусь домой. Посмотрим, что он скажет!

— Только в том случае, если будет еще жив, — съязвил Тайсон и с прощальным поклоном покинул гостиную Мэри Роуз могла поклясться, что из-за двери донесся голос Мегги. Она едва не выбежала в переднюю, чтобы броситься мужу на шею и расцеловать. Но вместо этого глубоко вздохнула и объявила:

— Леди, я глубоко восхищаюсь своим мужем. Он прекрасный человек.

После непродолжительной паузы миссис Биттли, отчетливо сознавая, что остальные дамы вовсе не торопятся идти на очередной приступ, решила взять инициативу на себя.

— Не думаю, что викарию пришлось долго убеждать вас выйти за него, — прошипела она. — Он пробыл в Шотландии едва ли месяц. Все произошло чересчур быстро, подозрительно быстро, можно сказать! Очевидно, вы сотворили с ним нечто ужасное. Он очень изменился. В этом нужно разобраться. Тут кроется какая-то тайна. Мы все надеемся, что ваш английский со

временем улучшится.

— А может быть, — возразила Мэри Роуз, — вы заговорите более напевно, на шотландский манер, и тогда ваша речь будет не такой резкой и грубоватой. Как вы полагаете?

Миссис Биттли фыркнула. Интересно, уж не родня ли она миссис Придди, подумала Мэри Роуз.

Миссис Тейт, молодая и очень хорошенькая жена местного кузнеца Тедди Тейта, тряхнула прекрасными смоляными локонами.

— Пожалуй, мне хотелось бы говорить более напевно. Я даже готова поучиться. А ты, Гленда? Ты все время молчишь. Скажи, что ты думаешь о шотландском выговоре?

Девятнадцатилетняя Гленда Стрепторп, уверенная, что она первая красавица во всей округе, да и не только в ней, высокомерно вздернула подбородок:

— Я считаю, что он ужасно вульгарен, Бетти. Отвратителен! Как, впрочем, и рыжие волосы.

Бетти Тейт на мгновение растерялась, не зная, как загладить неловкость, и поспешно выпалила:

— Миссис Шербрук, расскажите нам о Килдрамми. Только представьте, леди, преподобный Шербрук теперь барон Бартуик! Интересно, что скажет на это его брат, граф Нортклифф?

Глава 24

Нортклифф-Холл, неподалеку от Нью-Ромни

Дуглас Шербрук, граф Нортклифф, в этот момент читал короткую записку Тайсона. Сложив листок, он устался на пустой камин, который сегодня не топили, ибо день выдался теплым. Прошло немало времени, прежде чем он очнулся, перечитал записку раз, другой, третий...

— Невероятно! — пробормотал он и, заслышав шаги, поднял голову. В дверях стоял его сын Джейсон.

— Что именно, папа? — полюбопытствовал мальчик.

— Заходи, Джейсон. Ты пришел позаниматься шахматами? Я получил письмо от твоего дяди Тайсона. Он женился на шотландке. Ее зовут Мэри Роуз. Тон письма показался мне несколько легкомысленным, но чувствуется, что писал его счастливый человек. Совершенно на него не похоже! Представляешь, Мегги переоделась мальчиком и поехала с отцом под видом грума! Тайсон пишет, что едва не умер от ужаса, когда обман раскрылся. Интересно, почему он не сообщил об этом раньше, когда отнимал у меня Оливера?

Джейсон хихикнул, поспешно прикрыл ладонью рот, неловко откашлялся и устался в пол. Отец насторожился;

— Ты знал, что она затеяла?

— Нет.., то есть не совсем, папа. Скорее, подозревал. Неплохая мысль, ты не находишь?

— Не нахожу, — буркнул Дуглас, зная, что его красавец сын упрям как осел и ни за что не

выдаст кузину. — Слава Богу, с ней ничего не случилось, — вздохнул он. — Что за дурацкая выходка! Кстати, они только что вернулись домой.

— Значит, дядя Тайсон нашел в Шотландии достойную супругу?

— Вот именно, — кивнул Дуглас, барабанив по столу. — Уверен, что Тайсон улыбался, когда писал это письмо. Ухмылялся во весь рот! Может, даже пританцовывал. Что там творится? Как по-твоему, Джейсон?

— Как ты думаешь, она уродлива?

— С чего бы вдруг?

— Однажды я подслушал, как ты говорил маме, что первая жена Тайсона была сплошным озерме...

— Омерзением, — машинально поправил Дуглас. Господи, он постоянно забывает о детях! С их острым слухом они способны услышать, как мышь грызет сыр в своей норке!

— Да, омерзением. А дядя Тайсон как-то сказал, что плоть по сравнению с душой — ничто и только доброе сердце делает человека красивым или уродливым.

Дуглас воззрился на ребенка, плод его чресл, обладавшего превосходным слухом и не поленившегося поискать в словаре значение слова «омерзение».

— Да, — кивнул он, — твой дядя совершенно прав. Поживем — увидим. И вот еще что, Джейсон: не смей произносить слово «омерзение» в присутствии твоей новой тети, понятно?

— Понятно, папа. Интересно, она такая же..., э-э..., не красивая, как мама Лео? Правда, я ее совсем не помню.

— А я не желаю говорить на эту тему. Забудь о ней, Джейсон.

— Хорошо, папа, но это будет нелегко.

— У тебя сильная воля, мальчик мой, ты справишься. Сам Дуглас хорошо помнил Мелинду Беатрис, первую жену Тайсона. Брат считал ее богиней, идеальной супругой приходского священника, родственной душой, прекрасной спутницей жизни... Как же он ошибался! Правда, тогда Тайсон был очень молод, слишком молод, чтобы соображать, что к чему. Эта ханжа, Мелинда Беатрис, сумела погасить в нем последнюю искру радости, отучила наслаждаться жизнью. Но теперь Тайсон стал старше, изменился, и, кажется, к лучшему, слава тебе, Господи!

— Ты вечно твердишь маме, как она красива — неожиданно выпалил Джейсон.

— Твоя мать — необыкновенная женщина и прекрасна как внешне, так и душой.

— Пойду расскажу Джеймсу. Может, новая тетя не сумеет нас различить и мы, окончательно запутав ее, разузнаем о ней побольше.

— Я запрещаю вам это делать! — завопил Дуглас, хорошо зная, что Джейсон наверняка бурлит идеями, от которых у несчастного отца скоро голова лопнет. Негодники сведут с ума бедную женщину!

— Давай поиграем в шахматы позже. Новая тетя.., что, если у нее для нас есть подарки?

— Жадный маленький попрошайка!

После ухода сына, который первым делом отправился к своему двойнику, чтобы в его компании с вожделием разглядывать обнаженные статуи в саду Нортклиффа, Дуглас решил сообщить новость жене. Поднявшись, он отправился на поиски Алекс и вскоре нашел ее в музыкальном салоне. Бедняжка честно старалась покорить сонату Скарлатти, изобилующую невероятным количеством высоких нот и тремоло, которые к тому же следовало исполнять в быстром темпе. Увы, результат оставлял желать лучшего. Но Алекс не сдавалась и играла с огромным воодушевлением, как делала все, за что принималась. Дуглас легонько коснулся ее плеч, поцеловал в ухо, в нос и, наконец, завладел губами. Она повернулась на стуле, обняла его и потерлась щекой о грудь.

— Хорошо, что ты пришел, — вздохнула она. — Мне никак не дается этот отрывок.

В подобных случаях Дуглас с легким сердцем уклонялся от правды, чтобы не травмировать жену.

— У тебя великолепно получается, Алекс, — солгал он, снова целуя ее. — Я просто решил дать тебе отдохнуть. Кстати, пришло письмо от Тайсона.

— Господи! — ахнула Алекс, прочитав послание. — У нее два имени, совсем как у Мелинды Беатрис! Как по-твоему, груди у нее тоже нет?

Дуглас расхохотался, вспомнив любимое изречение Рейдера о том, что у настоящей женщины должно быть две красивые груди и всего одно имя, а не наоборот. Он придумал это после знакомства с Мелиндой Беатрис. Что ж, Тайсону опять не повезло. Сообщил ли он Райдеру о своей женитьбе? Интересно, какова их новая невестка и что означают эти удивительные перемены в брате?

Чедвик-Хаус, между Нижним Слотером и Мортимер-Кум, Котсуолдз

За левый рукав Райдера дергал один малыш, к правой ноге льнул другой, талию обхватила ногами крошечная девочка. Она смеялась и обнимала его за шею тощими ручонками. Райдер присоединился к общему веселью, одновременно пытаясь высвободить руку.

— Не смей меня душить, Линни! Я должен прочитать письмо. Его только что принесли. Оно от вашего дядюшки Тайсона, а я не жалую письма, доставленные таким образом. Они обычно сообщают о чем-то не слишком приятном. Отпустите меня хоть на минуту! Вот так. Я снова сдамся в плен, только дайте мне отдышаться.

Райдер уселся в гигантское кресло, сделанное по специальному заказу и вмещавшее одного взрослого, а с ним — не менее трех малышей или двоих детей чуть постарше. При этом Райдер радостно заявил своей жене Софи, что еще одного ребенка он сможет держать на коленях.

Он развернул листок, притворяясь, будто не замечает, как дети подбираются все ближе. Потом, не выдержав, улыбнулся и погладил исцарапанную ручонку Тео.

Дорогой Райдер!

Пишу, чтобы сообщить о своей женитьбе. Я нашел невесту в Шотландии. Ее зовут Мэри Роуз, и она прелестна.

Когда я покидал Килдрамми, Оливер только что приехал. Он буквально танцевал от счастья, восхищаясь всем, что попадалось на глаза, и даже говорить не мог от волнения. Он посылает тебе привет и просит сообщить, что даже мечтать не мог о месте управляющего в таком замке, как Килдрамми. Многого случилось за это время; пришлось столкнуться с весьма странными людьми, но все обошлось, а я приобрел жену, которая, по чести говоря, просто неотразима и дарит мне несказанное наслаждение. Поцелуй за меня жену и детей. Скоро ты познакомишься с Мэри Роуз.

Твой брат Тайсон.

— Вот это новость! — с расстановкой проговорил Райдер, глядя в пространство и не в силах поверить тому, что прочел. — Поразительно! Нет, не волнуйтесь, детки, новости вовсе не плохие. Просто совершенно не правдоподобные. Похоже, мой правильный зануда братец немного изменился. А может, довольно сильно. Ладно, посмотрим. Ты что насупился, Тео? Рука болит? Нед, иди сюда и обними меня покрепче.

— Что это, дядя Райдер?

Линни подобралась ближе и прижалась к нему. Ее примеру последовали мальчишки, облепив Райдера с обеих сторон. Теперь, когда он сложил письмо, они прильнули к нему еще теснее, хотя, казалось, такое совершенно невозможно. Но Райдер давно усвоил, что ребенок, как это ни удивительно, может уместиться в самом узком пространстве, где, кажется, не найдется места даже для мыши.

Он обнял всех разом, откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Как же они боятся, что снова окажутся в том аду, из которого он их вытащил, и опять вернуться боль, унижение, беспомощность и мучительный голод, терзающий и без того худые животики! Сердце Райдера сжалось. Привычный гнев опалил его, гнев, который он будет чувствовать до самой смерти. Зато как хорошо, что у него есть они!

Райдер улыбнулся, глядя круглые головенки. Эти дети станут лучше. Научатся верить людям. Слава Богу, за долгое время у него почти не было неудач! Когда-нибудь они поймут, что здесь их всегда будут жалеть и любить.

Липни уютно устроилась у него под мышкой. Райдер уронил письмо на пол и сгреб в охапку всех троих.

— Дядя Райдер, а кто это вам пописывав — Тео, совсем еще малыш, учился говорить у пропитанного дешевым джином вора в грязных закоулках вблизи лондонских доков. Но за четыре месяца он сделал огромные успехи, и его рука, искалеченная извергом отцом, почти зажила.

— Один из моих братьев. Твой дядя Тайсон. Помнишь, Тео, ты встречался с ним вскоре после того, как я привез тебя сюда в начале лета? Он священник. С ним еще были его дети.

— Мегги научила меня лазить по деревьям! — вспомнила Линни. — Я свалилась вниз прямо на нее, но она только засмеялась и показала мне, как драться с мальчишками, врезать им как следует.

— Кажется, мне не слишком хочется слышать о подобных вещах, — заметил Райдер.

— Мегги велела нам не приставать к ее папе, — продолжала Линни. — Сказала, что у него в голове очень серьезные мысли, которые занимают все его время. И что он повсюду берет ее с собой, чтобы было кому оберегать его. Он такой неопытный, не от мира сего.

Похоже, Мегги хорошо знает своего отца. Райдер улыбнулся, представив милое сосредоточенное личико племянницы.

— Да, это правда, — подтвердил он. — Но жена? Что произошло с Тайсоном? Интересно, как Мегги к ней относится?

— Лео научил нас бегать наперегонки — сначала вокруг толстого дуба, потом перепрыгнуть через кусты, а потом обогнуть озеро и вернуться к дому. А победителю показал, как делать сальто, — вставил Нед. — Макс учил нас латыни, — добавил Тео.

— *Vos amo* — провозгласил Райдер, целуя каждого.

— Это что означает, дядя Райдер? — поинтересовалась Линни.

Он снова чмокнул ее в лобик.

— Я вас люблю.

— *Vos amo*, — повторили они хором несколько раз. Райдер театрально закатил глаза, понимая, что в ближайший месяц несчастная Софи не услышит ничего иного от всех шестнадцати ребятишек. Что же говорить о Джейн, директрисе Брендон-Хауса, расположенного всего в сотне ярдов от дома Райдера и Софи! Тамошние дети наверняка выучат эту фразу и будут распевать ее на все лады, пока не доведут бедняжку до того, что она попросту сбежит. Но ненадолго, потому что очень любит своих питомцев, — А еще Макс говорил: «*Diabolus fecit, ut id facerem*».

— Это означает «дьявол подтолкнул меня под руку», — пробубнила Линни откуда-то из-под мышки Райдера.

— Он сказал, что взрослых почему-то это ужасно смешит, — сообщил Тео. — Скажи эту фразу — и тебе простят любое озорство. Только вот как быть, если взрослые не понимают латыни?

— Значит, твоё заклинание не работает, — засмеялся Райдер и, подняв глаза, увидел стоящую в дверях свою дочь Дженни. На прелестном личике играла улыбка. В семнадцать лет она была почти точной его копией, только нежные зеленые глаза унаследовала от матери. И хотя не слишком быстро соображала и очень медленно говорила, все же обладала чудесной душой, милым характером и очень любила детей.

— *Vos amo!* — окликнул ее отец. — Это означает «я вас люблю».

Дженни улыбнулась и тихо ответила:

— *Vos amo* тоже.

Райдер подвинул Неда и усадил Дженни рядом с собой. Нед, не задумываясь, вскарабкался к девушке на колени. Райдер блаженно вздохнул. Господь благословил его, подарив ему дочь, но у него было такое чувство, что Оливер скоро ее похитит. Молодой человек был предан Дженни,

обожал ее, а это ли не идеальная основа для брака? Они и выросли вместе. Оливер всегда защищал Дженни, а та его просто боготворила.

Все будет хорошо, подумал Райдер, крепко обнял дочь, и та, тихо засмеявшись, призналась:

— Я скучаю по Джереми. Как по-твоему, вернувшись из Италии, он погостит у нас или сразу отправится к Оливеру в Шотландию?

Райдер живо представил Джереми, младшего брата Софи, К несчастью, хромого от рождения. Правда, ни для него, ни для окружающих это не имело особого значения. Он дрался как лев, был прекрасным боксером и во всех отношениях благородным молодым человеком.

— Не знаю, — вздохнул он, — как захочет сам Джереми. Дженни тоскует по Джереми? Не по Оливеру? Странно... Райдер покачал головой. Жизнь всегда преподносит нам неожиданные сюрпризы, а пути Господни неисповедимы. Джереми? Не Оливер?

Иден-Хилл-Хаус, Гленклоуз-он-Роуз

Он любил целовать ее живот. Любил тереться щекой о мягкую теплую плоть. И вздыхал от удовольствия, слыша, как хихикает Мэри Роуз, когда утренняя щетина щекочет нежную кожу. Блаженно шурился, когда она билась в экстазе, выкрикивая его имя, так что приходилось зажимать ей рот ладонью. Не дай Бог, услышат слуги или прибегут дети!

Тайсон улыбнулся жене, которая торопливо допивала чай. Вид у нее был взволнованный. Сегодня важный день: предстоит обойти городок и познакомиться с прихожанами. Мегги напросилась сопровождать их, утверждая, что всем необходимо видеть, как радостно встретили Мэри Роуз в доме священника. А в это время Тайсон представлял, что покусывает ее искривленный пальчик.

Сначала все шло прекрасно. Большинство жителей с искренней теплотой встречали супружескую чету и, очевидно, считали, что Мэри Роуз подобающим образом исполнит свой долг в качестве жены vicar.

— Миссис Биттли — настоящая базарная баба, — папочка, — заметила Мегги, сжав руку отца.

— Да, и всегда ею была, — согласился Тайсон. — Ничего тут не поделать. Но в этом есть и светлая сторона: по крайней мере знаешь, чего от нее ожидать.

— Иногда хотелось бы не знать, — возразила девочка, искоса поглядывая на отца.

— Да, — рассеянно кивнул Тайсон. — Ну, теперь последний и, надеюсь, короткий визит вежливости: к Стрептор-пам. Они живут недалеко от леса, Мэри Роуз, в десяти минутах ходьбы. Греттлин-Грейндж — странное название для дома, ты не находишь? Миссис Стрепторп утверждает, что так звали немецкого графа, который выстроил особняк в четырнадцатом веке. Не знаю, насколько это соответствует истине.

Мегги мрачно — чересчур мрачно для десятилетней девочки — пробурчала:

— Прости, Мэри Роуз, тебе придется встретиться с мисс Стрепторп. Но я тебя не оставлю. Теперь она будет вынуждена прекратить флирт с папой. А уж как она обращалась со мной и с мальчиками...

Девочка содрогнулась.

— Когда дамы в день нашего приезда посетили Иден-Хилл-Хаус, — заметила Мэри Роуз, — мисс Стрепторп почти все время молчала.

Она немного повернулась, так, что солнечный луч упал ей на лицо, и Тайсон, невольно залюбовавшись, наклонился ближе Мэри Роуз ощутила щекой его теплое дыхание и не успела опомниться, как муж поцеловал ее. Она остановилась, подняла на него глаза и жалобно спросила;

— Она и вправду флиртowała с тобой, Тайсон?

— Нет. Мегги преувеличивает.

Он снова чмокнул ее, на этот раз в висок.

Мегги пренебрежительно хмыкнула.

Сзади послышался звук, подозрительно напоминающий смешок. Это оказалась миссис Снид, местная модистка, якобы пристально изучавшая лоскуток муслина. Мягкого розового муслина, из которого выйдет прекрасное платье для Мэри Роуз. Тайсон познакомил миссис Снид со своей супругой. Та похвалила чудесную ткань, и он, не откладывая дела в долгий ящик, попросил модистку сшить новый наряд для его жены.

Миссис Снид нехотя согласилась, — Молодец, папа, — похвалила Мегги, когда они снова отправились в путь.

— Мэри Роуз очень идет розовое, — пояснил Тайсон, целуя жену в третий раз.

Мегги принялась весело напевать. Мэри Роуз светилась от счастья. Впервые она ощутила нечто вроде уверенности в себе. Что из того, если Гленда Стрепторп, такая хорошенькая, обратила внимание на Тайсона? Зато она, Мэри Роуз, стала его женой!

Сегодня на ней было светло-желтое муслиновое платье для прогулок, подарок Синджен, прекрасно на ней сидевшее. Мегги с самого утра ей это твердила. Макс же, наоборот, нахмурился, оглядел мачеху и изрек:

— Только взгляни на себя, Мэри Роуз! Такая мягкая, воздушная, словно желтый крем с красной верхушкой! Именно поэтому ты никогда не научишься говорить на латыни!

— Quis est qui inquit, Макс? — осведомилась Мэри Роуз, улыбаясь мужу, который шутливо погрозил сыну пальцем.

— И что это означает? — грозно спросила Мегги, сведя брови. — Надеюсь, ты знаешь, Макс?

— «Кто это сказал», — проворчал Макс. — Да мистер Харботтл, вот кто. Он и сказал. А что, не правда?

Тайсон покачал головой. Сам он не сразу включился в разговор, поскольку не сводил глаз с жены. Сегодня она выглядела такой хорошенькой Однако слова Макса все же проникли в сознание счастливого молодожена.

— Я не желаю, чтобы ты и дальше слушал мистера Харботтла, Макс. Понятно? Как мне прежде не пришло в голову, что так называемый педагог просто глуп! Я навел справки, но, к

сожалению, оказалось, что в округе не так много наставников, которые знали бы больше тебя. Ты можешь только учиться у него и не обращать внимания на его абсурдные рассуждения? Подобная философия возмутительна — Ты о том, что девчонки ничего не стоят?

— Именно.

— Постараюсь, папа, — пообещал Макс.

— Сомневаюсь, что ты сдержишь обещание! — прошипела Мегги, ткнув брата в плечо. У нее, очевидно, окончательно испортилось настроение, потому что она вдруг мрачно объявила:

— Не доверяю я Гленде Стрепторп. Она кошка. Вот уже больше года преследует папу, а он, бедняжка, всеми силами старается ее избегать. Помнишь, как она едва не поймала тебя в ризнице? Я слышала, как две дамы шептались, что она пыталась помочь тебе переодеться.

— Э-э-э., да, — признался Тайсон, но, тут же опомнившись, запротестовал:

— Какое это имеет значение? Теперь я женат, и она станет вести себя приличнее. Кроме того, она, возможно, забыла меня и погналась за новой добычей.

Мистер Стрепторп оказался чудовищно толстым подагриком с пухлыми щеками и тройным подбородком. Он всегда пресмыкался перед Тайсоном, но не потому, что тот был превосходным, преданным интересам церкви и города священником. Нет, основную роль играло соображение, что он принадлежал к роду Шербруков и имел счастье родиться братом графа, человека очень богатого и влиятельного. Мистер Стрепторп еще не окончательно удалился от дел, хотя жил теперь достаточно далеко от своих манчестерских фабрик, и считался самым состоятельным жителем Гленклоуз-он-Роуэн, что и позволяло ему видеть в Тайсоне будущего зятя. Хотя его планы потерпели неудачу, в душе он был философом и поэтому галантно приветствовал Мэри Роуз, пока его сухопарая женушка с недовольно поджатыми губами разливала чай и жаловалась на слуг, которых приходится терпеть за невозможностью найти лучших в таком захудалом городишке.

Три минуты спустя последовал торжественный выход Гленды. Не сводя глаз с Тайсона, она вплыла в невыносимо душную гостиную. Специально для этого случая она надела такой ослепительный наряд, что Мэри Роуз показалась себе настоящим чучелом. Очевидно, Мегги подумала то же самое, потому что подвинулась ближе к мачехе, желая подбодрить ее.

Тайсон поднялся навстречу девушке и очаровательно улыбнулся;

— Вы — само совершенство, мисс Стрепторп, как, впрочем, и моя прелестная жена. Когда она немного освоится, мы начнем принимать гостей.

Гленда, не обращая внимания ни на его слова, ни на Мэри Роуз, заявила:

— Мне нужно кое-что показать вам в оранжерее" преподобный Шербрук. Мама, мы сейчас вернемся.

Мать нервно огляделась, едва не разлив чай. У отца был такой вид, словно его настиг внезапный приступ подагры. Очевидно, мистер Стрепторп не одобрял подобного поведения дочери. Но в доме всем заправляла Гленда, а ее родители, похоже, существовали только для того, чтобы ей служить. Во всяком случае, так считали все горожане.

Тайсон, ободряюще кивнув жене и дочери, взял Гленду под руку, — Пожалуйста, миссис

Стрепторп, мне чай без сахара, — попросил он. — Мы скоро придем. Едва закрыв двери оранжереи, Гленда грудным голосом, не похожим на ее обычный, прорыдала:

— Как вы могли, сэр?

— Я не совсем вас понимаю, мисс Стрепторп.

— Я хотела стать вашей женой, сэр, а вы притащили из Шотландии это создание, вместо того чтобы сделать предложение мне! Я бы вам не отказала. Став вашей супругой, сровняла бы с землей старые, давно забытые могилы, обставила заново пасторат и добавила к нему еще одно крыло, которое подходило бы прямо к церкви, так, чтобы вы были ближе к вашей пастве. Вы гордились бы моей красотой.., кстати, вам давно следовало оценить ее по достоинству! Взгляните на меня, сэр, а потом на нее. Какое тут может быть сравнение!

Тайсон слегка оживился.

— Тут вы правы. Никакого, — согласился он. — Я ждала, ждала терпеливо, но вы так и не сделали мне предложение! И что вы в ней нашли? У нее наверняка ни шиллинга приданого! Мне девятнадцать лет, а она мне в матери годится.

В этот момент Тайсон понял, что ненавидит оранжереи. Пора прервать сей пылкий монолог.

— Жаль разочаровывать вас, — произнес он, — но Мэри Роуз еще не скоро достигнет возраста вашей матери. Так по какому поводу вам понадобился мой совет?

— Разве вы слепы, сэр? Или лишились разума? Растеряли остатки здравого смысла? Теперь, когда вы стали лордом Бартуиком и мой отец более чем счастлив видеть вас своим зятем, вы имели наглость привезти ее, эту невоспитанную девицу, без манер и элегантности, лишенную даже намека на красоту...

— Да, мисс Стрепторп, — перебил Тайсон, — возможно, я был немного слеп. Не замечал очевидного. Как бы то ни было, теперь я женат. Видите ли, мне с детства внушали, что воспитанный человек ни при каких обстоятельствах не может быть невежлив, даже если чем-то расстроен или обижен. Если мри советы вам ни к чему, вернемся в гостиную.

Гленда чуть не задохнулась от гнева, но Тайсон уже открыл дверь и пропустил ее вперед.

— Постарайтесь быть учливой с Мэри Роуз, — попросил он, глядя в ее прелестные глаза. — Я был бы вам за это крайне признателен.

Она воззрилась на него с таким видом, словно ей предложили почистить рыбу.

— Ну вот, мы выжили! — с облегчением сказала Мегги на обратном пути. — Признайся, папа, она пыталась соблазнить тебя в оранжерее?

— Нет, — раздраженно буркнул отец. — Мегги, бессовестная ты девчонка, я не желаю слышать подобные слова из твоих уст! Это просто неприлично! Не забывай, тебе всего десять лет'. Да и взрослым барышням такие речи не к лицу.

— Да, папа. Ни чего она от тебя хотела?

— Решила излить душу. Рассердилась, что я привез жену, хотя хотела видеть на этом месте себя.

— Неужели? — встревожилась Мэри Роуз. — Теперь жди неприятностей!

— Ничего страшного, — успокоил Тайсон. — Главное, что мы выполнили свой долг. Ты познакомилась со всеми, если не считать мистера Тэтчера, который большую часть времени проводит под столом мертвецки пьяный. Правда, по воскресеньям он трезв, так что ты еще успеешь его увидеть.

Мэри Роуз показалось, что жители как-то странно разговаривают с Тайсоном — кто с удивлением, а некоторые смущенно. Она никак не могла понять, в чем дело, и вдруг сообразила: да все проще простого — люди не знают, как обращаться с ней, чужачкой, внезапно оказавшейся среди них. Вероятно, гадают, почему их священник женился именно на ней, несмотря на то что столько женщин вздыхали по нему.

Глава 25

За ужином, едва подали черепаший суп, Тайсон громко объявил:

— Погода нынче теплая. Пожалуй, стоит отправиться в Брайтон. Я попросил мистера Ардена...

— Это папин поверенный, — шепнула Мегги мачехе. — Да, и он тут же снял для нас домик. Я не хотел говорить, пока не был уверен, что нам удастся поехать. Проведем на море недельку. Ну как, согласны? Мальчики переглянулись.

— Папа, — нерешительно начал Лео, — раньше ты никогда не возил нас в Брайтон. И вообще никуда, разве что к дяде Дугласу или дяде Райдеру. Ты всегда говорил, что ничегонеделание — пустая трата времени.

Неужели он действительно так считал?

— Нам хотелось бы поехать, — вмешался Макс, хмуро глядя на Мэри Роуз. — Возможно, не так уж и плохо, что она с нами.

— Я согласен, Макс, — кивнул отец. — Совсем неплохо. Ему страшно захотелось поцеловать жену за ушком, вдохнуть знакомый аромат, а может, припасть к губам..., но нет, сейчас не время.

Тайсон кашлянул, прикрыл рот ладонью и попытался принять безразличный вид.

— Поня-атно, — протянул Лео.

— Болван! — осадила брата Мегги.

Они отправились в Брайтон. Принц-регент не соизволил почтить своим присутствием Королевский павильон, поэтому приезжих было совсем мало. Представители светского общества, неотлучно следующие за принцем, куда бы тот ни направлялся, на этот раз переместились в столицу. Лето прошло, но последние дни сентября стояли солнечные и теплые. Семейство отлично устроилось в маленьком домике на Стейне.

На четвертый день Мэри Роуз обратила внимание на некоего человека, который и прежде попадался ей на глаза. Она сидела на пляже под зонтиком, наблюдая, как дети играют на песке. Тайсон отправился купить булочек к чаю. Воспользовавшись тем, что она осталась одна, молодой человек подошел к ней и поклонился.

— Простите, мадам, что нарушаю ваше уединение, но я слышал от друзей, что вы из Шотландии. Меня зовут Бернард Сандерфорд.

Только тут Мэри Роуз вспомнила, что они уже виделись и Тайсон разговаривал с ним. Улыбнувшись, она учтиво ответила:

— А я Мэри Роуз Шербрук, сэр.

— Ах да, прелестная миссис Шербрук. Ваш муж — настоящий счастливчик! Достаточно взглянуть на вас, чтобы это понять.

Мэри Роуз вдруг вспомнила Эриксона Макфайла. Этот человек был чем-то похож на него.

Она ничего не ответила, только пристально оглядела Сандерфорда. Красив, строен.., может, в этом кроется причина его пороков? Правда, имея достаточный опыт общения с Эриксоном, она ничуть его не боится!

Даже когда он опустился рядом на корточки, лицо Мэри Роуз осталось спокойным. Он сидел чересчур близко, но она всегда сможет отделаться от него, если такая необходимость возникнет. Странно, что на пляже никого нет, кроме детей, копошащихся у самой кромки прибоя. Сандерфорд окинул Мэри Роуз таким откровенным взглядом, что ей захотелось швырнуть ему в лицо пригоршню песка.

— Ваш муж сейчас очень занят, мадам. Возможно, он так вам надоел, что вы поспешили отослать его с каким-то поручением? Я понял, что вы отделались от него, едва меня увидели. Признаюсь, я следил за вами и видел, как вы на меня посматривали. Может, у нас будет случай познакомиться поближе? Встретиться наедине?

— Вы, случайно, не родственник Эриксона Макфайла?

— Нет, мадам, это шотландское имя, а я англичанин.

Невероятно... — Мама!

К ним мчалась Мегги, вся в песке, с растрепанными волосами. За ней едва поспевали Макс и Лео, взъерошенные, загорелые и явно встревоженные. Мегги встала перед мистером Сандерфордом, подбоченилась и строго спросила:

— Кто вы, сэр?

— Мегги, дорогая, это мистер Сандерфорд. Он решил нанести нам визит.

— Наша мать не принимает джентльменов в отсутствие отца, — отрезал Макс.

— Невероятно! — потрясенно прошептал мистер Сандерфорд. — Вы слишком молоды, чтобы быть матерью этих детей!

— Маме почти тридцать пять, — не моргнув глазом пояснил Лео. — Она просто выглядит молодо. Говорит, что это благодаря нам. Она очень счастлива с папой и с нами. Все время нам об этом твердит, правда, ма?

— Не менее десяти раз на день, — подтвердила Мэри Роуз.

— Ясно, — вздохнул мистер Сандерфорд, поднимаясь.

Несмотря на молодость, его колени громко хрустнули. Он отряхнул брюки и признался, обращаясь к детям:

— Я никогда не любил свою мать так, как вы — эту милую даму. Вам очень повезло, что она у вас есть.

— Да, сэр, мы знаем, — заверил Лео. Удостоверившись, что соблазнитель ушел и не вернется, он подпрыгнул и несколько раз прошелся колесом, пока не добрался до воды.

Мэри Роуз засмеялась.

— Он чем-то напоминает Эриксона Макфайла, — задумчиво сказала Мегги, глядя вслед Сандерфорду, успевшему удалиться на почтительное расстояние.

— Ты тоже это заметила? — удивилась Мэри Роуз. — Вы вовремя подросли. Как вы догадались, что он не джентльмен?

— Пусть наш напыщенный Макс иногда бывает просто слепым олухом, зато сразу распознает грешные намерения такого вот разряженного индюка.

Мэри Роуз, разумеется, сама справилась бы с мистером Сандерфордом, но была несказанно довольна, что дети столь решительно бросились на ее защиту.

— Спасибо всем вам, — искренне поблагодарила она. В этот момент появился Тайсон с пакетами, полными пирожных, булочек, яблок и апельсинов.

— Кто это с тобой разговаривал? — спросил он жену.

— Отец, — торжественно объявила Мегги, — этот человек не джентльмен. Он пытался флиртовать с Мэри Роуз. Тайсон недоуменно моргнул и сел на одеяло.

— Что случилось, дорогая?

— Он просто копия Эриксона, — деловито пояснила его супруга. — Я вполне обошлась бы своими силами, но Макс, Лео и Мегги за меня вступились.

Тайсон сжал кулаки. С каким удовольствием он поставил бы негодяю парочку синяков под глазами!

Покраснев от гнева, он вскочил, но мистера Сандерфорда и след простыл. Не сдержавшись, Тайсон выругался. Мегги в изумлении уставилась на него.

— Прошу прощения, — буркнул он, — мне не следовало этого говорить.

— Папа, он не успел сделать ничего плохого, — успокоил Макс. — Спроси хоть у Лео. И нечего волноваться!

— Верно, — кивнула Мэри Роуз, выбрав себе яблоко. — Подумаешь, маленькая неприятность! Кстати, Макс, ты сильно расцарапал ногу. Не забудь, когда придем домой, я смажу ее мазью.

— Num mihi dolebit hoc? — поспешно спросил мальчик.

— А это еще что? — проворчала Мегги.

— Он хочет знать, будет ли больно. Не будет, если я не захочу.

— Абео! — крикнул Макс и побежал туда, где на песке белели кружевные клочья пены.

— Опять! О чем на этот раз? — нетерпеливо спросила Мегги, заслоняя глаза ладонью, чтобы рассмотреть Лео, который тоже последовал за братом.

— Он сказал, что уходит, — засмеялась Мэри Роуз.

— Я уже говорил, что люблю целовать твой живот?

Ее сердце билось медленно, сильно, в ожидании, в предвкушении... Она уже чувствует его дыхание..., мышцы напрягаются, желание растет, расцветает, открывая ее, как бутон.

— Нет, — выдавила она, — но я догадалась. Ты проводишь за этим занятием немало времени.

— И не только его, но и всю тебя, — признался он, поднимая голову, и едва не лишился чувств, когда дверь внезапно распахнулась.

— О Господи! — прошептала Мэри Роуз, мгновенно сникнув.

Это оказался Лео, которому приспичило исповедаться: он и Макс обрели нового друга, который, как выяснилось, оказался заядлым и не совсем честным игроком, в результате чего оба брата проиграли пари и остались без туфель. Тайсон побоялся спросить, о чем спорили его азартные детки. Они пробыли в Брайтоне еще пять дней, а потом погода испортилась: небо закрыли темные облака, ветер вздымал огромные волны. Пришлось вернуться. Однако, как выяснилось, Сэмюел Притчерт уже написал проповеди на месяц вперед, намереваясь и впредь устрашать ими паству, поэтому Тайсон похлопал его по спине и сообщил, что собирается вместе с семьей навестить братьев.

— Как долго вы будете отсутствовать на этот раз, преподобный Шербрук?

— Пока не знаю. Думаю, что могу вполне доверить вам штурвал нашего духовного корабля, — засмеялся Тайсон.

Сэмюел растерянно оглядел загорелых, ясноглазых детей и Мэри Роуз, спрашивая себя, во что превратился когда-то тихий и чинный дом викария.

Семейство прогостило в Нортклифф-Холле две недели. Как-то днем Мэри Роуз с графиней отправились в сад.

— Детям сюда вход запрещен, — пояснила графиня, — хотя, по-моему, они нарушают запрет при каждом удобном случае.

Мэри Роуз впервые увидела множество греческих статуй, изображавших женщин и мужчин в эротических позах, таких восхитительно-откровенных, что она то и дело ахала и охала, пытаясь закрыть глаза. Но так и не смогла. Такого ей еще не приходилось встречать.

— Господи! — воскликнула она в двадцатый раз, останавливаясь перед мраморным юношей, зарывшимся лицом между бедер женщины. Та, в свою очередь, в экстазе откинула голову.

— Эта у Софи любимая, насколько я помню, — заметила Алекс. — А вот Тайсон, по-моему, здесь ни разу не был. Прежде он находил это ужасным и безбожным. Может, сейчас ему понравится?

Мэри Роуз, чьи глаза заволокло дымкой при мысли о Тайсоне, проделывавшем с ней и не такое, прошептала:

— Обязательно покажу ему, как только он и его светлость вернутся.

— Моего мужа зовут Дуглас. Он оскорбится, если, вы будете с ним так официальны.

— Но он кажется настолько неприступным, — возразила Мэри Роуз.

— Иногда — возможно, — признала Алекс. — Ваши сыновья — самые красивые мальчики на свете.

Тайсон сказал, что они близнецы, но, на мой взгляд, они совсем не похожи.

— Большинство людей не могут их различить, — вздохнула Алекс, — а они этим пользуются для всяческих проделок. Что же до их красоты.., вы, к сожалению, правы. Страшно представить, сколько женщин они покорят, когда станут старше! Бедный Дуглас заранее трепещет при мысли об этом. Мальчики как две капли воды походят на мою сестру Мелисанду, прекраснее которой свет не видывал. Как ни странно, сын самой Мелисанды — точная копия Дугласа. Вероятно, скоро вы познакомитесь с моей сестрой и ее мужем. А теперь пойдем дальше. Тут есть еще немало.., интересного. Мэри Роуз охотно последовала за новой родственницей. Вечером, до того как стемнело, Мэри Роуз повела мужа в глубь сада к одной из приглянувшихся ей статуй, и они не выходили оттуда до восьми часов, пока не закапал дождик. Дуглас Шербрук при виде супругов покачал головой и довольно ухмыльнулся. Из Нортклиффа Шербруки перебрались в Котсуолдз и провели там три недели. Они взяли с собой Джеймса и Джейсона, которые на коленях умоляли мать и отца позволить им навестить дядю Райдера и всех его детей. Маленькие негодники прекрасно понимали, что подобным представлением могут всего добиться. Дом, где почти двадцать детей вечно дрались, смеялись, плакали, вопили и разыгрывали друг друга, был настоящим бедламом. Зато здесь всегда царил веселье и еды на всех хватало с избытком. Несмотря на то что наступил ноябрь, время от времени выпадали солнечные теплые деньки. Осень как будто медлила вступить в свои права. В один из таких дней Тайсон лежал под яблоней, положив голову на колени Мэри Роуз. Неяркое солнце просвечивало сквозь последние листья, легкий ветерок доносил запах прелой травы. Откуда-то слышались детские крики. Но здесь супруги были одни. Тайсон поднял голову и поцеловал живот жены. — Между нами слишком много ткани, — пожаловался он и закрыл глаза, ощутив, как ее пальцы медленно гладят его волосы. — Наверное, я не смогу развесить твою одежду на ветвях? А жаль. Мэри Роуз прислонилась к стволу и блаженно вздохнула.

— Не сейчас, — сказала она и, нагнувшись, поцеловала мужа в губы. — Знаешь, я чувствую себя так, словно время остановилось и мы попали не только в другое место, но и отрешились от всего мира с его бедами, невзгодами и радостями. Тебе недостает твоих проповедей и прихожан? Прошло уже почти три месяца с тех пор, как ты в последний раз всходил на кафедру.

Тайсон задумался. Он вспомнил о людях, которые желали добра ему и его жене, о своих детях, их улыбках и постоянных ссорах, в которых обычно побеждала Мегги. Какое счастье — просто смотреть на них и быть рядом с Мэри Роуз! Просыпаться рядом с ней по утрам, гладить громко мурлычущих Эллис и Монро. Слушать, как она беседует с детьми, знать, что она здесь и принадлежит только ему, как он — ей. Дом словно стал светлее с ее появлением, и не только потому, что стены гостиной теперь желтые, а ужасные темные шторы убраны на чердак. Нет, сам дом, казалось, стряхнул с себя годы тоски и мрака и сделался счастливым, оживленным местом, где единственным угрюмым созданием остается Сэмюел Притчерт. Даже миссис

Придди теперь чаще улыбается. Иногда она даже поет, особенно когда запекает треску.

— Я очень изменился, Мэри Роуз? — нахмурился Тайсон, — Мне так не кажется, — возразила она, расправляя морщинки у него на лбу. — Ты всегда был таким — заботился обо мне и детях, делал все, что полагается. А твой смех... я всегда любила твой смех и шутки. Ты вечно поддразниваешь меня и детей. Почему вдруг этот странный вопрос? Разве раньше ты был другим?

Ему не хотелось вдаваться в подробности. Может, он боялся, что она узнает, каким он был прежде: куда суше, строже, чересчур чопорный и напыщенный, не говоря уже об узости воззрений, которые он старался навязать окружающим.

— Тебе нравится твоя новая семья? — поинтересовался Тайсон, прижимая руку жены к сердцу. — Знаешь, когда я впервые увидела Дугласа.., то есть графа.., я подумала, что он, должно быть, отвратителен: высокомерный, сухой, надменный — настоящий аристократ.

— Он от природы тиран и диктатор.

— Возможно, но только до тех пор, пока Алекс не принялась его щекотать "после чего он хихикнул, схватил ее в охапку и потащил за дива!! — так быстро, что нижние юбки взметнулись! Знаешь, у него такой же смех, как у тебя. А что до Алекса.., она просто удивительная! Макс признался, что теперь ему нравятся рыжие волосы. По его словам, тетка и мачеха помогли ему преодолеть это предубеждение. Похоже, они привыкают ко мне. Чудесные дети!

— А как насчет Райдера и Софи?

— Думаю, Райдер способен соблазнить любую женщину в возрасте от восемнадцати до восьмидесяти. — Даже тебя?

— О нет, я единственное исключение, которое никак не поддастся его чарам. Ты и на него чем-то похож. Оба так и светитесь добротой и весельем, так что, когда вы рядом, жизнь становится ярче. Стоит тебе появиться в комнате — и все головы поворачиваются к тебе, как подсолнухи к солнцу. То же самое с Райдером. Он похож на Райдера? На своего беззаботного, искрящегося юмором брата, который в юности сменил семь любовниц?

— В тебе есть что-то и от Синджен.., или в ней от тебя. Представляю, как трудно Софи держать Райдера в узде! Но она как-то справляется. Подумать только, такая спокойная, все делает как бы между прочим, без лишнего шума и суеты, но я уверена, что Райдер ради нее пойдет даже на смерть, если понадобится. У обоих столько любви и терпения к детям!

— Оливер был одним из первых найденышей Райдера, — сказал Тайсон. — Тогда он знал только свое имя и то, как жестоко обходились с ним окружающие. Вечно голодный, грязный, оборванный... Впервые Райдеру увидел его в лондонском переулке, где он, волоча за собой сломанную ногу, отчаянно пытался залезть в чей-нибудь карман, чтобы купить хотя бы хлеба.

— А теперь! Какие перемены! — подхватила Мэри Роуз. — Оливер стал настоящим мужчиной, умным, образованным, воспитанным... Огромная удача Райдера! Но почему ты всегда говоришь о других? Взгляни на себя: служитель Божий, которому небезразличны все жители Гленклоуза. Ты молишься за них, помогаешь преодолеть беды и несчастья, делишь с ними самые радостные моменты. Ты прекрасный человек, Тайсон. Я уже говорила тебе, что удачливее меня нет женщины во всей южной Англии?

— Нет, пока не удосужилась.

— Но сама я уверюсь в этом, только когда получу скакового котенка.

— Ах да! — вспомнил Тайсон. — Немедленно напишу братьям Харкер.

— Если они меня отвергнут, постараюсь не расстраиваться. Возможно, Лео прав и из Эллиса выйдет прекрасный скаковой кот. Я видела, как он однажды удирал от миссис Придди; пролетел через кухню, поскользнулся на паркете, сделал сальто, приземлился на четыре лапы и исчез. — Она помолчала. — Тайсон, а почему дети сегодня облепили тебя, как мухи мед?

— Потому что я догадался заехать в Нижний Слотер и купить им подарки. Вот они и решили, что, если будут осыпать меня ласками, им еще что-нибудь достанется.

— А если я осыплю тебя ласками, что достанется мне?

— Ну.. — начал Тайсон, поднимая брови, — мне только что пришел на ум некий сад Нортклифф-Холле,.

— У тебя превосходная память! — И богатое воображение.

Глава 26

Иден-Хил-Хаус, Гленклоуз-он-Роуэн

Сэмюел Притчерт, вот уже три года исполнявший обязанности младшего священника, педант с окостенелой душой и лицом, таким холодно-каменным, что, по слухам, даже мать разрыдалась, впервые увидев сына после родов, проговорил своим низким бесстрастным голосом:

— Преподобный Шербрук, я с сожалением должен отметить, что почти все местные дамы думают, будто вы отделились от них, потеряли духовную связь со своей паствой и больше не считаете нужным вникать в их беды и чаяния. Даже молоденькая миссис Тейт сказала; «Наш дорогой викарий стал невнимательным к нам, с тех пор как вернулся домой после столь долгого отсутствия. Мы больше ему не нужны».

Тайсон молча уставился на своего помощника. Поразительно все же, как охотно люди открывают душу перед Сэмюелом Притчертом всего через несколько минут после его появления, несмотря на то что у него всегда такой вид, будто он вот-вот разразится слезами или погрузится с пучину отчаяния. Но прихожане были с ним откровенны., иногда даже слишком. Сам Тайсон безгранично доверял помощнику во всем, что касалось настроений паствы. Сейчас достаточно кивка, чтобы за предисловием последовала пространная тирада. Но Тайсон не желает этого слушать. По правде говоря, не столько не желает, сколько боится. Однако разве у него есть выход? Поэтому он со вздохом опустил перо, откинулся на спинку кресла и мягко заметил:

— Я дома всего восемь дней, Сэмюел, и это моя первая проповедь за три месяца. Кстати, вы прекрасно справились со своими обязанностями. Особенно меня тронула ваша воскресная проповедь, которую вы прочитали с таким пылом! Мне всегда казалось, что пастве нравится временная смена караула на кафедре проповедника. Но завтра снова воскресенье и я снова предстану перед ними. Мои разъезды окончены. Мы с Мэри Роуз нанесли визиты горожанам до отъезда в Брайтон. Я пробыл дома больше недели и за это время повидался, поговорил и даже помолился вместе с прихожанами. Мало того, мы с женой пригласили на чай почти всех

жителей в этом городке, и могу поклясться, что чаепитие прошло как нельзя лучше. Поэтому объясните, Сэмюел, как люди пришли к подобному заключению, разумеется, совершенно вздорному?

— Видите ли, в чем дело, сэр, — начал помощник, не отвечая на вопрос, который он счел риторическим, — должен сказать, что я всегда стремлюсь донести слова Господни до паствы, а потом как можно точнее передать вам слова и чувства людей.

— Прекрасно. В таком случае откройте мне глаза, — кивнул Тайсон.

Сэмюел деликатно откашлялся, очевидно, прикидывая, как смягчить удар.

— Я считаю своим долгом напомнить, сэр, что вы уже не в Шотландии, которая хоть и является оплотом протестантства, где грешники преследуются так же ревностно, как у нас, однако живут там люди другого сорта. Возможно, они каким-то образом изменили ваши воззрения, заставили взглянуть на многие вещи с другой стороны, вселили в вас иные понятия о морали и приличиях, ибо теперь вы постоянно вопите и громогласно возмущаетесь, когда ранее говорили спокойно, почти шепотом, не повышая голоса. Уж не они ли внушили вам желание усомниться, а то и напрочь отринуть те принципы духовности и благочестия, в которые вы прежде твердо верили и даже исповедовали?

— Хотя речь ваша течет гладко и даже витиевато, я все же не совсем уверен, что проник в ее смысл, — виновато признался Тайсон.

— А раньше, до отъезда в Шотландию, вы все поняли бы, — упрекнул Сэмюел. — И ответили бы мне в том же духе. Ах, как все это тяжело, преподобный Шербрук! Но попытаюсь пояснить свою мысль. Шотландцы, если можно так выразиться, не похожи на нас. Они так и не сумели постигнуть глубины и сложности нашей веры. Им не дано оценить или уразуметь нашу точку зрения на окружающий мир и своих ближних. Они отличаются от нас, сэр.

— Вот как? И к какому же сорту людей принадлежим мы?

— Мы англичане, преподобный Шербрук.

— Вот мы и добрались до сути. А моя жена — нет.

— Совершенно верно, сэр. Насколько мне известно, местные жители из уважения к вам согласны терпеть ее в своем кругу, но только при условии, что вы вновь станете прежним. Они хотят видеть настоящего священника. Того, кто столько лет был их заступником перед Господом. — Видя, что брови Тайсона по-прежнему подняты, Сэмюел с отчаянием добавил:

— Они так надеются, что вы сделаете все, лишь бы стать прежним! Просто добрым старым знакомым викарием, преданным другом и советчиком, каким вы были для них в полной мере, прежде чем отправились в Шотландию.

— Был, прежде чем отправился в Шотландию, — с расстановкой повторил Тайсон.

— Я взял на себя труд побеседовать со многими леди и джентльменами из здешней паствы, преподобный Шербрук. Собственно говоря, они сами ко мне подходили, желая облегчить душу, особенно мистер Гейтер, новый хозяин гостиницы «Мертвый испанец», которую он только что купил у своего старшего брата Тома. Скорее всего вы еще этого не знаете, иначе непременно пожелали бы мистеру Гейтеру удачи. Так вот, мистер Гейтер говорил от лица всех мужчин. По его словам, они обсудили ситуацию. Должен сказать, сэр, хотя мне крайне неприятно

признаваться в этом, многие заходили так далеко, что злорадствовали и отпускали непристойные шуточки, вроде того что хорошенькая женщина способна совратить даже самого благочестивого служителя Бога, превратив его в низкое, похотливое создание, зеленого юнца, у которого в голове одни лишь плотские желания и сладострастные мысли. Мистер Элиас сообщил, будто видел своими глазами, как вы.., целовали свою жену, сэр. Он пошатнулся и чуть не приземлился на свой.., э-э-э.., зад.

Тайсон почувствовал искушение оторвать голову Сэмюелу Притчерту, однако сдержался, — Меня беспокоит, сэр, что теперь они считают вас одним из своих.., не служителем Господа, который всегда стоял над ними, над низменными желаниями, которые одолевают людей и время от времени заставляют их совершать смертные грехи. Теперь же прихожане видят в вас человека слабого, способного поддаваться зову плоти. Они боятся за вас, сэр. Вы пали в их глазах и больше не имеете права быть их духовным вождем. Проще говоря, они вам не доверяют.

Зов плоти.

Тайсон оцепенел.

В памяти пронеслись последние три месяца, головокружительные ночи, любовные игры по утрам, наполненные бесконечными восторгами, безбрежной нежностью, поразительными открытиями и, Господи, вожделением, лишаящим рассудка, вызывающим желание вопить от хмельной радости и склоняться перед истинным чудом. Опустошающим мозг. Заставляющим забыть о том, кем бы ты был когда-то.

Сэмюел прав. Он не тот человек, который три месяца назад отправился в Шотландию. Только сейчас Тайсон осознал, что все это время не перестает улыбаться — просто так, без всякого повода, как когда-то давным-давно, когда он был молод и еще не собирался посвятить свою жизнь Господу и церкви. До того, как встретил Мелинду Беатрис.

Он вдруг увидел себя со стороны — каким был и в кого превратился. Решив принять сан, он стал угрюмым, невероятно серьезным, потерял всякое чувство юмора и способность ценить простые радости жизни. У него была лишь одна цель, помимо которой он ничего не замечал. Все его интересы сосредоточились на людях, за которых он чувствовал ответственность. Эти люди привыкли искать его совета, решения всех своих проблем, утешения в минуты страданий и несчастий. А взамен они ожидали от него определенного поведения — это он знал даже слишком хорошо и никогда их не подводил.

До того, как поехал в Шотландию, До того, как женился на Мэри Роуз, Он, разумеется, любил своих детей, но никогда не дарил им своего безраздельного внимания, не изливал безграничную радость, которой сейчас поистине бурлил.

Мэри Роуз. Его жена. Только сегодня утром он овладел ею, разбудив поцелуями, лаская теплое, гладкое тело, ощущая острое наслаждение, которое, казалось, росло с каждым разом, когда они бывали вместе. И пробудился он с блаженной улыбкой и плотью, затвердевшей, как планка дубового паркета на полу спальни.

Тайсон поднялся и шагнул к окну. На улице было холодно, серое небо затянули тучи, по стеклу уныло барабанил противный мелкий дождь. Как быстро осень уступила место зиме! Он понял, что замерз, причем тепло требовалось не только его телу, но и душе.

Ничего не ответив Сэмюелу, викарий подошел к камину и начал разводить огонь. Когда пламя разгорелось, он поднялся с колен и повернулся к помощнику, который все это время так и не

двинулся с места, — Буду откровенным, сэр, — внезапно выпалил Сэмюел. — Наши люди не желают видеть здесь чужака. Им нужны вы прежний, тот, каким были до отъезда. До того, как привезли сюда иностранку.

— Уходите, Сэмюел.

— Прошу прощения, сэр, я еще не все сказал.

— Так говорите.

— Дело еще и в вашем смехе, сэр.

— В чем?!

— В вашем смехе, сэр, нескрываемой легкости духа" неотразимом обаянии, остроумии. Это ему смущает людей, заставляет думать, что их духовный лидер вдруг превратился в незнакомца. Прихожан тревожит ваша..., как бы это сказать..., несерьезность, отсутствие подобающей степенности и уравновешенности, правильных взглядов на то, что главное в жизни. Вы совершенно переменились, и это заметили все. В глазах окружающих вы опустили до последнего предела. Из-за этого их вера пострадала. Ну вот, теперь я сказал все и прошу прощения за откровенность. — Я благодарю вас за эту откровенность, Сэмюел. А теперь прощайте.

Он не шевельнулся, пока за помощником не закрылась дверь, и только потом протянул руки к огню. Что-то шея затекла... Тайсон с силой потер онемевшие мышцы, перевел взгляд на часы и сообразил, что сейчас только одиннадцать утра, а он опять вожделеет к Мэри Роуз, словно не лежал в ее объятиях три с половиной часа назад. Как он ее хочет! Только о ней и думает. Только она царит в его сердце. И в его душе, которая до сих пор была полна одним лишь Богом. Нет, она не завладела его душой. Это невозможно. Но Мэри Роуз изменила его, подарив свое тело, доверие и безграничную любовь, которая так долго оставалась не востребованной. Он знал, что она любит его, хотя никаких слов сказано не было. Мэри Роуз..., открытая, бесхитростная, с сияющими любовью глазами. А что он испытывал к ней, своей жене? Той, что перевернула его жизнь? Тайсон не хотел думать об этом. Просто не мог. Его возмущало и бесило осознание того, что он стал рабом собственных инстинктов, стремления удовлетворить низменные эгоистические потребности. Пусть это чистая правда, но все равно ужасно!

Даже в двадцать лет, женившись на Мелинде Беатрис, он не чувствовал столь всепоглощающего желания к женщине. Безумного, пылкого желания. Проще сказать, похоти. Но дело не только в этом. Мелинда Беатрис пыталась покориться ему, потому что любила его, о чем сама твердила сотни раз. Она хотела быть его женой, верной помощницей во всех делах. Но это продлилось недолго. Вскоре он стал приходить к ней, только когда хотел зачать еще одного ребенка. Жизнь стала приобретать определенные очертания, вошла в колею. Тайсон нашел то, что искал. Его уважали, им восхищались, в нем нуждались — и все потому, что он честно пытался выполнить роль духовного советчика всего городка. Но теперь появилась Мэри Роуз. Она принадлежит ему. Видеть ее, быть рядом, касаться, чувствовать, как она счастлива его ласками, — такого он не ожидал, но с ней все казалось совершенно естественным. Как важно было разделить с ней наслаждение, знать, что именно он дарит ей моменты экстаза! Вонзаясь в нее, он слышал, как она задыхается от наслаждения, снова и снова выкрикивая его имя, и испытывал ничем не замутненное счастье. В подобные минуты для него ничего больше не существовало. Он чувствовал, что он для нее единственный, самый дорогой, и это, несомненно, было благословением Господним. Она не только была любящей и преданной женой, но и сумела укротить его упрямых мальчишек, а вчера за ужином даже приказала

Максу съесть всю брокколи, причем сделала это., на латинском. Макс смеялся так, что слезы текли по щекам. Сегодня утром он как заведенный бормотал одну и ту же фразу, так что отец накрепко ее запомнил;

— *Aut id devorabis amabisque, aut eras grandebis.* Мегги немедленно поинтересовалась у Мэри Роуз, что это значит. Та с лучезарной улыбкой пояснила:

— Немедленно съешь все, и охотно, иначе получишь это на завтрак.

Сам Тайсон хохотал не меньше сына. Значит, он недостаточно серьезен, так? Смеется слишком часто? Легкомыслен? И это принижает его? Господи милостивый, что же делать? Наверное, Сэмюел прав. И прихожане тоже. Все заметили эту невероятную метаморфозу. Все, кроме него.

А теперь и он прозрел.

Да, он изменился, забыл то, что необходимо для спасения души. Избрал опасный путь — путь разврата.

Тайсон подошел к письменному столу, перечитал наброски проповеди., и оцепенел. Неужели это писал он — настолько естественно, легко, радостно?

Тайсон на минуту прикрыл глаза. Вот ужас!

Разорванные страницы полетели на пол.

Он не стал обедать дома, а вместо этого отправился в гостиницу «Мертвый испанец», где попросил подавальщицу Петунью принести чашку ароматного чая и холодного цыпленка с теплым хлебом. На улице по-прежнему моросило, и сырость, казалось, проникала до самых костей.

Он ел, поджидая, когда покажется мистер Гейтер. Тот явился, едва Тайсон рассеянно проглотил второй кусочек, размышляя о своей жизни и о том, что с ним стало.

— Ах, преподобный Шербрук, как я рад снова видеть вас! Слишком долго вы отсутствовали, сэр, а за это время многие прихожане настолько распустились, что позволили себе не посещать церковь и не слушать проповеди мистера Притчерта. Неплохой он человек, но чересчур многоречив! Зато всегда рядом, всегда готов подставить плечо, чтобы облегчить чужое бремя, дать совет, помочь выпутаться из неприятностей. Завтра вы наконец почтите нас своим присутствием. Наверняка в церковь придут все!

Бока мистера Гейтера выпирали из тесного передника, а сердце его было больше пивного брюха. Порядочный добродушный человек, которого Тайсон знал уже восемь лет и уважал все то время, что служил викарием в Гленклоуз-он-Роуэн, мистер Гейтер более чем справедливо обошелся со своим пропащим старшим братцем, который, по слухам, сел на судно, идущее в Америку, чтобы там искать новых жертв своего ненасытного распутства.

— Вы когда-нибудь бывали в Шотландии, мистер Гейтер?

— Нет, сэр. Родился, вырос и провел здесь всю жизнь. Думаю, человеку полезно знать свои корни и не отрываться от них.

«Не слишком деликатно», — подумал Тайсон, откусывая от большого ломтя теплого хлеба.

— Я видел вашу жену вчера днем, сэр, вместе с малышкой Мегги, в лавке драпировщика на Хайстрит. Обе смеялись неизвестно над чем. Настоящая красотка!

— Да, Мегги очень похожа на свою тетку Синджен, — согласился Тайсон.

— Нет, я имел в виду вашу жену. Все.., э-э-э.., мужчины так считают.

Тайсон смял хлеб в кулаке. Сердце гулко заколотилось. Неужели мистер Гейтер хочет, чтобы Тайсон поверил, будто Мэри Роуз — потаскушка, стреляющая глазками налево и направо? А как же пресловутый мистер Сандерфорд? Мэри Роуз и не подумала с ним флиртовать!

Ярость охватила Тайсона с такой силой, что он едва не задохнулся. Знаком попросив мистера Гейтера присесть, он холодно процедил:

— Моя жена и дочь очень любят друг друга и, естественно, рады посмеяться вдвоем. Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, мистер Гейтер, сказав, что моя жена красотка. По-моему, вы знакомы. Всего три дня назад, насколько мне помнится, вы посетили мой дом вместе со своей милой женошкой, чтобы выпить чаю.

— Совершенно верно, милорд. Миссис Шербрук была очень гостеприимна. Дело в том, что.., о Господи.., я не хотел вас обидеть, преподобный Шербрук!

— В таком случае, может, объяснитесь, мистер Гейтер?

— Боже, какой стыд! Как неловко!.. Но ничего не поделаешь, сэр. Ваша жена кокетничала с Тедди Тейтом. Настоящее бесстыдство, сэр!

— Вот как, — проямлил Тайсон. Настал его черед смущаться. Он был уверен, что единственный мужчина, с которым флиртвала Мэри Роуз, — это он сам. Снова вспомнив Сандерфорда, он еле заметно улыбнулся. Жена еще сравнивала его с Эриксоном Макфайлом...

— Бедная Бетти Тейт! Залилась слезами и рыдала на груди у мисс Стрепторп.

— Теперь понимаю. Разумеется, мисс Стрепторп рассказала вам об этом прискорбном событии?

— И не только мне. Всем.

— Какие еще грехи совершила моя жена, кроме непристойного флирта с Тедди Тейтом?

— О, сэр, вы расстроились, а я этого вовсе не хотел! Знаю-знаю, мисс Стрепторп мечтала вас заполучить, и теперь вы считаете, будто она солгала, чтобы опорочить вашу жену, и вся эта история — не более чем ревность отвергнутой женщины.

— Совершенно верно, мистер Гейгер. Мисс Стрепторп — чрезвычайно целеустремленная молодая леди. Боюсь, я стал ее врагом, отказавшись покорно следовать желаниям дамы, а именно — сделать ее хозяйкой пастората, который она хотела расширить за счет кладбища.

— Неужели? Интересно, какие же мысли возникали бы у ваших гостей? Только представьте — вы пьете чай над гробом старой миссис Бердсли, а она лежит в земле вот уже больше пятидесяти лет!

— Если я не ошибаюсь, мисс Стрепторп собиралась убрать гробы.

— О Боже! — ахнул мистер Гейгер, покачивая головой. — Бьюсь об заклад, сэр, вы поговорили с ней прямо и откровенно, хотя достаточно деликатно.

— Мне тоже так казалось.

Владелец гостиницы погладил чисто выбритый подбородок.

— Согласен, ее разочарование безмерно, если верить миссис Биттли и миссис Пэдуорти. Сам слышал, как они беседовали под окнами кабачка, ожидая, пока их мужья опрокинут последнюю кружку эля. Совсем пьяницами стали, просто позор! Да, вполне вероятно, что мисс Стрепторп несколько исказила правду.

— Да не несколько, а весьма. Но мы отвлеклись, мистер Гейгер. Расскажите, в чем дело.

— Постараюсь, сэр. Видите ли, вся округа толкует о том, что вы потеряли голову из-за жены, поддались слабостям обычного мужчины. Вот и все, сэр.

— Ясно, — протянул Тайсон и резко встал. Все это он уже слышал раньше. — Жаль, если все считают, будто я изменился только потому, что вступил в брак.

Мистер Гейгер грустно посмотрел на него:

— Самое страшное, что может случиться со служителем Божьим, викарий. Настоящее несчастье.

Тайсон ощутил, как сердце гулко забилося, и каждый удар посылает по телу резкую боль. Голова, которая болела у него крайне редко, теперь буквально раскалывалась, а в левом виске пульсировала кровь.

— Неужели смех — это так ужасно, мистер Гейгер?

— Да, если он беспричинный. Тогда он превращается в бессмысленное зубоскальство, — вздохнул тот. В глазах его светилась жалость. — Боюсь, в вашем случае это именно так.

Тайсон торопливо покинул гостиницу. Он специально прошелся по Хай стрит, кивая, заговаривая со всеми встречными и глядя им в глаза. Лишь немногие не отводили взгляд. Сам он был таким серьезным, словно шел на похороны. Не обращая внимания на усилившийся дождь, викарий направился к старому церковному кладбищу. Страшно подумать, что Гленда Стрепторп собиралась снести могилы и пристроить к дому новое крыло! Неужели молодая девушка способна на подобное кощунство?

Погрузившись в размышления, Тайсон прогуливался среди могил, пока не остановился перед любимым надгробием. Здесь был похоронен неукротимый, славившийся своей свирепостью в бою воин, однако, подходя к этой могиле, Тайсон всегда ощущал покой и даже некую безмятежность. Он положил ладонь на древний камень, провел по шершавой поверхности, разрушавшейся год от года, перечитал почти стертую надпись: «Сэр Венсан д'Эгле, родился в 1231, умер в 1283».

У плиты лежали живые цветы. Их, конечно, принесла Мегги, зная пристрастие отца именно к этой могиле. Цветы уже успели посереть под дождем и имели самый жалкий вид. Викарий казался себе таким же несчастным и измученным, как они.

Постояв немного, он отошел, уселся на длинную каменную скамью и стал смотреть на церковь,

чей великолепный шпиль возвышался над всеми крышами городка. Серый камень, символ вечности под плачущим осенним небом... Сколько раз Тайсон сидел здесь, прислушиваясь к колокольному звону и ощущая, как мерные звуки вливаются прямо в душу! Он закрыл глаза и долго молился.

Глава 27

Дом священника гудел от голосов и смеха. В воскресенье неожиданно и без предупреждения нагрянули Дуглас и Райдер с семьями. Гости едва поместились в трех экипажах, которые теперь теснились в конюшне. Повсюду шныряли орущие дети, их то и дело унимали взрослые. Экономка была на грани истерики, не зная, как справиться разом с миллионом дел. Мэри Роуз переделалась в привезенное Синджен новое платье из темно-зеленой шерсти, с кружевом у выреза, длинными узкими рукавами, подхваченное под грудью атласной лентой такого же цвета. По мнению Тайсона, она была в нем неотразима. Мэри Роуз очень нервничала, но сейчас, глядя на нее глазами не супруга, а постороннего человека, он по достоинству оценил выдержку жены. Она улыбалась, была вежлива и радушна, разливала чай, угощала пирожными и булочками, внимательно прислушивалась к жалобам и просьбам каждого ребенка, который к ней подбегал, и при всяком удобном случае счастливо улыбалась мужу. Тайсону нестерпимо хотелось запереться в кабинете и никуда не выходить. Сидеть в темноте, разрываться от боли, сомнений и неуверенности, терзавших душу. Но ничего не выйдет. Кто знает, сколько собираются погостить братья? Ни Дуглас, ни Райдер не желали говорить на эту тему, только хлопали его по плечу и смеялись. Поэтому Тайсон сидел молча, сжимая в руке чашку и не слишком прислушиваясь к разговорам. Все шло как всегда: шутки, споры, даже ссоры; легкомысленная, ни к чему не обязывающая атмосфера. Еще неделю назад он тоже присоединился бы к общему веселью. Совсем недавно он поймал Макса на том, что негодник объяснял кузенам, как по-латински «дерьмо», и в качестве наказания поднял сына вверх ногами и хорошенько тряхнул. Тайсон содрогнулся от сознания неотвратимости кары за совершенный грех. От сознания того, что впереди лишь унылая, серая, безрадостная пустыня, в которой нет места ни чувствам, ни живительной радости. Мэри Роуз не понимала, что происходит. Тайсон вел себя странно, и дело вовсе не в приезде братьев — нет, он весь день вел себя совершенно непонятно. Когда муж вошел, мокрый насквозь, с прилипшими ко лбу волосами, она подбежала к нему, смеясь, качая головой, шутливо ругая за ужасный вид, жмурясь от удовольствия. Наконец он с ней, пусть и промокший, но снова рядом! Она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его, но Тайсон не шевельнулся.

Предчувствуя недоброе, Мэри Роуз опустила руки.

— Что стряслось?

— Все в порядке, — отрывисто бросил он и ушел.

Она хотела окликнуть его, побежать следом, попросить, чтобы он переделался, но осталась стоять на месте. Только смотрела вслед мужу.

Теперь Тайсон выглядел так, словно с минуты на минуту настанет конец света, а он никак не может выбрать, идти ему в ад или в рай.

Что же все-таки случилось?

Мэри Роуз так волновалась за мужа, что почти равнодушно отнеслась к приезду гостей. Кроме того, она уже успела их узнать, освоиться и полюбить, видела обнаженные статуи в саду Алекс и пекла яблочный пирог с Софи. Да и Мегги, отважная маленькая защитница, не отходила от

мачехи, и на сердце у Мэри Роуз потеплело.

— При этом свете, — заметила девочка, — волосы у тебя и тети Алекс совсем одинаковые.

— Знаю, — кивнула Алекс. — На солнце волосы Мэри Роуз переливаются ярче и кажутся более густыми.

— Я не собиралась это подчеркивать, — ухмыльнулась Мегги, глядя на тетку.

— Разумеется, дорогая, в тебе нет ни капли хитрости. Так я и думала, — кивнула Алекс, сунув в рот абрикосовое пирожное и жмурясь от блаженства. — Как я уже говорила, Мэри Роуз, Господь то ли наказал нас, то ли благословил, наделив этой копной локонов и буколек. Одно утешение, что с такой гривой и в старости не будешь лысой.

Мэри Роуз предложила Алекс еще одно пирожное и угостилась сама.

— К тому же тебе никогда не стать плоскогрудой, — вставила Софи, оглядывая невестку. — Как по-твоему, Мэри Роуз? Тебе не кажется, что Господь был чрезвычайно щедр к Алекс, когда раздавал бюсты?

— Действительно, какая несправедливость по отношению к остальным! — засмеялась Мэри Роуз.

— Что там насчет бюстов? — вмешался Дуглас, неспешно подходя к креслу жены. Та подняла глаза. Он со вздохом уставился на ее грудь, прежде чем завладеть губами.

— Дуглас, вспомни о приличиях! — рассердилась Алекс.

— Я уже говорил, дорогая, что бюст — весьма неопределенный термин, употребляемый исключительно женщинами. То, чем наградила тебя природа, — это груди. Именно груди.

Софи деликатно кашлянула.

— По правде говоря, Дуглас, мы толковали о совершенно неинтересных для тебя предметах. Иди лучше попытай бедняжку Тайсона. Непонятно? Тогда скажу прямо: предмет беседы вряд ли предназначен для твоих нежных ушей, мальчик мой.

После того как Дуглас удалился, вопросительно подняв брови, Мэри Роуз заметила:

— Я давно так не веселилась, как в тот день, когда познакомилась со всеми вашими воспитанниками, Софи. Никогда не видела, чтобы Тайсон настолько оглушительно хохотал, когда ребяташки облипли его, повалили на землю и уселись верхом.

— Да, ничего не скажешь, смелый народец. — кивнула Софи, озабоченно поглядывая на деверя. Мэри Роуз знала, что она видит: человека, чьи мысли далеко отсюда. Человека, который не обращает внимания на присутствующих и вряд ли думает о чем-то приятном.

Софи покачала головой и, обернувшись в сторону мужа, всплеснула руками:

— Настоящий бедлам!

Райдер стоял посреди гостиной, зажав под мышками головы Лео и Макса и время от времени сталкивая братьев лбами.

— Райдер так любит детей. Дайте ему плачущего малыша — и тот мгновенно успокоится. Знаете, ведь он еще и член палаты общин, так что у него минуты свободной нет.

— Можно подумать, вам нечего делать, кроме как сидеть я целыми днями есть конфеты! — усмехнулась Мэри Роуз. — Уж я-то видела, как вы хлопчете с рассвета до заката.

— Признаться, мне нравится заботиться о наших арендаторах. Я могу подсказать им лучшие методы разведения овец, удобрения полей навозом, знаю, какие породы молочных коров самые удоинные, как добиться высоких урожаев. Настоящий специалист по сельскому хозяйству Погодите, вот как-нибудь расскажу вам о ячмене и ржи. Ну а кроме того, — рассмеялась она, — приходится держать моего дорогого мужа в узде: весьма интересное и сложное занятие.

— Я так и подумала, — кивнула Мэри Роуз.

— Ха! — фыркнула Алекс, ткнув Софи локтем в бок. — Да Райдер на тебя не надышится. Стоит ему оказаться в трех футах от тебя, как он начинает облизываться. Просто стыд!

— Можно подумать, у тебя все по-другому, Алекс! Кто бы говорил! Только сейчас Дуглас раздевал тебя глазами, вместо того чтобы прислушаться к словам бедняжки Тайсона.

Мэри Роуз с легкой завистью внимала шутливой перепалке. Их просто невозможно не полюбить! Обе дружелюбны, просты в обращении и совсем не ставят ей в вину шотландский акцент и чужеземное происхождение.

— Макс направо и налево хвастается, как однажды за ужином заявил, что не будет есть брокколи. Самое интересное, что говорил он на латинском. А вы не задумываясь ответили, причем на том же языке. Молодец, Мэри Роуз! Макс кажется теперь более.., как бы это сказать.., беспечным, веселым мальчишкой, каким и следует быть в его возрасте. Просто поразительно, не так ли, Софи?

— О да, — задумчиво согласилась Софи. — А Лео! Он и секунды на месте не посидит! Только сейчас расписывал, как любит ездить верхом, особенно с вами, Мэри Роуз. Сказал, что вы можете спеть лошади песенку и та помчится быстрее ветра.

Мэри Роуз вспомнила, как был поражен Лео, когда кобыла Дафна, услышав положенные на музыку стихи Роберта Бернса, стрелой полетела вперед.

— Чудесные они ребята, — сказала она вслух, — не то что Мегги, от которой ничего, кроме неприятностей, не дождешься. Вечно меня журит, указывает, что можно и чего нельзя. До чего же противная девчонка. Мегги хихикнула и легонько дернула мачеху за ухо.

Софи и Алекс переглянулись. Им с первого взгляда понравилась Мэри Роуз, а сейчас они убедились, что не ошиблись. На этот раз Тайсон сделал правильный выбор.

— Улыбка у Мэри Роуз почти такая же милая, как у вас, тетя Софи, — вдруг выпалила Мегги.

— Так и быть, — устало вздохнула Софи, — можешь поносить мой гранатовый браслет.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила девочка.

— Ювелирная работа, — тихонько похвалила Мэри Роуз. — Интересно, меня так же легко поймать на удочку?

— Я еще на проверяла. Посмотрим.

Позже Лео потащил мачеху в конюшню посмотреть Гарта, жеребца Дугласа, настоящее чудовище с отвратительным нравом, которое вечно старалось сбросить хозяина. Лео утверждал, однако, что подобные поединки доставляют Дугласу огромное удовольствие. По просьбе пасынка Мэри Роуз спела коню ту же песенку Роберта Бернса и умудрилась закончить первый куплет, прежде чем Гарт кинулся на незваных гостей. Мэри Роуз и не подозревала, что умеет бегать быстрее Лео.

Одеваясь к ужину, она думала о своих новых родственниках. Какие прекрасные люди — приветливые, добросердечные, умные. И она, кажется, им понравилась. Никто и не думает задира́ть нос перед незаконнорожденной девчонкой из Шотландии, словно по волшебству ставшей женой английского священника. Она даже принесла мужу в приданое целых сто фунтов!

К счастью, ей удалось устроить всех гостей. Трое мальчишек будут спать с Максом и Лео. Можно только представить, что они будут вытворять по ночам! Грейсон, сын Софи и Райдера, в свои восемь лет был прирожденным рассказчиком, несмотря на юный возраст, а может, именно благодаря ему. По словам, Райдера, мальчик во мраке ночи сочинял такие истории, что волосы вставали дыбом. Свою первую сказку о привидениях и нечистой силе он поведал в три года старой нянюшке. Та с воплями выбежала из детской и с тех пор отказывалась туда заходить. Спальню Мегги отдали Дугласу и Алекс, так что девочке пришлось перебраться в хозяйские покои. Жаль, конечно. Мэри Роуз хотелось поскорее узнать, что тревожит Тайсона. За ужином, на котором присутствовали только взрослые, он сидел с отсутствующим видом, почти все время молчал и крайне неохотно отвечал на вопросы. Ел очень мало, рассеянно прислушиваясь к веселой перепалке родственников. Ни шуточки, ни обычные уколы его не задевали. Мэри Роуз беспокоилась все больше. Уж лучше ненависть, обиды, крики, чем холодное безразличие. Еще вчера он смеялся бы громче остальных. Как же ей не хватало его юмора, нежного прикосновения, доброты!

Что случилось?

Что встало между ними?

Когда в доме все успокоилось и Мегги давно спала на диванчике у дальней стены, Мэри Роуз приподнялась, опершись на локоть, наклонилась над мужем и поцеловала его.

То, что за этим последовало, ее ошеломило.

Он не пошевелился. Губы его словно окаменели.

— Не надо, — велел он, резко отдернув голову.

— Но я люблю целовать тебя, Тайсон, — шепотом возразила она. — Мы так давно не были вместе! Я не разбужу Мегги, только поцелую тебя еще раз.

Из-за дочери он надел сегодня ночную рубашку, которую Мэри Роуз ненавидела. Ее ладонь скользнула по его животу. Она любила касаться мужа, ощущать, как напрягается его тело, наслаждаться своей властью над ним.

Но он схватил ее руку и грубо отбросил.

— Спи, Мэри Роуз.

Она неохотно отстранилась и попыталась рассмотреть мужа, но в комнате было темно:

— Ты себя хорошо чувствуешь, Тайсон?

— Да.

— Я чем-то тебя расстроила?

— Нет.

— Но что-то случилось. Ты не хочешь, мне рассказать?

— Нечего рассказывать. Спи.

Она легла на спину и уставилась в потолок, гадая, что же стряслось и почему он не желает с ней говорить.

Назавтра, в воскресенье, все Шербруки отправились в церковь. Собрать детей предоставили Райдеру, поскольку он слыл самым терпеливым. По округе разносился колокольный звон, воздух был чист и благоухал запахами поздней осени, тучи рассеялись, а назойливая морось не грозила испортить настроение. Шербруки расселись на скамьях, устроив детей между взрослыми. Тайсон не присоединился к родственникам, объяснив жене, что они с Сэмюелом Притчертом войдут через ризницу. Мэри Роуз показалось, что орган немного расстроен, но миссис Кедди играла прекрасно, несмотря на обезображенные артритом пальцы. Мэри Роуз впервые предстояло увидеть мужа за кафедрой. Он вошел тихо, в развевающейся черной сутане, с ослепительно белым воротничком, и стоял в стороне, пока Сэмюел Притчерт сделал все необходимые объявления, попросил собравшихся пропеть псалом и прочитал молитву во славу Божию, такую длинную, что ребятишки нетерпеливо заерзали. Потом Тайсон выступил вперед и занял место за красивой резной кафедрой из орехового дерева. Голос его, звучный и глубокий, доносился до самых дальних уголков церкви. Голубые глаза были ясны и безмятежны в мягком утреннем свете, струившемся сквозь цветные витражи. Мэри Роуз заворожено уставилась на мужа. Даже ангел не мог выглядеть красивее, чем он! Но все очарование пропало, стоило ему раскрыть рот. Глаза поблекли, лицо словно заострилось. Тайсон превратился в ангела-мстителя, спустившегося на землю, чтобы предостеречь людей от греха. Он долго говорил о христианском долге перед Господом, не позволяющем земным делам и соблазнам отторгнуть смертных от него и его заповедей. О надежде Господа на тех, кто верит в него и посвящает жизнь ему и его учению.

Речь Тайсона была изысканной, умной, слова — суровыми и холодными, фразы — настолько сложными по смыслу и форме, что, как показалось Мэри Роуз, они больше подходили для аудитории, состоящей из просвещенных священников, чем для обычных людей, пришедших помолиться Богу. Она вслушивалась в каждое слово, произносимое мужем перед почти двумя сотнями прихожан, находившихся в церкви. В голосе ни намек на смех, на обещание грядущих радостей, ни малейшей надежды на искупление грехов, никаких заверений в бесконечной любви и сострадании Господа или призывов восхититься несказанной красотой Божьего мира. Да, Тайсон образован, неглуп, но так мрачен, угрюм и резок! И холоден. До чего же он холоден!.. Правда, его братья и их жены не видят ничего необычного в том, как он держится и что говорит. Неужели привыкли? Нет, этого просто не может быть! Муж, человек, окруживший ее заботой, добротой, пробудивший в ней чувство собственного достоинства, заставивший поверить, что и она что-то значит в этой жизни, не имеет ничего общего с этим священником. Этого.., педанта она не знает. Это не ее Тайсон! И вдруг она поняла, увидела каким-то внутренним зрением, что и его родственники разочарованы. Неужели? Или ей

показалось? Она с трудом дослушала сухую, резкую проповедь незнакомца, говорившего с такой леденящей страстью о грозных требованиях Бога. О бесконечных обязанностях, которые следует выполнять людям, чтобы заслужить одобрение Господа. Чужак был благочестив и бесчеловечен. Он присвоил себе право говорить от имени Создателя, грозить грешникам неслыханными наказаниями. Мэри Роуз не помнила, как дождалась конца службы. Голова кружилась так, что приходилось то и дело закрывать глаза. Прозвучали последние энергичные аккорды органа, и прихожане начали подниматься со своих мест. Тайсон в сопровождении Сэмюела шествовал по главному проходу, не глядя на родных, не задерживаясь, чтобы поговорить с ними, и остановился только на церковном дворе, где серьезно, без улыбки приветствовал каждого прихожанина: пожимал руки, кланялся, что-то говорил. За все это время лицо его ни разу не просветлело. Когда Мэри Роуз поравнялась с мужем, он лишь коротко кивнул. Такого же приветствия удостоились все Шербруки, включая его собственных детей и племянников. Никто не сказал Мэри Роуз ни единого слова. Макс, Лео и Мегги держались поблизости, но тоже не обращались к мачехе, зато тихо шептались о чем-то. Мэри Роуз поняла, что дети заметили, в каком она состоянии, и решили, что, если попытаются утешить ее, она расплачется перед всеми. Трудно представить, как отреагируют на это Макс и Лео.

Глава 28

Тайсон открыл узкую садовую калитку, постоял немного, положив ладони на светло-оранжевую стену. Листья плюща щекотали пальцы. С тяжелым вздохом он прислонился лбом к прохладному кирпичу, чувствуя, как подгибаются ноги. Тяжелые зимние облака скрыли солнце. Несмотря на то что морозов еще не было, Тайсон словцо окоченел. Ему казалось, что в жилах застыла кровь. Что теперь делать и куда идти? Он больше не может придумать, какими еще молитвами просить Бога указать ему путь, наставить, помочь понять его намерения относительно себя, простого смертного. Может, он, служитель Божий, уже сделал все во исполнение этих намерений? Но до чего же безрадостно на душе! Он будто омертвел, омертвел до кончиков пальцев, а это уже богохульство. Как можно сомневаться в мудрости Господа?! Тайсон молился, молился до изнеможения. Как же тяжело одиночество! Он только сейчас понял, что до появления Мэри Роуз был невероятно одинок. Господи, он ненавидит сам себя! Ненавидит боль, притаившуюся внутри, впившуюся в сердце так хищно, что вряд ли он когда-нибудь избавится от нее.

— Какого черта ты вытворяешь, Тайсон? — прогремел за спиной голос Дугласа.

Тайсон устало обернулся. Ему редко приходилось видеть братьев в таком состоянии: кулаки сжаты, лица злые, отвердевшие, искаженные яростью.

— Ну и спектакль! — воскликнул Райдер, которому показалось, что молчание длится чересчур долго. Несмотря на воинственную позу, его растерянность и смятение были очевидны. — Ты произнес блестящую проповедь о грехах и каре за недостойное поведение, о низости людских устремлений, о долге и обязанностях смертных перед Богом. Похоже, эти самые обязанности бесконечны и трудноисполнимы. В заключение оглушительным, наводящим страх голосом ты стал читать молитву, призывая присутствующих отречься от всего земного. Все повседневные дела, желания, мечты, по твоему мнению, кощунственны. А потом ты, чертов осел, проходишь мимо собственной жены, как мимо столба, намеренно игнорируешь не только ее, по и детей и бежишь приветствовать прихожан. Что это с тобой, дьявол тебя поберет? О чем ты только думаешь, ханжа проклятый?

Тайсон не удостоил Райдера ответом.

— Алекс сказала, — заговорил Дуглас, шагнув к брату, — что Мэри Роуз была ранена в самое сердце твоим поведением. Да что там Алекс — я видел собственными глазами ее потрясенное лицо, полные слез глаза! И твоих прихожан, как нельзя более довольных подобным оборотом дела. Еще бы! Как они кивали своими дурацкими головами, поняв, что их викарий вернулся! Тот человек, в котором нет ни капли юмора, теплоты, душевной щедрости, снова с ними. Таким они его знали и не желали, чтобы он изменился. А твои дети.., нет, о них потом, Тайсон. У меня руки чешутся врезать тебе по физиономии и вывалить в грязи!

— Ты женился на Мэри Роуз и теперь обращаешься с ней как с последним ничтожеством! — возмутился Райдер. — Словно с бродягой, который случайно забрел в дом! Нежеланным бродягой из чужой страны. Ты совершенно не обращаешь на нее внимания. Унижаешь перед посторонними, безмозглый ты болван!

— Знаю, — глухо выговорил Тайсон и снова замолчал, потому что сказать ему было нечего.

— Что ты имеешь в виду? — выпалил Дуглас, готовый броситься на брата.

— Только то, что знаю, как веду себя. Именно так, как подобает священнику. Последние три месяца были заблуждением, ошибкой. Теперь я вновь стал самим собой.

— Заблуждением? Ошибкой? — передразнил Дуглас, вскинув брови. — Сатана меня возьми, что за лицемерный бред! Тайсон, Мэри Роуз — твоя жена. Все мы видели, как она обожает тебя, как загораются ее глаза, стоит тебе появиться в комнате. А ты.., ты обожествлял ее, смеялся, уделял внимание детям, обрел наконец радость.

— Ты улыбался, обнимал мальчишек, просто так, без всякой причины, играл с ними! Играл... Ни я, ни Дуглас не видели тебя за игрой с тех пор, как тебе исполнилось восемнадцать и ты решил стать законченным ханжой, — вставил Райдер.

— Верно, — кивнул Дуглас. — Вчера, когда мы вернулись из церкви, Макс подобрался ко мне и, шмыгая носом, признался, что стряслось неладное — его отец снова стал прежним. Я думал, парнишка разревется! Пропади все пропадом, Тайсон, во что ты превратился? Даже твое первое короткое письмо было таким веселым, каждая строчка дышала счастьем и любовью к женщине. Когда ты привез Мэри Роуз к нам, мы поняли, что ты наконец увидел красоту не только в жизни, но и в глубоком чувстве к жене и детям, осознал, как важны они для тебя, и упивался этим. Все мы поражались такому преображению. Ты словно помолодел, встретив женщину, способную подарить тебе радость, истинную любовь, научить тебя улыбаться, а может, иногда и приходиться в телячий восторг!

— А теперь, — поддакнул Райдер, — все куда-то подевалось. Мне следовало бы понять это еще вчера, когда мы приехали. Но ни я, ни Дуглас ничего не сообразили. Посчитали, что тебя занимают дела церкви или ты боишься, не обидим ли мы Мэри Роуз. Но ведь причина в другом, верно? Случилось нечто, превратившее тебя в благочестивого сухаря. Только вот что именно? Тайсон молча уставился на братьев.

— Не желаю, чтобы ты оставался таким, как сейчас, — смягчил тон Райдер, видя неприкрытую боль в глазах брата, — Хочу видеть нового, дерзкого, молодого Тайсона, своего брата, которого я, как оказалось, любил всем сердцем, отца, не стесняющегося приласкать детей и позаботиться о них, разделить с ними счастье и радость. Того, кто закатывается смехом, когда Лео, показывая очередной акробатический трюк, валится носом вниз или когда Макс произносит новое латинское выражение, особенно ругательство.

Ну настоящий греческий хор, не жалеющий усилий, чтобы наставить его на путь истинный!

Тайсон вздохнул. Настала очередь Дугласа, и он не стал щадить брата:

— А Мегги? Она поклоняется тебе! Готова жизнь отдать за папочку. Посмотри, что с ней стало?словно горевший ровным светом огонек вдруг погас. Где тот Тайсон? Почему ты так поспешно похоронил его? Заморозил свою душу?

— Тому Тайсону здесь не место, — тихо произнес викарий. — Богу он не угоден. Он не слуга Господа, а мирской человек, поддавшийся искушениям света, готовый во всем потакать своим прихотям, потребностям и желаниям, но никак не священник.

Обойдя братьев, он открыл калитку и вышел, Они долго смотрели ему вслед.

— Что-то здесь не так, — задумчиво сказал Дуглас. — Никогда не видел человека несчастнее. Столь внезапные перемены... В чем же все-таки дело?

— Раньше, когда Тайсон произносил холодные, я бы сказал — бесчеловечные, проповеди, мы оба знали, что этот строгий, мрачный человек — наш брат, считающий, что священник должен быть именно таким. Он был доволен собой и своей жизнью. Нам это не нравилось, но мы в конце концов смирились и приняли его таким, каков; он есть. Да, в своей закостеневшей гордыне наш ханжа-брат и не подозревал, как к нему относятся родные.

Дуглас выругался и направился к дому, а Райдер остался в саду, гадая, что предпринять. Ему было невыразимо жаль Мэри Роуз и детей. И очень больно за брата. Бедняга! Жалкий, запутавшийся бедняга... Мэри Роуз сидела перед туалетным столиком, рассеянно теребя брошь, подаренную ей матерью на прощание. Ее столик, щетки, платя и туфли оказались здесь.

Пока она сидела в церкви, слушая речь мрачного незнакомца, все ее вещи перетащили в комнату Мелинды Беатрис. Господи, она задыхалась в этой мерзкой комнате, а Тайсон отослал ее сюда!

Мэри Роуз настолько ненавидела бывшее обиталище своей предшественницы, что не посмела поместить сюда гостей, как взрослых, так и детей.

Немного подумав, она отправилась на поиски мужа и обнаружила его на скамье у древней могилы. Он сидел, молча рассматривая надгробие. Она подошла к нему и встала рядом.

— Тебя что-то тревожит? — бросил он, не глядя на нее. — Кажется, да. Ты раньше никогда не говорил со мной так холодно, Тайсон. Будь добр, объясни, что случилось. Почему ты стал таким?

— Каким? Все идет как нельзя лучше. Пожалуйста, поухаживай за гостями, мне нужно уйти по делу.

Он поднялся, мельком посмотрел на жену и, повернувшись, прошествовал к воротам, находившимся в дальнем конце кладбища. Она провожала его встревоженным взором, пока высокая фигура не исчезла из виду, а потом вернулась в дом и велела миссис Придди немедленно перенести ее вещи обратно, в спальню Тайсона. — Не знаю, стоит ли, мэм, — нерешительно заметила экономка. — Викарий ничего подобного мне не приказывал.

— Я здесь хозяйка, миссис Придди, и могу делать все, что мне угодно. Вы еще что-то хотели сказать?

— Может, переселить сюда кого-нибудь из гостей? Мальчикам тесно в детской.

— О нет, у них начнутся кошмары. Представляете, каких ужасов насочиняет Грейсон в таком интерьере? Нет, мы снова закроем комнату. А теперь простите, миссис Придди, я должна найти мужа.

Но Тайсон вернулся домой только к ночи и вошел в спальню, загоразивая ладонью единственную свечу: он боялся потревожить Мегги. Однако девочки здесь не оказалось. Вместо нее обнаружилась Мэри Роуз, спящая посреди кровати.

Он ступал совершенно бесшумно, и все же она, словно подкинутая неведомой силой, села на постели и уставилась на мужа.

— Здравствуй, Тайсон.

— Что ты здесь делаешь?

— Мы муж и жена. Это и моя спальня. Я не позволю сослать себя в комнату Мелинды Беатрис, словно преступницу!

— Тем не менее я предпочел бы, чтобы ты спала в другой комнате.

— Нет, я не стану жить в этой мрачной конуре! Если не желаешь видеть меня рядом, придется тебе самому переселиться туда.

Тайсон поставил свечу на тумбочку и принялся раздеваться, но, осознав, что делает, опустил руки и застыл. Жена упрямо нахмурилась.

— Довольно! — воскликнула она, подтягивая колени к груди. — Я рада, что ты вернулся. Нет, я не стану спрашивать, где ты прятался все это время. Я молилась о твоём возвращении, и Бог меня услышал. Твои братья изо всех сил пытались делать вид, что все идет как надо, но у них ничего не получилось. Даже дети притихли и хотя не понимают, что происходит, однако чувствуют неладное.

— Выдумки, — возразил Тайсон. — Все в порядке, как и должно быть.

Мэри Роуз печально вздохнула:

— Сегодня днем, отчаявшись найти тебя, я разговаривала с Сэмюелом Притчертом. Он придерживается того же мнения. Утверждает, что ты ведешь себя как пристало служителю церкви. Твой помощник признался, что прихожане были бы на седьмом небе, уберись я отсюда. Они соскучились по прежнему Тайсону, каким ты был до поездки в Шотландию. До того, как встретил меня и женился.

Тайсон ничего не ответил, просто стоял, безвольно опустив руки. Он казался невероятно усталым.., нет, не просто усталым — каким-то помертвевшим. Мэри Роуз не знала, чья боль сильнее: его или ее.

— Хочешь, чтобы я уехала?

— Ты не можешь так поступить. Ты моя жена.

— Неужели ты действительно хочешь быть тем человеком, которого я видела в церкви? Холодным и бесчувственным, рассуждающим о грехах, всеобщей развращенности и падении

нравов? Тем, кто стоял над всеми, оставаясь безучастным к чужим горестям, равнодушный, как каменная статуя?

— Но я всегда был именно таким человеком и должен снова им стать. Такова воля Божья.

— Не знаю, какого именно Бога, — с расстановкой произнесла она. — Мой Бог добр и милосерден. Он хочет, чтобы его создания смеялись, видели красоту мира, который он создал. — Мэри Роуз помолчала, а потом с жаром продолжила:

— Мне надо было сказать тебе это раньше, Тайсон. Возможно, сейчас неподходящее время, но думаю, что обязана сказать все, иначе мне не будет покоя, Он упорно молчал.

— Я люблю тебя.

Тайсон съежился, как от пощечины.

Н-нет, Мэри Роуз. Пожалуйста, не надо!

Тебе неприятно слышать мои слова?

— Да.

— Понимаю, — грустно улыбнулась она, — Что ж, тогда другое дело.

Больше говорить было не о чем. Мэри Роуз встала, схватила два верхних одеяла и без единого слова и взгляда покинула спальню. Мегги спала в маленькой комнате в самом конце коридора. Мэри Роуз устроилась рядом, но заснула только к утру.

— Все кончено, — объявил Макс на следующее утро. Он сидел, прислонясь к стене и подтянув колени к подбородку. На полу валялись книги. Вид у мальчика был самый плачевный.

— Папа совсем такой, как раньше, — подтвердил Лео. Сегодня он не крутил колесо и даже не стоял на голове. Вместо этого он растянулся на ковре, подперев подбородок руками. Казалось, малыш вот-вот разразится слезами.

— Нет! — возразила Мегги со своего возвышения, точнее, с кровати Макса. — Папа стал куда хуже. Раньше он не был таким сдержанным и отчужденным. Он любил нас, и мы это знали. Теперь он так далеко, что совсем нас не видит.

— Верно, — поддакнул Лео. — Прежде папа хоть иногда смеялся, а то и обнимал нас. Даже хмурился, когда мы его раздражали. А сейчас совсем ничего... Он словно боится сказать или сделать что-то такое, что может показаться несерьезным.

Мэри Роуз, вошедшая несколькими минутами раньше и ставшая невольной свидетельницей разговора, поняла, что больше не в силах этого слышать, — Где ваши кузены? — с вымученной веселостью спросила она.

— Отправились на кладбище, — пояснил Макс. — Грей-сон обожает кладбища. Придумывает истории о тех, кто там похоронен. Хотя сегодня и неподходящий день для гулянья — слишком холодно, никто не хочет пропустить его рассказ.

— Никто, кроме вас.

— Все и без того достаточно страшно, — буркнул Макс. — Не хватает только сказок Грейсона.

— Ладно. Тогда мы вчетвером поедем кататься. Вначале дети не выказали энтузиазма, но потом Мегги, заметив смертельную бледность мачехи и ее решительно вздернутый подбородок, поспешно кивнула:

— Вы правы. Это позволит нам немного забыться. Ну, же, Макс, Лео, хватит ныть! Двигайтесь быстрее!

Обнаружилось, что лошадей хватит на всех, если Мэри Роуз отважится оседлать Гарта, могучего жеребца Дугласа.

— На этот раз я спою другую песню, поскольку ему, очевидно, не понравилась прежняя, — сказала она.

Гарт, гигантский вороной конь, только злобно поблескивал глазами. Седлая его, Мэри Роуз пела одну песенку за другой, и, как ни странно, он позволил взнуздать себя.

— До чего же он велик, — прошептала она, чувствуя, как сердце забилось сильнее. Дети уже сидели в седлах.

— Мэри Роуз, он ничего вам не сделает? — встревожился Лео.

— Я хорошая наездница. Только никаких скачек. Договорились?

Они растянулись недлинной процессией, пока не выехали в поля. День выдался пасмурный и холодный, и Мэри Роуз скоро продрогла.

— Надеюсь, всем тепло?

— Бедный старина Рикеттс замерз, — пожаловался Лео, глядя мерина. — Надеюсь, он протянет зиму. Знаете, ему уже почти двадцать.

Мэри Роуз тоже на это надеялась. Как и на то, что сама доживет до весны.

Они проехали через Греспубли-Торп, маленькую деревушку совсем рядом с Ла-Маншем. Мэри Роуз спросила:

— Хотите спуститься к воде?

— По-моему, лучше вернуться в гостиницу в Греспубли-Торп и заказать горячего шоколада, — предложила Мегги. — Меня что-то знобит.

Они так и сделали бы, если бы не почтовый дилижанс, с головокружительной скоростью вылетевший из-за поворота проселочной дороги. Мэри Роуз успела увидеть несущийся навстречу экипаж и хотела крикнуть, но несчастный Рикеттс, испугавшись, в панике встал на дыбы и споткнулся. Лео перелетел через его голову и приземлился в придорожной канаве. — Мегги, Макс, быстро с дороги! Я помогу Лео.

Но сдвинуться с места было невозможно. Пришлось подождать, пока дилижанс промчится мимо, вздымая густые облака пыли. Хорошо еще, что он никого не задел!

Наконец Мэри Роуз удалось слезть с коня и подбежать к мальчику. Он уже сел и ошеломленно тряс головой. Не дотрагиваясь до него, она встала на колени. Тут подоспели Мегги и Макс.

— Как ты, Лео?

— Похоже, все мозги в яичницу превратились, — пропыхтел малыш. — Ребра потрескались, желудок застрял в горле... — Он поднял глаза и одарил мачеху сияющей улыбкой. — Не волнуйтесь, Мэри Роуз, все хорошо.

— О, Лео, — выдохнула она, осторожно прижимая его к себе. — Посиди смирно, пока не опомнишься.

Мальчик жалобно всхлипнул и приник к мачехе.

— Давайте передохнем немного, пока яичница снова не превратится в мозги, — предложила Мэри Роуз. Лео засмеялся. Она слегка отстранилась, изучая его побледневшую мордашку. — Как ты себя чувствуешь? Только правду, Лео.

— Немного голова кружится.

— Неудивительно. Пожалуй, нужно прилечь. Спешить некуда, мы пробудем здесь, сколько потребуется. Макс, привяжи лошадей, чтобы они не сбежали в пасторат, прихватив с собой старого Рикеттса.

Лео и в самом деле было нехорошо, поэтому он не возражал. Мэри Роуз тщательно ощупала его ребра. Кажется, ничего не сломано. Слава Богу! Услышав, как Макс пытается успокоить Гарта, она подняла голову.

— С твоим братом ничего серьезного, — сообщила она, молясь, чтобы так оно и оказалось. А если что-то повреждено внутри? — Лео, у тебя ничего не болит?

Она продолжала осматривать его и наконец легонько нажала на живот. Неужели обошлось?

— Тебя не тошнит?

— Нет, даже голова уже не так сильно кружится.

— Прекрасно! Хочешь, я посажу тебя в седло перед собой и мы вместе поедем на Гарте в Грешл-Торп? Всем полагается шоколад. О Господи, у кого-нибудь есть деньги?

— Мегги самая запасливая. У нее они всегда водятся, — выпалил Лео.

— При чем она выигрывает их у нас, — пожаловался Макс. — Жаль только, что не жульничает — тогда мы могли бы хоть папе пожаловаться.

— Еще вчера папа рассмеялся бы, услышав это, — тоненько пропищал Лео. — Но не сегодня. Он больше никогда не будет смеяться...

Мэри Роуз не знала, что на это ответить, и, чтобы скрыть смущение, стала помогать Лео подняться. Его немного шатало, но он все же удержался на ногах и зашагал к Гарту.

— Ничего, Мэри Роуз, я жив. Это глупый Рикеттс виноват, Когда почтальон подул в свой идиотский, рожок, Рикеттс, должно быть, вообразил, что это сам святой Петр призывает его к жемчужным небесным вратам, отведенным специально для лошадей.

— О, Лео, если с тобой снова случится что-нибудь подобное, убью собственными руками, — шутливо пригрозила Мегги.

Четверть часа спустя семейка дружно расселась за длинным дубовым столом в пивной

гостиницы «Золотой гусь», расположенной в самом центре Греспл-Торп, напротив прелестной зеленой лужицы, гордо именуемой прудом, в которой плавало целых шесть уток. Именно в этот момент в пивную вторгся мистер Димплгейт и уставился на красивую молодую женщину с разметавшимися по плечам волосами и в помятой амазонке, хлопчущую над тремя ребятишками. Мистер Димплгейт, местный пьяница и хулиган, мнил себя неотразимым мужчиной. Он с утра успел накачаться элем и, заметив Мэри Роуз, понял, что сегодня у него счастливый день. Широко улыбаясь и не потрудившись вытереть пену с губ, он вразвалочку приблизился к столу, подбоченился и проямлил, еле ворочая языком:

— Э.., да ты, кажись, гуверан.., гуверантка? А, малышка? Ну прям-таки картиночка, до чего хороша Мэри Роуз взглянула на незнакомца. Он был молод, силен и настолько пьян, что приходилось ожидать неприятностей. Кроме того, он стоял слишком близко.

— Нет, сэр, я их мать, — объяснила она, отворачиваясь, но он и не подумал убраться. — Прощайте, сэр, — холодно процедила Мэри Роуз. — Всего вам хорошего.

В ответ раздался громовой рев мистера Димплгейта:

— Какая ты им мать, глупая девчонка! Так я тебе и поверил! Признавайся, ты горничная? Небось хозяйева велели отвести сопляков домой?

— Убирайтесь! — негодуяще воскликнула Мэри Роуз.

— Ни одна женщина еще не поворачивалась спиной к Димплгейту! — завопил он, хватая ее за руку. — Эй, девка, гляди, я мужчина твоей мечты! Лучшего любовника все равно не найти! Ну-ка, идем со мной!

— Скорее, кошмар любой женщины, — возразила Мэри Роуз, выплескивая шоколад ему в физиономию. Жаль, что он немного остыл!

— Руки прочь от нашей матери, сэр! — взвизгнул Макс.

— Заткни свою пасть, грязное отродье!

Лео вскочил, сделал заднее сальто, опустился на ноги прямо под носом у мистера Димплгейта и толкнул его в грудь, однако тот успел вцепиться в другую руку Мэри Роуз и, падая, увлек ее за собой.

Дети дружно наступали на врага и с криком колотили его кулаками. Владелец гостиницы ломал руки, не имея некоторый опыт столкновений с мистером Димплгейтом, держался поодаль, лишь время от времени взывая::

— Иди домой, Денни. Оставь даму в покое! Она ничего тебе не сделала! Отпусти ее!

Но его голос тонул в оглушительном шуме. Мэри Роуз наконец сумела вырваться и отскочить. Однако негодяй оказался проворнее. Он снова схватил ее за руку и ухитрился привести себя в вертикальное положение.

— Сейчас я выдеру этого маленького прохвоста! — пообещал он. — Береги задницу, парень!

Не растерялась одна Мегги. Выхватив из охапки сложенных у камина дров толстое полено, она встала на стул и огрела мистера Димплгейта по его дубовой башке. Тот развернулся, тупо уставился на девочку, которая теперь сравнялась с ним в росте, и дико взвыл:

— Ты почему ее защищаешь? Да кто она такая? Подумаешь, леди выискалась! Всего-то горничная или нянька, а значит, ей нужен настоящий мужчина! — глумился Димплгейт, тыча себя пальцем в грудь. — Понятно? Вроде меня! Уведу-ка я ее в укромный уголок и покажу, что такое настоящее счастье!

— Она моя мать, идиот! — взвизгнула Мегги, награждая хулигана очередным ударом, и на этот раз достигшим цели.

Мистер Димплгейт уронил руку Мэри Роуз, пошатнулся и рухнул рядом со стулом Мегги. Стул закачался и упал. Мэри Роуз успела вовремя подхватить Мегги, иначе девочка ударилась бы головой о камин. Мэри Роуз защитила ее своим телом, но, к несчастью, сама неловко приземлилась на каменную плиту перед камином. Сверху на нее упала Мегги.

Лео в мгновение ока подлетел к мачехе.

— Мэри Роуз, вы живы. О Боже, Макс, сделай что-нибудь!

Лео осторожно похлопывал ее по щекам, Мегги лихорадочно растирала ей руки.

— Господи, Господи, Господи, — как заведенный повторял мистер Рендалл, хозяин гостиницы, не решаясь подойти к пострадавшей.

— Сэр, — деловито объявил Макс, — нам нужна повозка. Необходимо доставить маму домой. Мы живем в Гленклоуз-он-Роуэн. Наш отец — преподобный Шербрук, тамошний викарий. Пожалуйста, сэр, скорее.

— Да-да, — всхлипнула Мегги. — Папа знает, что делать!

Глава 29

Мистер Рендалл, не лишенный сострадания, лично сбегал за древней телегой, принадлежащей фермеру Биггсу, сам помог выбросить из нее подгнившее сено, и час спустя старый мерин, годившийся в дедушки самому Рикеттсу, остановился перед воротами пастората.

Мэри Роуз была в сознании. Она очнулась еще до того, как мистер Рендалл перенес ее в телегу и осторожно положил на грудку вонючих одеял. Дети уселись рядом и вздрагивали при каждом толчке. Ей не хотелось шевелиться, делать лишние движения.

— Мне немного не по себе, — улыбнулась она, глядя на Мегги. — Ничего страшного. Я уверена, что все обойдется.

— Вы ужасно бледны.

— Еще бы! Каменная плита — не мягкая перина. Но со мной все в порядке. Голова слегка кружится, больше ничего.

— Но если с вами все в порядке, почему у вас такой вид, словно вы вот-вот зарыдаете?

— Я не заплачу. Пожалуйста, родная, не поднимай шума. Не стоит волновать твоего отца.

Но Мегги упрямо покачала головой.

Тайсон не помнил, как очутился рядом с телегой и увидел белую как мел Мэри Роуз, такую слабую и беспомощную, что он сразу понял; это конец. Такого страха викарий в жизни не

испытывал. Он взобрался на телегу, несколько мгновений всматривался в лицо жены, а затем робко спросил:

— Мэри Роуз, что с тобой?

Любимые глаза, устремленные на нее, полны беспокойства. Он встревожен.

Мэри Роуз едва не всхлипнула.

— Это случайность, глупая случайность, Тайсон. Ничего со мной не будет. Просто с размаху ударилась о каменную плиту в гостинице Грешл-Торп, только и всего, но...

Она внезапно схватилась за живот и вскрикнула. Острая боль пронзила ее и тут же стихла.

— Не понимаю, — успела выговорить она, прежде чем боль снова набросилась на нее. Мэри Роуз пронзительно закричала и начала извиваться, стараясь найти положение поудобнее, чтобы избавиться от страданий. словно сквозь сон до нее донесся хриплый голос Тайсона;

— О Господи, она истекает кровью! Он хотел поднять жену, но случайно взглянул на свою руку и увидел, что она покрыта багряными пятнами.

— Выкидыш.

Кто это сказал? Софи?

Боль с новой силой принялась расправляться с жертвой. На этот раз муки были нестерпимы. Мэри Роуз молила Бога о смерти. Только тогда ее страдания прекратятся.

Но что имела в виду Софи? Выкидыш? Она беременна? И сейчас теряет малыша?

— Тайсон, — выдохнула она, вцепившись в мужа.

— Клянусь, Мэри Роуз, все обойдется. Даю слово. Она вдруг очутилась в его объятиях, вздрагивая при каждой новой схватке.

— Я теряю нашего ребенка?

— Тише, дорогая. Все будет хорошо.

Тайсон понес ее в спальню. Впереди бежали Алекс и Софи, на ходу выкрикивая приказания миссис Придди. Софи как раз успела расстелить на постели полотенца.

Он положил жену, но она до боли стиснула его пальцы, не желая отпускать.

— Я с тобой, с тобой, — повторял Тайсон, но Мэри Роуз уже ничего не слышала. Он ощущал ее боль как свою и почувствовал тот роковой миг, когда ее тело исторгло младенца. Кровь, столько крови.., на руках, на одежде.., белые полотенца быстро впитывали алые ручьи. Она снова зарыдала. Он прижал ее к себе, укачивая, бормоча какой-то вздор, и не мог остановиться.

— Скорее за доктором, Дуглас! — велела Алекс. — Слишком сильное кровотечение. Тайсон отстранился.

— Не двигайся! — скомандовал он и, убедившись, что до Мэри Роуз дошел смысл его слов,

рывком поднял подол промокшего платья, сорвал нижние юбки. Кровь на глазах темнела, становясь почти черной. Он заметил среди луж ноздреватые сгустки, бывшие еще сегодня утром их ребенком. А теперь из несчастной матери вытекала ее собственная жизнь.

— Мэри Роуз, послушай...

Она вынудила себя открыть глаза, непонимающе уставилась на Тайсона, стоявшего на коленях у ее раскинутых ног.

— Останься со мной, — попросил он, прижимая к ее животу обернутую полотенцем руку. — Я не шучу, Мэри Роуз. Ты останешься со мной. Черт возьми, ты не смеешь бросать меня! Открой глаза. Вот так. Хорошо.

Он мало знал о родах и еще меньше — о выкидышах. Правда, часто молился вместе с женщинами, потерявшими детей, но ни разу не видел, как это бывает. Зато утешал мужчин, жены которых умирали родами. Он, отец троих детей, никогда не заходил в комнату, где рожала Мелинда Беатрис. Но сейчас, вспомнив ее безумные вопли, содрогнулся.

Пальцы слиплись от крови...

Он отбросил полотенце, взял свежее, поданное Софи, и опять нажал на живот.

— Все будет хорошо, Мэри Роуз, — повторял он как заклинание. Что еще он мог сделать?

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем в спальню вбежал доктор Клаудер, с первого взгляда понял, что происходит, и мягко отстранил Тайсона. Только сейчас викарий увидел, что комната полна взрослых родственников. Хорошо, что хоть детей не пустили! Но они и без того, наверняка поняли — стряслось несчастье. Тайсон не ушел. Он судорожно прижимал к себе Мэри Роуз, пока доктор Клаудер звенел инструментами. В эту минуту он испытывал то же, что и она: шок, страх, мертвящую скорбь. Сердце разрывалось от тоски. Он по-прежнему держал ее у груди окровавленными руками, зарывшись лицом в ее спутанные волосы. На ней все еще был крошечный цилиндр — часть костюма для верховой езды. Тайсон осторожно стянул цилиндр и бросил на пол, краем глаза заметив, как Алекс подняла его и положила на стол.

Все, что угодно, лишь бы унять ее боль!

— Я не знала, — охрипшим голосом пробормотала она. — Я даже не знала, что беременна.

— И я тоже, — кивнул он. — Ничего, Мэри Роуз, ничего. У нас все впереди. Пожалуйста, любовь моя, не плачь!

Мэри Роуз оцепенела. Тайсон только сейчас понял, что именно сорвалось у него с языка, и это наполнило его тихой радостью. Он не сомневался — лишившись Мэри Роуз, он потеряет все. Без этой женщины жизнь его будет пуста и бессмысленна. А если он утратит уверенность в себе и своей миссии, как сумеет служить Богу? В эту минуту, прижимая к себе самое дорогое для него существо, осознавая, как легко он мог ее потерять, Тайсон заклинал Создателя оставить ему Мэри Роуз. На него неожиданно снизошло озарение. Все встало на свои места. Хаос в мыслях, сомнения, мучительные терзания исчезли. В душе разливался невыразимый покой, сердце билось ровнее. Отныне викарий точно знал; все будет хорошо. Улыбнувшись, он принялся осыпать поцелуями ее лицо и надолго приник к пересохшим губам.

— Мы вместе, — прошептал он, чуть отстранившись. — Я люблю тебя, Мэри Роуз. Люблю всей душой. Любил, люблю и буду любить до самой смерти и даже еще дольше. С тобой мы

принесем радость этому городку, нам самим и нашим детям. Пожалуйста, скажи, что я не потерял тебя, иначе для меня все будет кончено, И боюсь, для моих детей тоже.

Мэри Роуз сквозь слезы взглянула в любимое лицо, — Тайсон.., я очень рада, что ты вернулся. Я так тебя люблю, что постараюсь никогда не покинуть, — прошептала она, устало опуская веки. Он слегка коснулся ее лба.

— Кровотечение почти прекратилось, преподобный Шербрук. Вы сделали все правильно. Прекрасная работа! Вашей жене больше ничто не угрожает.

С уст Тайсона снова сорвалась молитва, полная надежды и бесконечной благодарности. Тайсон взошел на кафедру. Сегодняшний день выдался на редкость теплым для английской зимы. Солнечные лучи, проникая сквозь витражи, грели его щеки. Он не спешил заговорить, вместо этого оглядывая людей, которых знал восемь лет. Десятки вопрошающих взоров были устремлены на него. Прихожане, удивленные продолжительным молчанием своего пастыря, начали тревожиться. Тайсон посмотрел туда, где собрались его родственники: братья с женами, дети, племянники и Мэри Роуз, еще слишком худая и бледная. Не оправившись от болезни, она все же пожелала прийти, несмотря на все возражения. И теперь улыбалась ему сияющей улыбкой, казалось, осветившей всю церковь. Уголки его губ непроизвольно приподнялись. Интересно, он когда-нибудь сможет снова стать серьезным?

Тайсон подался вперед, опершись ладонями о кафедру, и начал речь:

— Я прожил здесь восемь лет. В Гденклоуз-он-Роуэн я приехал очень молодым человеком. Этот приход был пожалован мне братом, графом Нортклиффом. Все вы, собравшиеся здесь, были свидетелями того, как я вырос и мужал. Вы принимали близко к сердцу дела мои и моей семьи; и я благодарен вам за это. Каждого из вас я знаю и ценю по его достоинствам. Обстоятельства сложились так, что я унаследовал шотландский замок Килдрамми, а с ним и титул лорда Бартуика. Я отправился туда исключительно из чувства долга, но шаги мои, должно быть, направлял сам Господь, ибо там я обрел необыкновенную женщину, которая показала мне, какое невероятное чудо — наша жизнь, какое счастье быть человеком, возлюбленным не только Господом нашим, но и женщиной, которую он предназначил специально для меня. Благодаря моей дражайшей супруге Мэри Роуз я наконец осознал, как мне повезло. Увидел то, что все это время было прямо у меня перед носом — моих детей, — и понял, насколько они мне дороги. Обнаружил, что повседневное существование может быть исполнено радости, бесконечной радости. И все, что нужно, — это принять ее, раствориться в ней. Я так и сделал. Однако теперь я вижу, как сильно многим из вас хотелось бы, чтобы я вновь стал тем замкнутым, строгим, мрачным человеком, к которому вы привыкли. Серьезным юнцом, исполненным веры в себя и богобоязненным. А поскольку вы никогда не видели его довольным жизнью, веселым, задыхающимся от величайшей любви, то и отвергали. Он казался вам чужаком, вселял в вас неуверенность и неловкость. Ведь если раньше он сурово упрекал вас, создания Божьи, за грехи, которые могут привести вас в ад, и грозил неотвратимым наказанием, то теперь хотел, чтобы вы научились радоваться простым вещам: испытать счастье оттого, что вы живы, ощущать тепло солнечных лучей, слышать смех детей, сознавать, что они ваши и вы будете вечно их любить. Теперь этот человек хочет, чтобы вы всем сердцем верили: Господь любит вас, желает видеть благочестивыми, преданными христианской вере. Поклоняйтесь ему, благодарите Создателя и друг друга за счастье, которое все мы нашли здесь, на его прекрасной земле. Господь создал нас, мужчин и женщин, сидящих здесь, подарил нам способность любить и уважать ближнего, твердо зная, что наше существование не бессмысленно. Именно это позволяет двоим связывать свои судьбы и давать любимому безграничное счастье. Вот я стою перед вами, человек, наделенный одним из величайших даров Господа. Он благословил меня, открыл сердце для удовольствий, которых вряд ли

заслуживает простой смертный. Все вы знаете, что я вернулся из Шотландии с женой, Мэри Роуз. Теперь мы и мои дети стали настоящей семьей и останемся ею, любя друг друга, радуясь нашей близости и нежной взаимной любви. Это моя последняя служба в качестве вашего викария. Мистер Сэмюел Притчерт, человек, которым вы восхищаетесь и которого почитаете, отныне станет вашим духовным наставником и помощником. Не знаю, кого пришлют в Гленклоуз-он-Роуэн на мое место, но граф Нортклифф наверняка хорошенько все обдумает и примет верное решение. Еще раз благодарю за доброту и отзывчивость. Я буду вспоминать вас добрым словом до конца дней своих.

Тайсон улыбнулся собравшимся и сошел вниз.

В наступившей тишине раздался звонкий голос Мегги, разнесшийся по всей церкви:

— О Господи, Мэри Роуз, представьте только, мы вместе! Вы родите детей, я растолкую им, что к чему, как в свое время Макс и Лео...:

— А я научу их рассказывать истории с привидениями, — вставил Грейсон Шербрук. Райдер Шербрук от души расхохотался.

Эпилог

Замок Килдрамми, 15 сентября 1816 года

Огненный шар солнца медленно плыл по небу, согревая землю и зажигая пламенем море.

— Поразительное зрелище! Самое прекрасное в мире! — воскликнула Мэри Роуз, прислонившись к плечу мужа. Тайсон широко раскинул ноги, чтобы она могла поудобнее усесться между ними, поплотнее закутал жену в плащ и обнял за талию.

— Отнюдь, — возразил он, целуя ее ухо и глядя округлившийся живот, — я знаю куда лучше. Кстате, как сегодня наш малыш? Не брыкается?

— Пока успокоился. Наверное, отдыхает, после того как всю ночь подражал акробатическим трюкам Лео.

— На следующей неделе нам придется уехать, любимая. Честное слово, не хочется, но чем дальше, тем опаснее становится путешествовать в твоем состоянии. До Гленклоуза путь не близкий. Кроме того, доктор Клаудер грозился удушить меня, если не он будет принимать роды. Еще он сказал, что, поскольку Макс, Лео и Мегги — такие чудесные дети, он будет счастлив усыновить этого малыша, если вдруг мы решим, что нам он не нужен. — Тайсон рассмеялся, а потом грустно заметил; — Видишь ли, у бедняги два сына, и оба законченные негодяи. Одного сослали на каторгу за избиение и грабеж двух человек, другого пристрелил на дуэли обманутый муж, у которого он увел жену.

— Что ж, мы разрешим доктору посещать новорожденного в любое время дня и ночи, — решила Мэри Роуз.

— Заметила, как вчера все веселились на дне рождения твоей матушки?

— О да! Ну не поразительно ли, Тайсон, что мама наконец нашла свое счастье? Майлз оказался идеальным мужем. Бедняжка все эти годы была вынуждена притворяться безумной, а сейчас смеется и поет как птичка!

Тайсон, желая Гвинет добра, в глубине души радовался, что вскоре окажется далеко от своей эксцентричной тещи.

Помолчав, Мэри Роуз вдруг задумчиво спросила:

— Странно, что ровно через три месяца после свадьбы Донателлы и Эриксона его мать внезапно скончалась во сне. По крайней мере так сказала мама.

Тайсон пренебрежительно усмехнулся:

— Не нахожу тут ничего странного. По-моему, Донателла с рождения, как кошка, приземляется на четыре лапы.

— Надеюсь, ты не думаешь, что она...

— Мало ли что я думаю, но лучше эту тему не затрагивать. Пусть живут как хотят. Кстати, любимая, я получил письмо от Сэмюела Притчерта.

— О Боже, не нравится мне твой тон... Ладно, так и быть, выкладывай, Тайсон. Я готова. Что он пишет?

— Заклинает меня всеми святыми поскорее вернуться домой. Говорит, что Гейтер как представитель конгрегации сам явился к нему. Похоже, вся паства пребывает в тоске и печали. Нас не было три месяца — как оказалось, чересчур долго. Город окутан его черной меланхолией, а все потому, что прихожане уже успели привыкнуть к улыбающемуся лицу своего vicar. К тому, что он в своих проповедях говорил не о каре Божьей, а о том, что они достойны его любви. Согревал их теплом собственной души. Им нравилось обсуждать возникшие проблемы с vicar, который ободрял их, повторяя, что нет худа без добра и не стоит во всем видеть только дурное. Сэмюел пишет, что люди просят меня вернуться, чтобы я снова смог внести радость в их унылое существование.

— Кажется, Сэмюел дошел до крайности и не знает, что делать.

— Совершенно верно.

— Что ж, — решила Мэри Роуз, — погостим немного у Синджен и Колина, а потом двинемся дальше. По первому морозцу.

— Возможно, и раньше. Оливер дожидаться не может, когда избавится от нас. Бедняга совсем извелся. Так любит детей, что они не оставляют его в покое и постоянно дергают, в то же время роль хозяина для него еще заманчивее. Будь его воля, выгнал бы меня обратно в Англию, а вас оставил бы здесь навсегда.

Мэри Роуз шевельнулась в объятиях Тайсона и подняла голову.

— Я рада, что Дуглас и Алекс побывали здесь и своими глазами увидели, какой Оливер молодец. Дуглас так гордится его успехами! А тот прямо таял от похвал.

Она прильнула к мужу, наслаждаясь знакомым запахом. Он нежно погладил ее живот, и ее охватил такой прилив любви, такая всепоглощающая благодарность, что хотелось плакать. Но вместо этого Мэри Роуз прошептала:

— Подумать только, я встретила тебя всего год назад! Помнишь, Тайсон? Я застряла в одном из

проклятых оврагов, а ты выудил меня оттуда.

— Счастливейший день моей жизни, — объявил Тайсон. Мэри Роуз помолчала, положила голову ему на грудь и тихо призналась;

— Моей тоже.

mir-knigi.org